

КАМИЛ ИКРАМОВ

"Славно
за бурю
коней
насти..."

КАМИА ИКРАМОВ

"Славно
за бурю
котей
насти..."

ПОВЕСТЬ

Художник

В. Аверьянов

Москва

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1989

ББК 84Р7
И42

Икрамов К. А.

И42 «Славно за бугром коней пасти...»: Повесть /
Художн. В. Аверьянов. — М.: Дет. лит., 1989. — 208 с.:
ил.

ISBN 5—08—000993—4

Автор рассказывает об учащихся СПТУ, готовящихся стать
сельскими механизаторами, о взаимоотношениях учащихся и пе-
дагогов, о переменах, происходящих в последние годы на селе.

И $\frac{4802010000-491}{\text{М101 (03) } -89}$ 030—89

ББК84Р7

ISBN 5—08—000993—4

© Камиль Икрамов. Текст 1989
© Владимир Аверьянов. Иллюстрации 1989

ЧИТАТЕЛЮ

Эту книгу я писал, видя перед собой реальных ребят, городских и деревенских, которые выбрали для себя профессию сельского механизатора. Я видел педагогов и мастеров, которые любят этих ребят, доверяют им и верят в их будущее.

Сложные личные судьбы героев заставили меня изменить их имена, но разве это важно? Важно, что при всех сложностях жизнь наша замечательная, нужно только не бояться этих сложностей, а говорить о них прямо.

«Не будем себя убаюкивать разговорами о реформе общеобразовательной и профессиональной школы. Скажем прямо: сегодня реформа пока буксует»,— говорил М. С. Горбачев на XX съезде комсомола.

И все-таки даже сегодня профтехобразование дает молодым людям огромные возможности для правильного вступления в жизнь.

Книгу свою я адресую в первую очередь подросткам, но хочется, чтоб ее прочли и взрослые, дети которых выбирают свой путь.

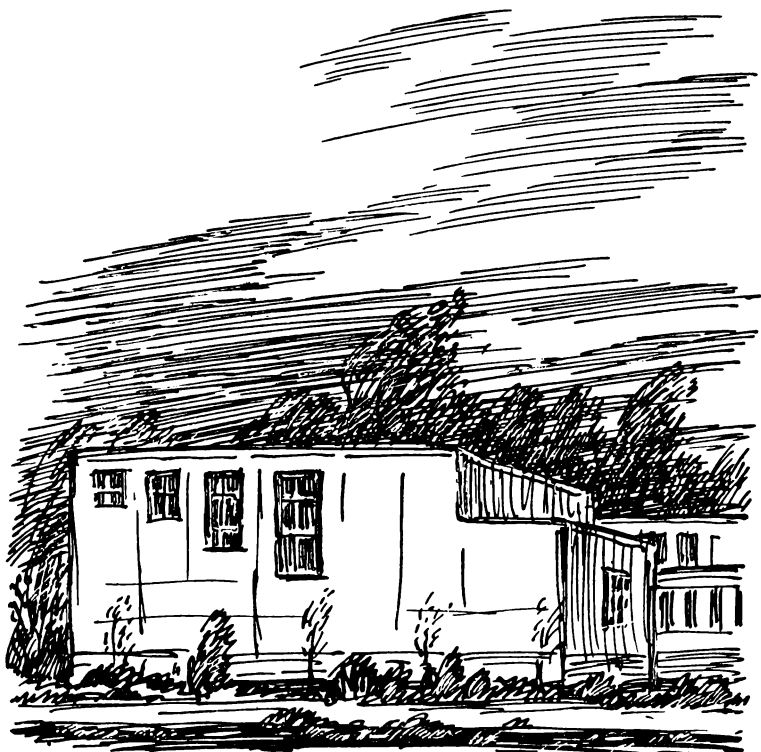
С доверием к юному и взрослому читателю писал я эту повесть.

К а м и л И к р а м о в

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Весть о смерти К. А. Икрамова пришла к нам за несколько недель до выхода повести.

С чувством большой печали и глубокого уважения к этому честному, прямому и бескомпромиссному человеку, талантливому писателю издательство выпускает книгу в свет.

Вместо предисловия

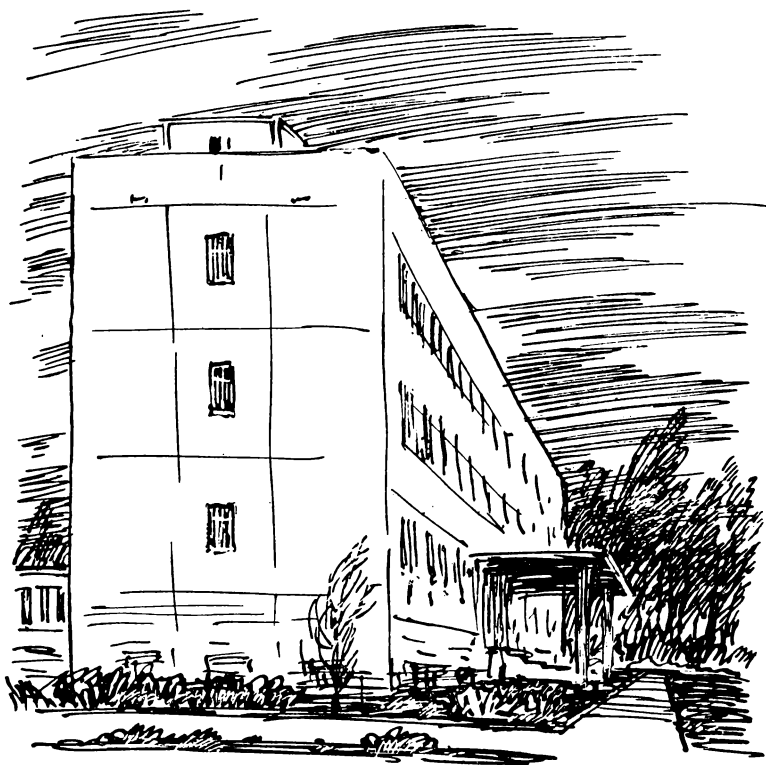
Т Р И Б У М А Ж К И

Зябкое сырое утро.

Голые деревья, голые поля, ветер.

Белые-белые корпуса СПТУ стояли в парке, который считался старым, хотя в нем было много новых посадок, а рядом — совсем молодой яблоневый сад. И даже теперь, когда поздняя осень безжалостно обнажила все вокруг и утренний, холодный свет едва брезжил, парк был красив, а желтые окна спального корпуса излучали затаенное тепло.

Подъем вытаскивал ребят из постелей. Николай ждал их в нижнем вестибюле. Вообще-то его лично бежать никто не заставлял. Мастеру можно и не бегать, а только

смотреть со стороны и подбадривать. Но он рад был, что может бежать вместе с ребятами и вместе с ними и лучше их выполнять трудный и, казалось, уже забытый навсегда комплекс упражнений.

Как и огромное большинство людей, Николай Иванович не мог поглядеть на себя со стороны. А изнутри он мог на себя поглядеть?

Каждый может думать, что видит себя со стороны, но очень немногие понимают, что взгляд этот необъективен, что чаще всего это самообман. Иногда это самолюбование, иногда — самобичевание.

Николай был склонен ко второму.

Он часто думал о невыразимости жизни, о том, насколько легче было бы людям, если бы они открывались друг другу сразу и полностью. Только ведь человек никогда не может открыться полностью, потому что завтра

в нем прибавится что-то такое, что есть и сегодня, но о чем он сейчас не подозревает.

О своих учениках Николай знал лишь кое-что. Нет, конечно, он знал, знал все, что положено мастеру, и даже очень хорошему мастеру или внимательному педагогу, но в отличие от большинства взрослых Николай отдавал себе отчет в том, что всего-то он знать не может. А может быть — и не должен!

Любой человек имеет право на сокровенное, он жив этим, и переступать через эту черту сокровенного для постороннего опасно. Во всяком случае, вторгаться в чужую жизнь ответственность такая, которую Николай брал на себя с большой осторожностью.

Он не был уверен, что это правильно, потому что, наверное, мало читал про педагогику и прямого ответа на свое сомнение в прочитанных книгах не находил. Иногда ему казалось, что осторожность эта — трусость, что нерешительность — от недостатка твердых знаний, но куда чаще он приходил к мысли, что многие беды нашей жизни происходят оттого, что есть у нас такие любители гнуть, которым и сломать человека не страшно. Сейчас перед ним были «салажата», первый курс, совсем еще домашние мальчишки. Они храбрились друг перед другом и перед ним, сложно притирались к новой среде, потому что два-три месяца назад жили с мамами и папами, с дедушками и бабушками, не всегда, конечно, в благополучных семьях, но дома...

Сложной была группа, с которой он так тяжело расстался несколько месяцев назад. А кто знает, какой будет эта? И вот уже второй год за всю жизнь называют его по имени и отчеству. Надо привыкать.

Вот он бежит сейчас по речному песку влажной беговой дорожки, пропустил группу вперед, командует — шире шаг, носом дышите!

Бегут ребята в синих тренировочных костюмах и белых кедах... Зарядку он давал трудную, сачковать не разрешал и удивлялся, что они стараются, очень, в общем-то, стараются, хотя и не у всех получается.

Потом — душ, завтрак в очень красивой столовой...

Порой у Николая Ивановича возникала потребность рассказать ребятам о себе, вроде бы своей жизнью помочь их жизни. Он останавливал себя, чувствуя, что словами и даже исповедью сделать можно очень мало, а возможно, и ничего не сделать.

Если думать о себе словами (а как еще можно мысли свои другому выразить), то получалось что-то очень скучное, казенное. И вся история эта вроде бы укладывалась в три бумажки, в три характеристики, которые училище направило в милицию.

«...Ткачев Борис поступил в СПТУ—7 в 1984 г. после окончания 9-го класса, в настоящее время является выпускником. За период пребывания в училище был дисциплинирован, имел только хорошие и отличные отметки, пользовался уважением товарищей и доверием администрации, был комсоргом группы. В пьяном виде ранее замечен не был...

Настоящая характеристика выдана по запросу следователя райотдела милиции».

«...Ткачев Юрий поступил в СПТУ—7 в 1984 г. после окончания 8-го класса вместе со старшим братом Борисом, в настоящее время — выпускник. За период пребывания в училище нарушений дисциплины не совершал, учился удовлетворительно, принимал участие в общественной работе, в оформлении стенгазеты и наглядной агитации, в пьяном виде ранее замечен не был...

Настоящая характеристика выдана по запросу следователя райотдела милиции».

«Степанов Николай Иванович 1955 года рождения, беспартийный, русский, образование среднее специальное, имеет жену Степанову Наталью Николаевну, дочь Веронику.

Окончил автодорожный техникум. После службы в армии работал на машиностроительном заводе, потом — не по специальности.

В СПТУ—7 проработал меньше года мастером производственного обучения, зарекомендовал себя знающим специалистом, пользующимся уважением товарищей по работе, а также учащихся.

Морально устойчив, никогда не замечался в злоупотреблении спиртными напитками и нарушении трудовой дисциплины. Активно участвовал в воспитательной и общественной работе училища, инициативен, хотя в отдельных случаях проявлял себя недостаточно выдержанным.

По мнению коллектива педагогов, за преступление, совершенное в деревне Ряполовка, уголовную ответственность нести не должен...»

А начиналось это так.

Глава первая

НАТАША

Они жили в новом районе Москвы.

Возвращаясь с работы, Наташа дремала — путь был долгий. Метро, автобус, то сидя, то стоя, а перед закрытыми глазами нелепые сонные картины. В лифте она напрягалась — как они там? Торопилась, открывала дверь, и вот она — ее квартира. Вероничка у себя в комнате играет на пианино, значит, Николай дома, посадил заниматься...

Он лежал на тахте, читал.

— Это я, — сказала Наташа.

— Мам, чай поставить? — крикнула Вероничка.

— Сама. Играй.

— Чайник я только что выключил, — сказал Николай, — пей. И бутерброды на тарелке.

Наташа недолго побыла на кухне, хлопнула дверцей холодильника, пошумела водой, в комнату вошла с большой кружкой, присела на тахту рядом с мужем. Он подвинулся, показал ей обложку книги.

— Купил? — спросила она.

— Обменял.

— А «Таис Афинская»?

— Сказали, через неделю.

— Ты смотри. Я пока «Таис Афинскую» не получу — не успокоюсь.

— Ладно, — уверил Николай. — Достанем.

Он почитал еще, сдвинув брови, шевеля пальцами ног.

Наташа пила чай, устало смотрела в стену.

— Послушай-ка, — сказал он. — «Был язык мой как трость книжника-скалописца и приветливы уста мои как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего и разбил их с ожесточением, как древние — младенцев о камень...» Нравится?

— Это про что? — не поняла она и насторожилась.

Он не удивился, не рассердился ее непониманию. Наоборот, ему нравилось ошарашить ее неожиданным чем-то, озадачить. В ней была способность удивляться и вникать. Разве смогла бы она и жить с ним, если бы не эта ее способность?

— Моление Даниила Заточника. Двенадцатый век. Памятник литературы Древней Руси. Хорошо, да? — Он опять взялся за книгу: — «Друзья мои и близкие мои отказались от меня, ибо не поставил перед ними трапезы с многообразными яствами».

— Вот тебе и двенадцатый век, — сказала Наташа. — Все как у нас.

— Слушай еще: «Ни богатства, ни бедности не дай мне, господи: если буду богат — гордостью вознесусь, если же буду беден — задумаю воровство или разбой».

Наташа поежилась:

— Он что же, не святой был?

— Нет, — сказал Николай. — Это по-теперешнему — заявление. Уволили этого Даниила с должности, он обнищал, просит помочь.

— Тебе бы тоже написать, — сказала она. — Объяснить.

— Да не могу я там работать, — закричал он. — Не могу, понимаешь? Мне за расчетом идти противно, а ты — объясни... Кому?

Как еще можно утешить? Она жалела его, потому что была уверена, что он лучше ее, честнее, тоньше, умнее. Потому у него все сложнее. Она говорила ему об этом, но он не верил ей. Он-то знал, что другие все преодолевают, а он не может. Что тут хорошего, за что жалеть и ува-

жать? Слабак. До армии он был не такой: в самодеятельности участвовал, Чацкого играл в Доме культуры «Новатор». И в армии у него все ладилось, первый разряд по мотоспорту, кандидат в мастера по лыжам.

Когда они с Наташей в загс пришли, там все на него любовались, а он улыбки раздаривал.

— Ладно,— сказала Наташа.— Зеленина накапать? Я ведь тоже с людьми работаю. Кое-что повидала. Думаешь, мне легко?

— И зачем ты меня туда сунула? — Николай сел, обхватил голову руками.

Наташа взяла с дивана книгу, помолчала, глянула на него:

— Я еще на завод схожу, может, в ОТК место не занято...

Вероничка в своей комнате усердно разучивала на пианино новую какую-то пьесу. Она точно чувствовала атмосферу и старалась ничем не огорчать родителей. В ее старательности была своя хитрость, которую отец и мать всегда чувствовали. Вообще, в дружных семьях люди все друг про друга знают. На том и дружба основана.

— Что это Вероничка ковыряет? — спросила Наташа.

— Пьеса новая. Сонатина.— Николай прислушался: — Уже лучше.

Они посмотрели друг на друга.

— Почитай еще,— попросила Наташа.— У тебя как стихи получается.

— «...Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда он много бедствует...»

Коля читал, она прикорнула рядышком на тахте. В своей комнате Вероничка разбирала сонатину. Тепло. Хорошо. И в общем даже спокойно, несмотря ни на что. Если б кто-нибудь сказал сейчас Николаю Ивановичу Степанову, что он пойдет работать мастером в СПТУ, он бы только плечами пожал. Разве его это дело — воспитание? И кто разумный возьмется воспитывать неразумных?

— «Славно за бугром коней пасти...» — прочитал Николай. Он посмотрел на Наташу — она спала.

— «Славно за бугром коней пасти...» — повторил он. Почему-то стало горячо глазам. Он закрыл книгу. Наташино лицо оказалось в тумане.

— «Славно за бугром коней пасти...» — шепотом на ухо ей сказал Николай.— Наташ, ты меня не бросишь?

Ночью он проснулся в тревоге, сразу открыл глаза и почему-то в первую же секунду вспомнил все до единой неприятности своей жизни. Он встал и в одних трусах пошел на кухню выпить сердечных капель. С пузырьком в руке подошел к окну и засмотрелся. Над телебашней, которая едва умещалась в раме окна, чуть сбоку ярко светилась крупная звезда. Николай постоял — звезда дрожала и плавилась в его глазах, выпил капель и лег...

— Ночью видел НЛО,— сказал Николай утром.

Они втроем завтракали на кухне.

— Я вот ничего не вижу, даже снов.— Наташа была не в духе.— Натанцуюсь около клиентов, и все. Как похоронят. Ничего не чувствую.

— Хочешь сказать, что я от безделья дурью маюсь? — спросил он.

— Не знаю,— сказала Наташа.— А только помощников у меня, товарищи дорогие, нет. Ведро и то вчера не вынесли. Совсем мышей не ловите.

Николай отодвинул тарелку, пошел в комнату. Он не обижался. Просто все холодело в нем, замирало, и казалось, что ничего в этой жизни поправить нельзя.

— Пап,— крикнула Вероничка,— а что такое НЛО?

Наташа ушла сердитая. Он опять пошел на тахту читать: все равно неудачник, не добытчик и не помощник, но как это поправить — он пока не придумал.

Вероничка учила сонатину, уже не очень спотыкалась, и становилось понятно, какая это в будущем окажется музыка. Чтение не отвлекало. Неприятности и неудачи, сгруппированные воедино, затмившие собой все прочие события жизни Николая, болезненным жаром заполняли голову, и даже во рту был их недобрый привкус. Такое его состояние Наташа уважительно называла депрессией и пыталась лечить таблетками, каплями, травами.

Он задремал и увидел каких-то черных, отвратительно мохнатых обезьян, которые под Вероничкину музыку рубили мясо.

В дверь позвонили, принесли телеграмму. Николай прочитал, подумал, пошел в комнату дочери.

Я к маме,— сказал он.— Никуда не ходи, играй.

Надоело,— сморщилась Вероничка.

Ну, почитай. Вернись — погуляешь.

Он поехал к Наташе на работу.

Глава вторая

КОНЕЦ НЕДЕЛИ

Тарасову казалось, что он теряет авторитет. Как это происходит, по какой именно причине и происходит ли на самом деле, он решить не мог. Да и что такое — авторитет учителя, воспитателя? Говорят, что сначала, мол, человек работает на авторитет, а потом авторитет работает на человека. Может, в каких иных коллективах это так, а среди детей иначе.

Как ни обидно было Тарасову за себя самого и за ребят, авторитет его стал убывать сразу, как только он серьезно заболел. Вот бы ребятам понять, уважить это, а они вдруг почувствовали слабость и воспользовались ею. Вроде бы получается: не можешь — не берись. Он замечал, как болельщики футбола или хоккея легко расстаются со своими любимцами, если те теряют класс игры. Так и педагог.

Врачи ко всему привыкли, иные вообще всю жизнь только на вскрытиях и работают — патанатомы. Интересно, как они на живых-то смотрят? А кардиологи, а ревматологи? Их болезнью не удивишь, разве что здоровьем.

Вот и сейчас на остановке рейсового автобуса Взгорье — Райцентр Тарасов думал об этом. Ему не впервые предстояла комиссия. По болезни он ушел из армии, по выслуге мог бы давно отдыхать на пенсии. Новая комиссия грозила ему вообще запретом на работу.

Автомобиль «Лада» с нездешним номером притормозил возле автобусной остановки. За рулем сидел его ученик Леша Афанасьев, рядом с ним мужчина лет тридцати в вельветовой куртке и темных очках.

— Садитесь, Евгений Валентинович, — сказал Афанасьев. — До больницы подкинем. Это Эдик, мой старший брат, знакомьтесь: инженер-могильщик.

Мужчина хмыкнул, кивнул Тарасову на брата.

— Нахаленок. Все его балуют.

— И вы, — заметил Тарасов. — Ваша машина?

— Пусть привыкает, — сказал мужчина, — человек должен с детства привыкать к хорошему, чтобы вкус к жизни развивался. Знаете, как бы это попедагогичней выразиться, если поросенок плохо ест, привесу от него не жди.

Тарасов удивился сравнению. Он вообще в последнее время многому стал удивляться, не признак ли это старости, того, что отстают он или же просто отстал от жизни. Почему Афанасьев представил брата как инженер-могильщика?

Спрашивать Тарасов не стал, разговор прервался, и до больницы ехали молча. Только у ворот хозяин машины сказал:

— Что это вы к врачу без подарка? У нас в столице — или коньяк, или же французские духи. Без этого пустой номер.

— До нас эта мода еще не дошла. — Тарасов был угрюм. — А номер у меня и так пустой. В этом году три месяца на больничном был.

Тяжело поднимаясь по ступеням главного входа, Тарасов размышлял о том, что Эдик — имя устаревшее, а вот теперь целое племя появилось среди обычных людей эдаких волосатых и в джинсах, и кличут их эдиками и додиками. Но брат Афанасьева одет был, как артист, без всякого стилижничества...

Возле больницы братья поменялись местами. Хоть и не бог весть какой городок, но все же движение и гаишники. Могут остановить, спросить документы, тем более номер

нездешний. А от райцентра еще тридцать верст, и магистраль надо пересекать.

— Ты зачем треплешься про могилы? — упрекнул младшего брата старший. — Что у тебя, язык чешется?

— Пусть знает. Он правильный очень. «Давайте, ребята, по-честному, чтобы рабочая совесть была чиста. Лучшие из вас могут впоследствии стать инженерами».

— Короче, меньше трепись.

Старший брат и правда был инженером, а в последние три года пристроился работать в какой-то конторе, где делают мраморные, гранитные и прочие памятники и надгробья. Сразу появилась машина, кооперативную квартиру купил.

Их было у родителей двое, а разница в тринадцать лет теперь стиралась, младший очень к этому стремился.

Дома их ждали. Готовился праздничный обед в честь тридцатилетия совместной жизни Софьи Петровны и Леонида Алексеевича Афанасьевых.

Считалось, что Леша очень тяготится неделей, которую живет в училище, и безмерно рад приезжать на воскресенье домой. Так считалось, так думал и сам Леша, и никому не приходило в голову, почему он так озлоблен, так резок, так неприветлив к домашним. Устает, что ли, вдали от родных?

Софье Петровне ее пятидесяти никто не давал. Полнота, которая в молодые годы старила ее, теперь стала молодить, зеленые глаза на гладком, без морщин, чуть курносом лице сияли. Это сияние особенно сердило Лешу, потому что появилось оно слишком, по его мнению, поздно и связано было с обстоятельствами, о которых сыну думать не положено.

Гостей собралось человек десять. Трое с отцовской работы, остальные из селпо, где Софья Петровна была бухгалтером. Ее начальник тоже был тут. Лысый, тощий, вернее поджарый, с дубленным лицом и холодными руками, он походил на полярника, геолога, первопроходца какого-нибудь. Звали его тоже интересно: Аристарх Изотович.

Он и произнес первый тост. Голос басовитый, чуть с хрипотцой.

— Дорогие повобрачные, — с очевидной ухмылкой начал он. — В наш суровый век, когда человек человеку, как говорится, волк, товарищ и брат, крепкая и дружная семья большая редкость. Вот почему мне приятно по-

здравить мудрого и мужественного Леонида Алексеевича и обворожительную Софью Петровну с юбилеем их совместной жизни. Не будем называть цифру юбилея. В наш век цифры ничего не значат. Не человек для цифр, а цифры для человека... Вот я гляжу на Леонида Алексеевича...

Леше не нравилось, как Аристарх Изотович глядел на отца. Была в его глазах спокойная наглость, не сама безнаказанность, а уверенность в безнаказанности. Это же слышалось и в речи. Отец за глаза в разговорах с матерью называл Аристарха «твой Арестант Изотович».

Поселок, где жили Афанасьевы, считался одним из лучших в области. Городские шефы построили здесь много красивого жилья, дома новых конструкций и целую улицу коттеджей с квартирами на двух уровнях. В одном из этих коттеджей инженер Афанасьев получил от совхоза квартиру. Обставила ее Софья Петровна по картинкам из финского журнала. Был у них и гараж, и машина в нем, а теперь вот и старший сын приехал на своей собственной. Про это, про достаток и счастье в семейной жизни, говорилось во всех тостах, и все подчеркивали роль главы семьи.

Отец всем вежливо кивал, улыбался, но вид у него был виноватый. Леша не знал, как родители жили спервона-

чала, но сколько он себя помнил, особого лада в семье не было. Бабушка Маша, мать матери, отца недолюбливала и, когда хотела, могла сказать: «Какой ты мужик, Ленья. Разве мужики такие бывают?» Когда отца обижали, он кидался к Леше как к спасителю. Маленького — хватал и бежал с ним в лес по грибы, зимой вместе с ним катался на санках, а после и на коньках. Сын понимал, что отец цепляется за него, хватается как за соломинку, и от этого в Леше поднималась и росла жалость к отцу, смешанная со злобой на него.

У Аристарха в райцентре была семья со взрослой дочерью, а в совхозной многоэтажке над конторой — однокомнатная квартира. С его появлением возле матери жизнь семьи Афанасьевых стала спокойной. Мать отца обижала меньше, но он не радовался этому, а все мрачнел и даже начал становиться странным: купил аккордеон и учился на нем играть. По самоучителю.

Леша внешне походил на отца, явно был в его родню, в востроносых, чернявых, узкогрудых и тонкокостных, и никогда никому не признался бы он, что боится, как бы его собственная жизнь не сложилась так, как она сложилась у отца.

Гости еще сидели за столом, когда Леша ушел в свою комнату на второй этаж и всю врубил магнитофон. У него их было два: портативный импортный, подаренный братом, и стационарный с колонками. Крутились катушки, громохала группа «Керогаз», которую он переписал недавно. Потом стал петь Александр Розенбаум. Его записи — тоже недавнее приобретение, брат привез.

Интересно, что каждый возраст имеет свое понятие о музыке и другого возраста понимать не хочет. Вот прошла до Лешки мода на Высоцкого, уходит Розенбаум, который под Высоцкого работает, а что будет потом? Леша лежал на спине и думал о своем будущем. Оно ему не нравилось. Дома он не останется, к брату в Москву не поедет. Да и не очень-то брат его зовет.

Вряд ли кто-нибудь из ребят группы мастера Тарасова мог верить, что Афанасьев завидует им. Правда, поскольку чистых чувств у него вообще не было, не было и чистой зависти. Она смешивалась с презрением. Что им надо: дом, машину, деньги? А у него все это было, только в дом его не тянуло.

Леша выключил магнитофон и понял, что гости разошлись. Было тихо, если не считать лязга и грохота на

кухне: бабушка мыла посуду, сковородки и противни. Из отцовской комнаты доносились надоевшие Леше звуки: отец разучивал полонез Огинского.

Вошел Эдик, он выпил прилично, и вид у него был не такой уверенный, что-то виноватое значилось в его всегдашней улыбочке.

— Мать пошла провожать своего Арестанта, — сказал Эдик. — Вот живет, никого не стесняется. А он — хозяин и мудрец. Как высказался: человек человеку волк, товарищ и брат. Диалектика!

Братья Ткачевы гуляли по Взгорью. День был воскресный, но универмаг почему-то работал, и они зашли туда просто так, без дела. Народу было мало, только в обувной секции стояла очередь за туристскими ботинками по тридцать рублей. В секции культтоваров за рядами новеньких, сверкающих золотыми позументами пианино «Лирика» штабелями стояли цветные телевизоры. Некоторые из них работали. На одних показывали учения в воздушно-десантных войсках, на других — девушка в черной с красными цветами кофте играла на кларнете.

У телевизоров братья Ткачевы постояли недолго. Их влекли радиоприемники и магнитофоны. Любили они смотреть, как люди покупают их, как слушают, как пробуют, как придираются к царапинам разным, как щелкают клавишами и кнопками. Сегодня у прилавка людей не было. Две продавщицы, беленькая и черненькая, обе хорошенькие и одинаково завитые, о чем-то лениво разговаривали.

Подошел к прилавку покупатель, хромой старичок метра в полтора ростом. Он попросил показать магнитофон «Электроника».

Черненькая поставила магнитофон, включила в сеть, равнодушно демонстрировала, как работает.

— А записывает? — спросил старичок.

Продавщица включила запись, сказала в микрофон:

— Раз, два, три. Даю пробу.

— Дай, дочка, я попробую, — сказал старичок и стал, на удивление продавщицам и братьям Ткачевым, читать стихи:

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.

Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.

Читал он не сбиваясь, неторопливо и спокойно, не как стихи, а как письмо. Может, для этого стихотворения он и покупал магнитофон. Кому он делал подарок, себе или своей старухе? Может, сыну или невестке? Скорее всего — жене. Дрогнул голос у него на последних строчках:

Не понять неждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.

Продавщица прокрутила ленту назад, продемонстрировала, как стихотворение записалось, и старик, прослушав его все от начала до конца, пошел в кассу платить.

Братья, не отрываясь, смотрели, как старику упаковали покупку, как он, сильно хромая, вышел из магазина и пошел к автобусной остановке. Они тоже вышли на улицу. Магнитофон был их давней мечтой, но сейчас думалось совсем о другом, про что думалось, они бы и сами себе высказать не сумели. Молчали...

Училище стояло в парке за высокими желтеющими кленами, липами и тополями. В спальном корпусе было совсем пусто. Все, кроме Ткачевых, уезжали на воскресенье. И столовая сегодня не работала.

У себя в комнате они включили электрический чайник, нарезали хлеба, колбасы, выставили пакет с пряниками.

— Знаешь, — сказал наконец Боря, — я думаю, у нее теперь наладится. Она слово дала.

— Она уже давала, — сказал Юра и добавил: — Пора уже на поги ей становиться. Не маленькая.

— Она обещала нам магнитофон купить. Помнишь? — сказал Боря.

— Хорошо бы «Электронику». Отличная машина. И недорого вообще-то, — сказал Юра. — Она говорит, что деньги для нее мусор.

Николай вышел из метро. Слова «Салон-парикмахерская» были написаны большими буквами над первым

этажом большого нового дома.

Он не торопился заходить. Слева от входа была доска объявлений. Он прочитал: «Организуется секция борьбы. Принимаются юноши и мужчины до 30 лет. После тренировок сауна, бассейн». Хорошая, складная жизнь была объявлена на стенде.

Рядом с Николаем оставилась женщина. За руку она держала девочку с бантом.

— Может, нашего папу устроить? — сказала женщина. — Чтоб был по-сильнее.

— Это еще его надо спросить, захочет или нет, — сказал Николай и подмигнул девочке. — Очень уж теперь взялись за пап думать, да?

Женщине это не понравилось, она отвернулась и пошла, таща девочку за руку. Девочка оглянулась и дружески улыбнулась. Николай шагнул за стеклянную стену, где пахло чем-то горячим и приторным. От этого запаха и дома было невозможно избавиться.

Наташа причесывала, серьезно разглядывая клиентку в зеркало и там же встречаясь с ней глазами.

Клиентка была лет сорока, тут Наташу не обманешь, но для всех окружающих, особенно для новых знакомых, выглядела она лет на десять моложе. Не за счет косметики это достигается, а за счет умения жить. Нет, не просто умения хорошо, сладко и сытно жить, а так жить, чтобы не тратить нервные клетки, которые, это теперь и ежу понятно, не восстанавливаются.

Наташа замечала, что именно эти спокойные люди любят говорить о страшном и зловещем.

— Говорит, в районе ВДНХ, часа в два ночи, — рассказывала клиентка. — Представляете, она проснулась от шума. Звук был какой-то необычный, прямо нечеловеческий, вибрация какая-то.

— Может, спутник? — спросила Наташа, заставив себя вслушаться и заинтересоваться. — Их теперь много пускают.

— Нет, нет, — заторопилась клиентка. — Все говорят — тарелка. У меня другая знакомая в планетарии работает, я ее спрашивала, возможно ли. Она говорит, мы подписку даем о неразглашении, но в общем дала понять. А еще одна, у нее муж на военном аэродроме, та прямо сказала — все мы «на крючке»... Понимаете?

Клиентка в зеркале впиалась в Наташу глазами.

— Может, они безвредные, — вежливо сказала Наташа.

— Кто? — не поняла клиентка.

— Инопланетяне.

Наташа устроила клиентку под сушилкой и быстренько, прямо в белом халате, перебежала двор и вошла в дверь, около которой стояла бочка и какие-то ящики. Шла она уверенно, видно, все ей тут было знакомо и ее все знали, никто не спрашивал, зачем она тут.

— Ты что не работаешь? — сказала Наташа очень полной женщине, продащице гастрономического отдела.

— Продукты целей будут, а у покупателя деньги. Мне ведь до вечера торговать. Сображаешь?

— У всех свои проблемы, — сказала Наташа и толкнула дверь в подсобку. Мясник Володя отдыхал. Неразрубленная баранья туша ожидала его на потерявшем древесный вид разрубочном пне.

— Привет, — сказала Наташа. — Я смотрю, вы все с утра ни шатко ни валко.

— Нарботались, — сказал Володя. — Чего ворчишь?

— А вот чего. — Наташа положила перед ним здоровый газетный сверток, развернула: — Забирай. Это я тебе посуду сдаю.

«Посуда» эта была кость, похожая на кусок бутылки из-под шампанского, только с косо отбитым горлом.

— Ведь как человека просила. Совести нет. Костица на килограмм.

Володя вздохнул, швырнул кость.

— Мякоть ты кушала, когда у тебя муж мясником был, — сказал он. — А теперь, пожалуйста, как все. Льгота кончилась.

— Справились. Свели счеты! — Наташа стала красной, но все-таки не кричала, старалась потише. — Потому что не такой, как вы...

— Не такой, не такой,— покивал Володя.— В народный контроль его устрой, не такого...

Наташа хлопнула дверь.

Что ж, ее это вина. Называется, устроила мужа на выгодную работу. Знала, что характер у Николая покладистый, руки точные, глаз верный. Сам, думала, он воровать не станет, а ссориться не будет. Зато тяжелую работу всю переделает. Ах, мечты! Ей так хотелось, чтобы все было как у всех, чтобы достаток постоянный, чтобы на юг ездить каждое лето. Машину бы могли со временем... Нет, Наташа не завидовала, просто иногда очень уж уставала она и работать, и за двоих еще переживать. А ей завидовать было грешно. Мало кто жил так дружно, как они жили. Об этом она часто думала, и эти мысли сегодня тоже успокоили, не дали воли обиде и ненависти.

В зале ожидания терпеливо, как пассажиры, сидели готовящиеся к прическе. Их было немного. Поэтому толстая Света, которая всегда причесывала на соседнем с Наташей кресле, сейчас стояла у столика администратора и кричала в телефонную трубку:

— А ты убери, чтоб не видел. Куда, куда... В стенку спрячь. Ну и что... Пусть ищет. Скажи, мама убрала. Чего боишься? Так и скажи... Да чего боюсь-то? Я ничего, а он испугался. И не плачь, не плачь, говорю... Иди, пока он спит, спрячь...

И посетители, и товарищи по работе понимали, о чем Света говорит с сыном, что он должен прятать и от кого. Но разве до того ей было, когда сын боится и плачет. Да и сама она, может, только по телефону такая храбрая.

Света увидела Николая, кивнула:

— Сервिलाтику к празднику не будет?

— Кто его знает...— Он пожал плечами. Видно, Наташа про его уход из магазина еще молчала. Она умела.

— Позвать? — спросила Света.

— Позови.— Николай сел подальше от клиентов, чтобы не вводить мастеров в заблуждение.

Наташа не появилась, зато из мужского зала вышел парикмахер Леня. Хорошенький такой, носик аккуратный, усики, причесочка. В руках пачка сигарет «Мальборо», во дворе его «жигуль» белый стоит, шестая модель.

— С работы? — спросил Леня.

— Уже неделя, как с работы.

Леня понял, поглядел внимательно и снисходительно:

— Что делать будешь?

Николай пожал плечами.

Они закурили.

— Мужiku настоящая профессия нужна,— сказал Леня.

— Чего ж ты-то парикмахер?

— Может, я не парикмахер вовсе? Может, я на стажировке?

— Может,— согласился Николай и с интересом поглядел на Леню.

— У меня дед адмирал, брат — на три года старше — генерала получил. Догадываешься, в каком я чине?

— Скучная у тебя стажировка,— сказал Николай.

— Нам все уметь надо, профессия такая. Всего-то нас несколько человек в государстве. Вчера у меня отгул был — так меня на полигон, самолет испытывать.

— Испытал? — поинтересовался Николай.

— Неполадки кое-какие обнаружил.

Леня готов был сказать, какие он обнаружил неполадки, но с улицы вошел клиент, и Леня бросил сигарету.

— Раздевайтесь, проходите, я вас жду,— заулыбался он и вновь вернулся к Николаю.— Я тут, между прочим, открытие сделал.— Он наклонился: — Насчет волос.

— Чтоб не падали? — спросил Николай.

— Человек, старик, массу энергии выбрасывает на ветер. Волосы содержат элементы энергии? Содержат. Потому что растут, питаются. А мы их стрижем. А потом — болезнь. Как их лечить? Возвратить потерянную энергию...

Вошла Наташа, Леня поцеловал у нее руку и убежал.

— Ну и балабол,— сказал Николай.— Я так. Устала?

— Вероничка что делает? — спросила Наташа.

— Сонатину учит.

Николай посмотрел на се

лицо. Оно всегда много говорило ему и успокаивало. Как сказать ей про телеграмму? Время ли? Но она стала вдруг успокаивать его.

— Насчет магазина ты не жалея, мясо в универсаме купим, — сказала она. — Правильно, что ты ушел. Ничего. Жили на одну мою зарплату — не пропали. И еще проживем.

Николай достал телеграмму. Наташа прочитала, ахнула:

— Ну что ты с ней будешь делать, опять!..

Она еще раз прочитала, вздохнула:

— Надо бы поехать, может, к себе уговорю... Только когда?

— У тебя же отпуск.

— Подработать хотела. Вероничке в комнату «стенку» надо.

— Ну да, пятую, — разозлился Николай. Это он позволял себе, когда речь заходила о покупках, но тут ему уступок не было.

— А тебе на все плевать, я смотрю. Тебе книжки и диван — и все.

— Диван не обязательно, могу на стуле читать. — Он слегка искал уже примирения.

— А я хочу прийти домой в уют, в удобства и отдыхать, как человек. И знать, что я не хуже людей, хоть жилы тяну, как последняя лошадь.

Николай знал, как ее успокоить.

— Ну, вернусь в магазин, — сказал он. — Если хочешь.

Наташа вздохнула и посмотрела на него:

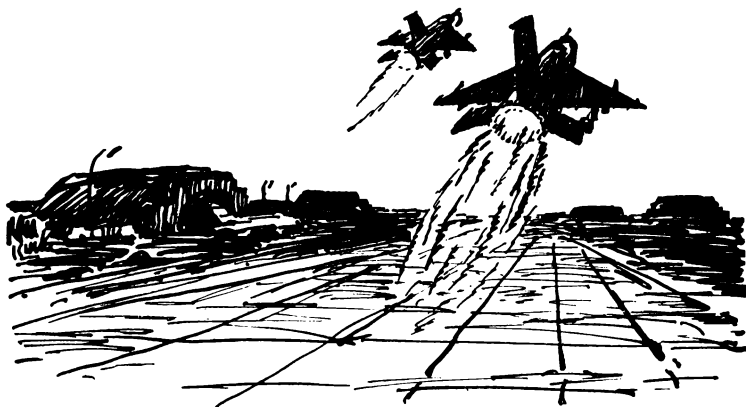
— Может, учиться тебе поступить? А что? Институт закончишь... Гуманитарный. Тебе же просто.

Она верила, что ему все просто. Особенно если по уму, по книгам, по рассуждениям. Он думал о себе куда хуже, потому спросил:

— Билеты когда будем брать?

— Завтра. — Наташа улыбнулась: — Ой, как мне поехать скорей хочется. А тебе?

— Вероничку возьмем, — сказал Николай. — Давно троим никуда не ездили. Я с классной договарюсь. Ведь бабушку искать — благородное дело.

Глава третья

П О Р О Г И

Почему человеку то одно вспоминается, то совсем другое? По какой причине? Ведь не мы хозяева памяти, она сама над нами имеет власть. Нельзя ей приказывать, как нельзя сны по заявкам смотреть. То есть можно что-то вспомнить, если попросят или к случаю какому. Для анкеты, например, или для автобиографии. А почему воспоминания так часто сами собой являются?

Как все мужчины, отслужившие действительную, Николай часто вспоминал армию. Что говорить, много она ему дала: ушел почти пацаном, пиджак сорок шестого размера, а вернулся — только пятидесятый на плечи сел.

Он вспоминал и детдом, где прожил целых девять лет. Дом этот ему родной. Еще бы не дом, если мать за два года до своей смерти его туда определила, а сама уборщицей там устроилась. Он не понимал тогда, что она про смерть свою заранее знала. Может, ей врачи сказали, это они хорошо сделали, может, она их разговор подслушала, может, так догадалась. А кроме нее, никто не догадывался. Разве бы взяли на работу с такой беспощадной болезнью.

Так вот нынче, когда Николай стоял в длинной вок-

зальной очереди за билетами, и позже, когда ездил за покупками-подарками, не сама армия ему вспоминалась, а последние дни в ней. Что же с ним было, тревожился он тогда, перед «дембелем», боялся вступать в новую жизнь? Сейчас ему казалось, что и тогда, и сегодня было в нем чувство ожидания и порога. Одно кончилось, другое еще не началось.

...Над ним вздымались к небу чудовищных размеров паяльные лампы. Это он сам окрестил их так, когда впервые увидел. А с чем их еще сравнить? Паяльная лампа с баками для горючего. По сути, одна горелка, которую называют соплом. Само сопло, тонкий ободок, ограничивающий и направляющий пламя, ну и всякие еще подсобные приспособления, которые служат этому пламени, его фантастической температуре и мощи.

А так — паяльные лампы.

Он крыл рубероидом крышу длинного, метров в сто пятьдесят, сарая, временного склада, который понадобился совсем неожиданно для старой техники. Вообще-то техника была не только не старая, но ой-ой-ой какая новая, однако пришла еще более новая, и этой понадобилась крыша.

Паяльные лампы взлетали с интервалом в тридцать секунд. Они летели прямо над сараем, над Колькиной головой в ушанке, завязанной под подбородком.

Раскатать рулон рубероида, разровнять, потом крепить его продольными рейками, по пять трехдюймовых гвоздей на рейку. Погода портилась и портилась: с утра был просто холодный дождь, после обеда — крупа, или, если хочешь, мелкий град, летящий параллельно земле. Руки мерзли и не слушались, гвоздь становился криво, удар молотка получался неверный.

Кто придумал эту дембельскую работу, этот последний оброк, последнюю дань части, а вернее, тому хитрому старшине, который понял, что солдат перед демобилизацией гору сроет и до центра земли колодец выкопает, лишь бы день лишний не ждать «гражданки». Два года Колька был механиком-водителем, ему подчинялась сложная машина с двигателем в сотни лошадей, с мудрыми приборами и с огневой мощностью, которую не дай бог применить по живым целям. Два года — от рядового до сержанта — нормальный путь, нормальные поощрения.

Аэродром и воинская часть, где служил Николай, принадлежали разным родам войск. Они просто соседствовали, и летчики на взлете и посадке если и замечали крохотную зеленую фигурку на узкой черной полосе крыши, то наверняка не искали в ней знакомого. Самолеты взлетали с интервалом в тридцать секунд и с этим же интервалом заходили на посадку. Появится в небе точка, и, едва приглядишься к ней, она уже огромная серебристая махина. И не видно, что у нее сзади паяльная лампа.

Крутятся над командными сооружениями аэродрома локаторы, катит махина по бетонной полосе, а человек внутри нее, как нерв в здоровом зубе, до поры и незаметен никому.

Николай летчикам не завидовал, он вообще завидовать не умел, хотя в такую погоду, с ветром, один на крыше мог бы и позавидовать. Нет, он повторял присказку, которую когда-то слышал от отца: «Ой, и плохо сейчас тому, кто дома на печке!»

Говорят, у «дембелей» и походочка особенная, уверенная, даже самоуверенная, значки на себя нацепляют свои и чужие, мундиры вопреки уставу перешивают, альбомы делают на соревнование. Всё, чтобы на гражданке показать, каким королем в армии служил. Не со страху ли это?

Николай догадывался, что со страху. Какой спрос с человека до армии? Так и говорят: вот отслужишь, ума наберешься, черное от белого отличать научишься, тогда и жизнь начнешь. А ведь человеку кажется, что он живет со дня своего рождения. Неужто это самообман?

Паяльные лампы над головой Николая взлетали и садились, а что делали в небе — неведомо. Их рев даже сквозь завязанную ушанку давил на барабанные перепонки, и удивительно, как он слышал:

— Эй, сержант! Вас лекция не касается? А ну бегом!

Старший лейтенант, ведавший всеми демобилизующимися, кричал снизу.

— Степанов ваша фамилия? Кто вас поставил в одиночку крышу крыть? Какая в одиночку производительность труда? На лекцию бегом — марш!

По белесой от мокрой крупы и гладкой, как гаревая дорожка, земле Николай побежал к виднеющимся вдалеке бревенчатым домам. Бежал он не очень быстро, потому что ноги затекли и не слушались, а еще потому, что куда спешить.

В клубе было жарко натоплено, зал полон, лекция уже началась. Николай сел с самого края, кто-то подвинулся. Незнакомый майор говорил громко, слова произносил раздельно и четко, как иностранец, отлично выучивший русский язык. Лектор стоял за кафедрой с неизменным графином, а за столом, покрытым кумачом, сидели командир полка, замполит и другие офицеры, с которыми Николай прослужил здесь два года. Он понимал, что видит их, может быть, в последний раз.

— Завтра вы будете на Большой земле, — говорил лектор. — А еще через несколько дней постучитесь в двери родного дома...

— Завтра. — За спиной Николая ухватили именно это слово. — Значит, завтра полетим. А погода...

— Точно — завтра. Зря не скажет.

— Может, он фигурально?

— Еще чего...

Можно было понять и сомневающихся, и тех, кто отметал всякие сомнения. За почерневшими окнами клуба ледяная крупа все густела и густела, но казалось, что тяжелые белые зерна теперь летели среди легких и мокрых хлопьев.

В задних рядах кто-то сердито повторял:

— Фигурально, фигурально... Ох, и не люблю москвичей.

Николай обернулся. Узкоплечий парень, ссутулившись, смотрел куда-то вбок. Судя по всему, он и сболтнул насчет фигуральности.

— Кончайте, — сказал Николай.

— А ты тоже, что ли, москвич? — неприязненно спросил его скуластый парень, которого Николай знал по футбольным соревнованиям. Кажется, он был бурят, звали его Даба.

— А при чем тут москвич? — Николай смотрел строго.

— Да я ничего. А ты из самой Москвы?

— Из самой, — ответил Николай.

Майор на кафедре замолчал, многозначительно глядя в сторону нарушителей тишины.

— Надеюсь, что понимание воинской дисциплины и порядка поможет вам, товарищи, и в мирной жизни. Многие из вас стали в армии хорошими специалистами: механиками, водителями, строителями высокого класса и широкого профиля. Вас ждут стройки Сибири и Дальнего Востока, цехи заводов по всей стране. Советские

воины и в мирном труде всегда отличались мужеством и смекалкой. Закаленные в рядах...

Потом Николай летел на военно-транспортном, потом на гражданском в мягком кресле. Подавали ему завтрак — курицу с рисом, яблоко и кофе с кексом.

Да, он волновался, не знал, что будет впереди, но тогда он был другой. И какой с него был спрос. Да и шло у него потом все нормально. Работал, учился заочно, женился, квартиру с Наташей построили двухкомнатную. Все путем.

Тот порог он перешагнул легко, а этот, новый? Неудачи последних лет вроде бы и прошлую жизнь поставили под сомнение. Говорят, что человек должен найти то единственное дело, для которого произведен на свет, с которого и надо начинать, а он?

И еще Николай знал, что возраст его опасный. Именно в этом возрасте идет вторая волна разводов. Взрослеют люди, созревают для самостоятельной жизни, и тут-то выясняется, что характерами не сошлись. А со стороны поглядеть — полный порядок: бывший детдомовец — глава семьи и едут все вместе в деревню бабушку навестить. Квартиру свою в двенадцатитажке заперли, холодильник «Минск» отключить не забыли.

Поезд летел по тихим вечерним полям, с размаху врывался в сумеречный лес. Он казался жизнью, этот поезд, так безжалостно, не разглядев, промахивал он встречное.

— Простор, — сказала Наташа. — Живешь и не понимаешь, что такое есть. Сутолока, спешка...

Николай глянул на верхнюю полку. Там Вероничка лежала на животе, смотрела в окно.

— Нравится?

— Угу, — сказала она.

— Вот бы здесь пожить, да, Наташ? Романтика...

Наташа, прищурившись, смотрела в окно. Редкие, будто испуганные, огоньки жилья неслись назад.

— Я пожила, — сказала Наташа, — это ты городской, а я-то знаю, почему эта романтика. Лучше в метро каждый день стоя спать, только в городе. В отпуск — другое дело.

Сосед по купе, занимавший вторую верхнюю полку, свесил голову, улыбнулся.

— В городе и жизнь быстрее проходит, верно?

— Слезайте,— пригласила Наташа.— Будем чай пить.

Сосед спустился. Был он лет сорока, светловолос, в рыжину, невысокий и худенький, как мальчик.

— Геннадий,— назвал его и спросил: — В отпуск?

— Ага,— сказал Николай.

— А я домой,— сказал сосед.— Небось к родным?

— К матери,— объяснила Наташа.— Чудит на старости лет. Не хочет жить в городе. Тоже романтику ей подавай. У меня жила — сбежала, у брата — сбежала. Теперь вот от сестры. Сестра телеграмму нам дала. Два месяца всего и пожила. Все на работу, а она — в побег. Вот едем. Надо с ней что-то решать.

— Старики — они привыкают очень,— сказал Геннадий.— У меня дед в деревне, по матери. Я поехал. Мне с ним поговорить интересно, а он меня ночевать к соседям отослал. Привык один — и отослал. Теперь зовет — приезжай. А чего я поеду — у соседей ночевать?

Посмеялись. Потом пили чай, разговаривали. Вероничка листала журнал мод.

— Ух какие,— Геннадий заглянул в журнал.— Это где ж такие живут?

— За границей,— объяснила Вероничка.

Николай слушал разговоры, сам больше молчал, чувствуя какое-то смутное волнение, а может быть, и предчувствуя что-то для себя новое, совсем новое.

Была ночь, вагон спал. Мужчины курили около окна.

— Не сложилось как-то,— рассказывал Николай.— Кончил техникум. Пошел работать в КБ. Не могу. Здоровье, что ли, подвело?.. Прямо непонятно, что со мной творилось. Целый день сидишь — чертежи, духота жуткая, голова не выдерживает. А главное, не пойму, что делаю и кому оно надо. Ушел. Деньги позарез нужны были, кооператив выплачивали. В автосервисе работал. Мастером взяли, чтоб я всю халтуру прикрывал и воровать не мешал. А я мешал... Нет, докладных не писал,

обеих есовцев не вызывал... Но мешал почему-то. Потом в магазин устроился... Ничего у меня, конечно, и там не получилось. Надергался, поскандалил, ушел.

— Это как повезет,— сказал Геннадий.— Заводиться вредно, а терпеть трудно, не всякий может.

Николай махнул рукой.

— И еще ведь — где воровство, там пить надо. А я не могу. Не могу с плохими людьми. Буду что-то думать... Не сложилось,— повторил он.

Помолчали. Геннадий вздохнул.

— У многих не складывается,— сказал он.— Я вот с суда еду. Друг у меня. Росли вместе. Нормальный мужик был. Все книжки, между прочим, прочитал... Даже ослеп. У нас за городом свалка, там раньше книг много валялось. Он целый день лазит, ищет, а потом по почам читает. Наизусть все помнил. Спросишь про что-нибудь, он — в такой-то книге, на такой-то странице. И точно. Сейчас посадили. С девушки шапку снял. По пьянке. Вот тоже не сложилось.

— Водка,— вздохнул Николай.

Сравнение с пьяницей, который еще и грабителем оказался, его не обидело. И не удивило. Они говорили о жизни, и само собой разумелось, что в жизни ничему удивляться не надо, а надо стараться понять.

— Водка,— опять сказал Николай.— От водки половина наших бед.

— Это точно.— Геннадий высунул голову в окно.— Темнотища,— сказал он.— А вон в той стороне — болота. Там наша ПМК. Мелиорация — слышал?

Он повернулся к Николаю и не сразу решил:

— Я, между прочим, тоже пил. Но недолго. Жизнь посмотреть охота.

— А мне жена, когда злится, говорит, уж лучше бы ты пил,— улыбнулся Николай.

— Ну вот. А моя из-за пьянки ушла.

Приятно бил по лицу ветер. Небо готовилось к рассвету... А утром они шагали от вокзала.

Мужчины торопливо несли чемоданы, стараясь не слушать Наташу, которую за руку тянула вперед Вероничка.

— Да господи, да что ж вы придумали, ведь еще столько до деревни добираться!

— Денек только погостите,— успокаивал ее Геннадий.— Завтра и проводим. Два часа автобусом — и вы дома. Ну, день-то никакой роли не играет.

— Город посмотрим,— оправдывался Николай,— Вероничке надо показать. Древний русский город, памятники старины. Когда еще попадем. Ты и сама ничего тут не видела, хоть и жила рядом.

Он показал Вероничке глазами, чтоб просила. Вероничка скакала около Наташи, тянула и дергала.

— Ну, мам, ну правда. Мне ведь потом сочинение писать «Как я отдыхаю». А я что напишу? Как сонатину учила?

— В другой бы раз...— хмурилась Наташа.

— В другой... Вы в Московском Кремле когда последний раз были? — спросил Геннадий.

Наташа задумалась. А ведь и в самом деле: в Москве жить и ничего не видеть. Приедут туристы на три дня, все музеи обойдут, Оружейную палату посмотрят, в театрах побывают. А они? На елку Наташа Вероничку, конечно, водила. И во Дворец съездов, и в Колонный зал, а чтобы все вместе, втроем? Собрались на Ленинские горы, только взобрались к трамплину — дождь хлынул. Все на завтра, на послезавтра откладывается. То в химичку надо, то генеральную уборку затеяли, то просто сил нет — у телевизора день просидишь.

— Ну вот — Геннадий правильно понял ее молчание: — А сюда и вовсе не соберетесь.

— Это верно. Не соберусь,— засмеялась Наташа.— Только удобно ли? Не стесним?

Город вставал им навстречу всеми своими куполами, башнями, зубчатыми стенами и лесом многоэтажных домов в заречной части.

Конечно, не все смогли они увидеть, не все, что собирал этот город много веков. Собирал, хранил, терял и вновь обретал. В этом была его бессмертная история. В бесконечных экскурсиях шли люди, всматривались в спокойный скорбный лик, написанный Феофаном Греком, в росписи белокаменного собора.

За высокой белой аркой кремля открылись его радостные, летящие вверх башни.

— Вот,— сказал Геннадий,— сюда тоже зайдем. Ресторан в настоящих княжеских палатах.

— Из глиняных кружек пить и расписными ложками есть? — спросил Николай.

— Здорово! — запрыгала Вероничка.— Правда, папа?

— Не можем мы без экзотики,— сказал он.— Жизни не чувствуем, историю не любим, а экзотику понимаем.

— При чем тут экзотика? — сказала Наташа.— Ну реставрировали одни палаты, другие, третьи — пусть пустые стоят?

— Пусть читальный зал будет! — крикнул Николай.— Чего ж пивная-то? Зачем?

— Тебе бы только читальный зал,— махнула Наташа рукой.— Ребенок пить хочет — это ему наплевать.

— Да темно там, чудак.— Геннадий обнял Николая, мигнул Наташе и Вероничке, чтобы шли следом.— Темно книжки-то читать, сам увидишь, на мелкий шрифт освещение же не рассчитывали. А пить-есть можно. Мимо рта не пронесешь.

А Николай вдруг свернул за угол и исчез. Наташа не знала, что и думать. Рассердился? Обиделся? Сам же хотел город посмотреть, сам же исторические книги любит.

— Ты не будь такая,— сказала Наташа Вероничке.— Как в сказке с ним живу, не угадаешь, что дальше.

Николай подбежал к ним, сунул в руки по эскимо.

— Очередь,— сказал он радостно.— Поъем в другом месте. А вон там, обратите внимание... По-моему, снова десятый век...

— Мам,— спросила Вероничка, глядя вслед отцу.— Это хорошо, что наш папа не как все?

— Почему не как все? — испугалась Наташа.— У тебя отец дай бог.— Она помолчала.— Вообще-то хорошо.— И добавила: — Для десятого века.

В музее истории русского зодчества отец и дочь бродили вдвоем, мама устала.

— Вот видишь,— говорил отец Вероничке.— Избы, мельницу сюда привезли, церковь деревянную. Все ведь искали. А доставка сколько стоила, а реставрация, а хранение? Государственные деньги тратятся — зачем, как думаешь?

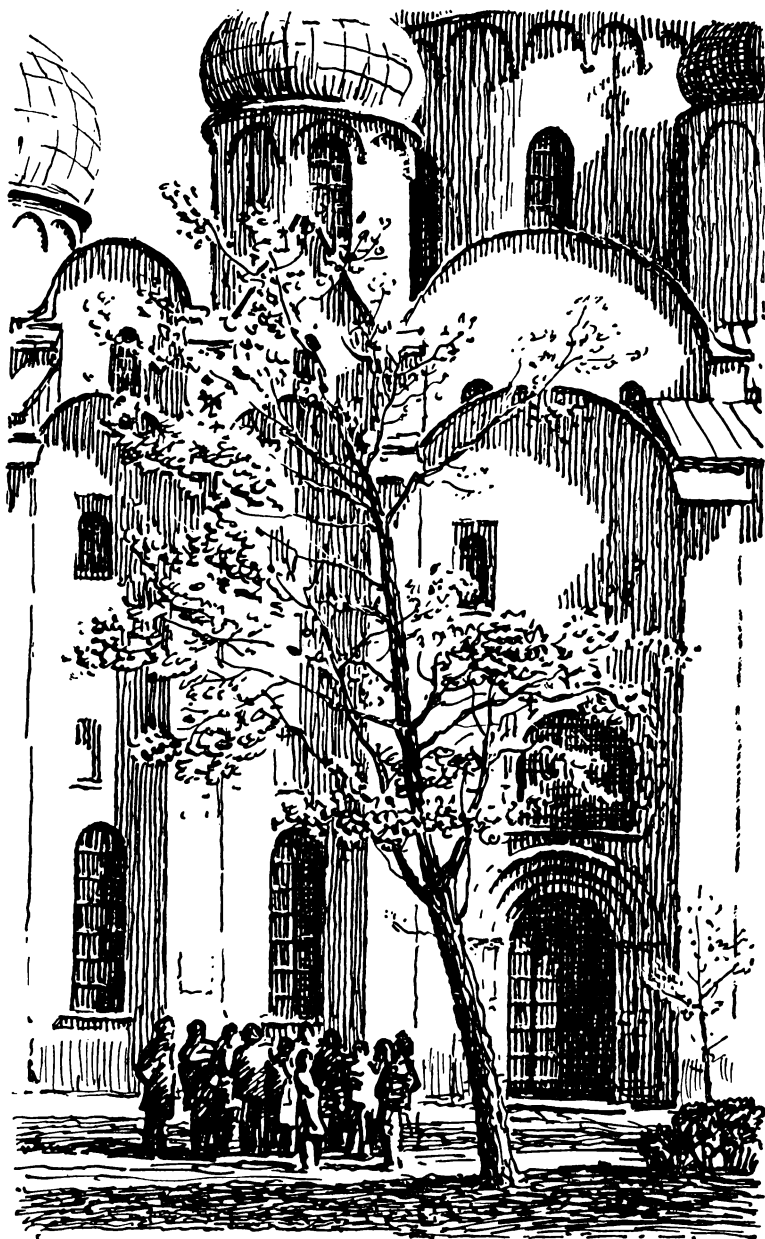
— Для истории,— сказала Вероничка.

— Для жизни,— сказал он.— Без прошлого нет настоящего, оттого и берегут все это. Черепки на раскопках видела?

— Видела,— сказала Вероничка.

— Вот так. Прилетят инопланетяне — мы черепок им. Тысячу лет назад на этой земле в обычной человеческой семье разбили обычный глиняный горшок.

— А они? — спросила Вероничка.

— А они свое... мол, у нас другим пользовались, глину в первый раз видим. Вот тебе и история.

Среди яркой зелени чернота бревен была особенно торжественной. Николай и Вероничка заглядывали внутрь изб, рассматривали резьбу наличников, украшения крылец, ворот.

— Пап, а избы будут, когда инопланетяне прилетят?

— Кто его знает,— сказал он.— Дерево не камень.

Он чуть было не сказал дочери, что смотреть на все это ему грустно, но сдержался, показалось, что не сможет объяснить — почему.

А Геннадий не замечал настроения гостя, потому что очень гордился своим городом. И домом своим гордился, и тем, как встретили отец с матерью его новых знакомых.

— Я всю жизнь маляр был,— рассказывал отец Геннадия.— Отец мой «господин маляр» назывался. А Генка нам династию нарушил.

Николай и Вероничка слушали деда, сидя в убранной белыми салфеточками и скатерочками комнате, где главное внимание привлекали три поставленные в ряд телевизора.

— Выучился он на маляра, начал работать. А маховой кисти — это большая такая, на длинной палке — нет. Та, что есть,— плохая, синтетическая. Ну, он подглядел раз: возчик лошадь оставил, он ей хвост и отмахнул. Судили товарищеским судом, от работы отстранили, «животную, мол, сгубил». Ну а после армии он уже на машины сел.

— Лошадь жалко,— сказала Вероничка.

— Конечно, жалко,— согласился дед.— Он ведь ей не лишний был, хвост-то. Генка в меня, заводной. Я в прошлом году научился телевизоры чинить. На спор. И вот гляди. Лучше новых. Четкие. Могут подарить.

Телевизоры работали отлично. Редко такое увидишь.

— Пап, смотри! Пугачева! — подпрыгнула Вероничка.— А звук можно?

— Вот со звуком у меня пока не ладится,— сказал старик.

Хозяйка и Наташа вместе внесли тарелки, накрыли на стол.

Вероничке внезапный отъезд из Москвы — подарок. Все интересно, а в гостях у незнакомых людей в знаменитом городе и вовсе развлечение. Из кухни пахло вкуснее, чем дома. Вид из окна красивее. Буфет какой ста-

ринный, с выпуклыми дверцами и гранеными стеклами, стулья гнутые. Кино! А разговоры обычные. Вот мама про папу рассказывает. Одно и то же, одно и то же.

— Он у нас все фантазирует, — рассказывала Наташа. — Он хороший, добрый очень, только фантазер. А разве в наше время это можно?

Хозяйка согласно кивала:

— Мой дед тоже не дай бог. Телевизоры старые откуда-то таскает да чинит. Я вечером уже по трем гляжу, а он у себя в комнате четвертый мастерит. И все немые.

— И нигде-то с работой у него не ладится. Прямо не знаю, куда его устроить... Где надо бы промолчать — он выскажется, да как! А кто это теперь любит? Ему бы археологом быть или в архиве сидеть, а с людьми у него не получается...

Мама говорила, а Вероничке не нравился ее рассказ. Чего это чужих людей в свои дела посвящать? И жаловаться на папу не надо. Вот когда он в школу за ней заходит, девчонки завидуют. И рост, и одежда, и на лицо красивый. Если бы Вероничка когда-нибудь стала выбирать себе мужа, она бы постаралась найти точно такого, как папа. Но потом Вероничка подумала, что мама, кажется, и не жаловалась вовсе, а может, даже хвасталась, что муж у нее необычный и что она про него все это знает и заботится о нем. Если это не так, то почему мама в зеркало время от времени смотрится и вид ее ей нравится?

И последние слова мамы подтвердили мысль Веронички:

— А вообще-то ничего живем. Все есть.

— Ну и дай бог, — сказала хозяйка. — Дай бог.

А Николай рассказывал деду, что вроде бы в здешних местах воевал его отец, письма были с этого фронта, а интересно бы поглядеть...

— В каком точно месте твой отец воевал, теперь не узнать, — говорил отец Геннадия. — А мое место есть. И надо ведь — от дома близко... Вот он — мой дом, а вот тут — фашисты. Это пережить надо. Каждый год 9 мая туда еду.

— Посмотреть бы, — сказал Николай.

— Что ж там... Лес да трава. А на каждом шагу под той травой — могила. Сейчас там Генка работает, под хлеб это место готовится.

Теперь Вероничка слушала разговор мужчин.

Она видела, что отцу захотелось посмотреть тот лес

и то поле. Про детство свое отец рассказывал мало, дедушку сам плохо помнил. Осталось несколько дедовых фотографий: до войны он был мальчишка, в одних трусах стоял у речки, в руках удочка; потом он был в пилотке, на гимнастерке три медали. Это после войны. Еще была большая фотография, хорошая. На ней трое: дедушка, бабушка и папа, завернутый в одеяло.

Когда Вероничка была совсем маленькая, она эти фотографии часто разглядывала, а теперь почему-то редко. Наверное, времени мало: уроки, музыка...

— Съездим? — Отец поглядел на мать.

— В другой раз, — сказала она. — Честное слово, в другой раз.

Рейсовый автобус остановился перед огромным теремом в стиле «рюс». Яркая надпись горела синим и красным — ресторан «Лель». Николай, Наташа и Вероничка вышли в сырую, вечернюю прохладу.

— Отгрохали! — Николай оглядел залитый светом терем.

У «Леля» был разезд гостей. Русская речь мешалась с немецкими, чешскими, итальянскими фразами. Одни гости садились в свои машины, другие заполняли автобусы, чтобы ехать дальше, к городам-героям и городам-музеям.

Из ресторана-терема неслась песня про бродягу, который к Байкалу подходит. Только не сразу можно было этот текст разобрать, потому что пели песню какие-то иностранные певцы. Это было слышно по акценту и иностранной же аранжировке старинной русской песни.

Наташа оглядывалась, пытаясь узнать знакомые места.

— Может, на попутке удастся, тогда через полчаса будем. А автобус — как подойдет... Это вам не Москва... Пораньше выехать надо было, а вас унесло на полдня.

Вероничка сонно и безучастно сидела на большой дорожной сумке. Николай погладил ее по коротко стриженным волосам.

— А зато мы на Славковой улице были... Про нее в летописи сказано, что на Славковой улице... — Он сделал паузу.

— Тополицы сажали, — закончила Вероничка.

— Ночевать у Михаила придется. А могли уже сегодня в Ряполовке быть. — Наташа не сердилась, просто по привычке воспитывала мужа и дочь.

Откуда-то из темноты вышел к остановке старик. На нем были брюки галифе, сапоги. На голове вязаная спортивная шапочка в полоску.

— На станцию? — спросил он.

— Нет, в противоположную сторону, — сказал Николай.

Старик приглядывался:

— Из гостей или в гости?

— В гости, — сказала Наташа. — Правда, я здешняя. Родилась и выросла тут.

— Вроде личность знакомая, — обрадовался старик.

Николай засмеялся:

— Да она, дедушка, двенадцать лет как москвичка.

— Я тоже третий год в городе живу, — сказал старик. — У сына. А так всю жизнь в этих местах конюхом был. Мои и похоронены все здесь. Жена, дочь... Бывало, сгоню лошадей в овраг, а сам на кладбище... сижу, беседую с ними... А щас слабеть начал и приехал вот, чтоб, значит, повидать. — И вдруг без перехода, тоскливо спросил: — А то, может, надумаете, поживете подольше?

Николай и Наташа переглянулись, пожали неопределенно плечами. «Шапочка, наверно, внука», — подумал Николай.

— Поживите, — попросил старик. — Места тут больно хорошие, травы душистые...

Он замолчал, отвернувшись от шумной и яркой магистрали, смотрел в темноту, где по свежему и легкому

ветерку угадывались не занятые под жилье и удобства просторы.

Наташа вдруг ойкнула:

— Это ж Михаил!

— Где? — не поверил Николай.

— Да вон в машину садится, братик мой дорогой. — И добавила: — Ты его не заводи, он у нас первный.

На стоянке перед рестораном мужчина в русской вышитой рубаше с красным кушаком, в широких шароварах и сапогах открывал дверцу блестящих под неон «Жигулей». Сестре с мужем и племяннице он не удивился, но и не сильно обрадовался: были у него основания ждать их в эти дни.

Машину Михаил вел лихо. Дорога была не из лучших, выше всех подкидывало худенькую Вероничку. Николай смотрел в широкую спину зятя, обтянутую бутафорской рубашой.

— Тебе бы тройка с бубенцами подошла, — сказал он.

— Не стал снимать, — объяснил Михаил про рубашу, — Нинка стирает.

— Как она? — спросила Наташа.

— А чего. Библиотекарь в училище. Денег с нее не требую.

Михаил женился второй раз, но спросить, как поживает прежняя жена с ребенком, Наташа не решилась. Она только забеспокоилась, трезвый ли Михаил сидит за рулем. Присмотрелась и определила: трезвый.

— Автотуристы советские и иностранные, — рассказывал Михаил. — День работаю, два отдыхаю. Фирма.

— Научились мы все-таки иностранцев принимать, — сказала Наташа.

— Ресторан в русском стиле и ансамбль «Березка» — съезвил Николай. — Национальный по форме, социалистический по содержанию.

Наташа глянула на мужа, чтоб опять не сказал чего лишнее. Просила ведь при Михаиле помалкивать.

— Зато светло илюдно стало... А была глушь да темнотища, — примиряюще сказала Наташа. — Мать-то часто навещаете?

— В том-то и гвоздь, — сказал Михаил. Через день гоняю. А осень придет? А зима? Кончать надо с этой избой проклятущей. Не будет избы — некуда ей будет и бежать.

— Что ж, избу можно и сжечь, — серьезно сказал Николай.

Вероничка засмеялась, ей нравилось, когда папа так серьезно говорил нелепости.

— Зачем? — невозмутимо возразил Михаил. — За нее еще деньги дадут.

Он глянул в зеркальце на Николая. Не дурак был Михаил, понимал, почему зятек так весело всегда с ним разговаривает.

— Как с работой-то? — спросил он. — Ладится?

— Уволился, — сказал Николай. — Но сервилат везу.

— Матери отдашь... Какую же теперь специальность выберешь?

Михаил платил за иронию иронией.

Николай молчал. Наташа оглянулась, увидела, что муж смотрит на дорогу. Это ее устраивало.

— Ты Валерку Волкова, ухажера своего, помнишь? — спросил Михаил.

— Еще бы, — сказала Наташа. — Попортил он мне крови... Я вон и Коле рассказывала...

Михаил усмехнулся. Повезло недотепе-зятю, вон как его Наташка любит, так и сторожит, чтоб не задела.

— Сосед наш теперь, — продолжал Михаил. — Весной ногу сломал... Жена его дома заперла, а кто-то и поманил снизу бутылкой. Он по трубе и заспешил... Про тебя часто спрашивает, когда выпьет. А пьет по-черному.

Показались огни Взгорья.

— Не спи, — сказала Наташа Вероничке. — Уже приехали.

— У меня-то лично есть одна мечта, — вдруг сказал Николай. — Хочу конюхом поработать.

— Да ну, — обрадовался нелепости зятя Михаил. — А чего? С техническим-то дипломом милое дело. А кнутом щелкать умеешь?

— Научусь как-нибудь, — сказал Николай.

— Хватит молоть, — рассердилась на мужа Наташа. — И мелет, и мелет...

— А помнишь, — сказал ей Николай, — «Славно за бугром коней пасти...»

Наташа все помнила, что помнил муж, но не для чужих ушей их личное, то, что для двоих существовало.

Михаил стал тормозить.

— Вот мой дом. Переночуете или прямо в Ряполовку?

— Если не трудно тебе, Миша, — ласково сказала Наташа. — Мы и так задержались, сердце не на месте.

Михаил уставал от чужих людей на работе, от своих

уставал еще больше. Он рад был бы сбавить сестру с семейством тут же, но почему-то решил все сделать наперекор себе.

— Ночь уж. А дорога — одни ямы. Завтра отвезу.

Ночевать остались у него. Нина встретила их хорошо, но радость свою особенно не показывала, боялась раздражить усталого после работы мужа.

Большинство домов в деревне было заколочено, многие заваливались, были и плешины в жесткой траве, где угадывались места бывшего жилья.

— След человека на земле вечен, но удивительно быстро порастает пустырником, — негромко сказал Николай.

— Что? — не поняла Наташа.

— Вон та травка называется пустырником. Ты меня для успокоения нервов ею поила.

Они вышли из машины, оглядывались. Михаил и Нина освобождали багажник.

— Вот и бабушкин дом, — показала Наташа Вероничке. — Узнала? Старенький какой стал, уж на одну сторону валится.

Вероничка смотрела внимательно, и одна среди всех почему-то не удивилась, когда совсем рядом вдруг звонко зазвучали скрипичные пассажи, что-то быстрое и изящное, сотворенное профессиональной рукой.

— Дачники, — сказала Нина.

— Акустика, — оценил звучание Николай. — Кто-то систему приобрел.

— Это скрипач из Москвы дом себе здесь купил. — Михаил рад был уличить гостя в ошибке. — «Акустика!» Живую скрипку не отличишь. Это лауреат известный, машина у него «мерседес». Сюда от славы своей скрывается. — Михаил ухмыльнулся: — Или от жены.

Он с раздражением толкнул неприкрытую калитку, ведущую на материнский двор.

— Ведь починил специально... Хоть пружину ставь.

Наташа выхватила у него сумку с подарками для матери, обогнала брата и первая вошла в дом. Николай пригнул голову, вошел следом, держа Вероничку за руку. В темных сенях чуть пахло давней крестьянской жизнью — коровой, сеном и молоком, а в старой избе было чисто и прибрано и неожиданно пахло свежесмолотым кофе.

— Что ж ты, мать, калитка у тебя опять нараспашку,— с порога выговорил Михаил.— Ждешь, что ли, кого все время?

— Жду,— сказала бабка.

Ее звали Настасья, она была невысокой и щуплой, с твердым выражением на маленьком лице, не по возрасту яркие глаза тонули в мягких морщинах.

— Еще как жду...— Она прижалась к Наташиной груди, по-детски обхватив шею дочери руками.

Наташа и Нина выкладывали на стол привезенное. Бабка без всякого интереса смотрела на пакеты молока, баранки в полиэтилене, консервные банки и твердые палки колбасы. По всему было видно, что приезд детей настрожил ее. Она-то знала, с чем они приехали.

— Что ж ты, мам,— начала Наташа.— Опять сбегала?

Темные бабкины пальцы беспокоились на вязаной скатерти.

— Не хочу в чужой земле лежать,— отрезала она.

— Что ж, тебя помирать звали? — закричал Михаил.

— А то нет.— Старуха не поднимала глаз.— Мне вон и цыганка сказала: «Плохо тебе будет, Настасья».

— Какая цыганка? — обмерла Наташа.

— А по телевизору... У Таньки-то цветной, с комод будет.

Все замолчали. Михаил громко вздохнул, шлепнул толстой ладонью по столу: мол, пожалуйста, и все на мою голову. Николай не сводил глаз со старухиного лица и подметил в нем совсем особое молодое озорство, которое успокоило и развеселило его.

— Теперь, мам, вся земля своя,— сказал он.— А говоришь — чужая.

— Вот оно и плохо, что вам вся своя... А родной нету. Увезете — опять убегу,— сказала она твердо.

Вероничка фыркнула, бабка подмигнула ей.

— А как ты зиму здесь жить собираешься? — Михаил возвращал всех к тому решительному настро-

ению, в котором сюда ехали.— Все засыпет, мне что, на самолете к тебе летать?

— А не летай,— спокойно сказала бабка.— Ты ж не летчик, чего тебе летать.

— Да вас, мама, этой развалюхой придавить может,— поддержала мужа Нина.

Бабка спрятала глаза, вздохнула:

— А что ж... Мне и цыганка сказала.

Михаил мерил шагами избу, остановился за материной спиной, покрутил у виска пальцем.

— Мам, может, с нами поедешь? — сказала Наташа.— Ведь просторно, газ... Каждый раз дома кран открываю — тебя вспоминаю. Ведь семьдесят пять тебе, а вода-то в колодце.

Бабка задумчиво смотрела в окно, правой ладошкой плотно прихлопнув твердый крестьянский рот.

— А в Малахиной избе все играют и играют,— грустно сказала она.— А на кладбище у ней могилка-то совсем было травой заросла...— Она распрямилась, сказала решительно: — Никуда больше не поеду... И весь сказ. Ездить не неволю. Руки, ноги не отнялись, слава богу. Да и постоялец у меня теперь есть.

— Как? — ахнул Михаил.

— А так. Сын Малахин приехал. Серафим. Для города ему здоровья не хватило, а тута жить негде. Поторопились, продали избу, думали, не сгодится.

— А вы-то, мама, при чем? — спросила Нина.

— Как при чем? — удивилась бабка.— Серафим крестник мой. Вот и пусть живет.

— Ты бы хоть нас спросила.— Михаил громоздился над старухой.— Самовольничаешь!

— Ага,— кивнула бабка и осекла крик сына: — Да не грози ты мне, не грози! Ишь гроза какая! Моя изба. Кого хочу, того пускаю.

— И правда, остынь, Миша,— сказала Наташа.— Ты же только хуже делаешь.

Но Михаил не остывал, похоже было, он специально раскручивал себя.

— Ну конечно, я все хуже, а вы все лучше! Обе сестрички живут не тужат, только у плохого сына голова об матери болит.

— Чего ты упрекать-то вздумал? — возмутилась Наташа.

— А пичего... Надоело! Давайте, товарищи москвичи,

действуйте. А мне, честно говоря, не до того. Мне свою семейную жизнь надо еще налаживать.

— Или она у тебя опять разладилась? — загоревала старуха, испытующе глядя на Нину.

Михаил не объяснял, быстро собирался.

— Счастливо оставаться! — В дверях он обернулся: — Еще раз скажу. Серьезный разговор вести готов. Только уж и решение чтоб было принято серьезное. Адрес мой знаете, родным мы рады. А попусту балаболить меня не тревожьте.

Николай пошел следом, проводить до машины и успокоить. Звал Наташу. Она вышла нехотя, когда брат уже заводил мотор.

Вероничка сидела за столом напротив бабушки; как все дети, переживала и удивлялась резкой безжалостности взрослой жизни.

Бабка Настасья слушала, как за окном шумно отъезжала машина.

— Я, бывало, молодая, по грешности, пошумлю да и прочь ее, обиду-то, чтоб и следочка не было. А дети, прости господи, как зверьки... Сердятся, кричат... Видно, не так живут, если покоя в них нет. — Она улыбнулась внучке: — Ты-то погостишь у бабушки?

— Недельку, — сказала Вероничка. — Мне в школу.

Бабка кивнула на звуки за окном:

— А в Малахиной избе все играют да играют...

Над пустой деревенской улицей легкой бабочкой летел Паганини.

К вечеру пришел Серафим. Увидев гостей, застеснялся, потоптался в дверях.

— Ничего, — сказала бабка Настасья. — Места хватит.

Серафим был невысокий, полный, с пухлым лицом и светлыми волосами ежиком. Но почему-то сразу угадывалось, что полнота и пухлость не от здоровья, что это болезнь, которая уже подчинила себе человеческую жизнь.

Наташа не выдержала, ахнула:

— Ой, Сима, изменился ты как...

— Так ты его и видела-то когда, — смягчила бабка Настасья. — Изменишься...

— Болею, — сказал Серафим. — Инвалидность вот дали.

— Пил, что ли? — прямо спросила Наташа.

— Да куда там, — Серафим словно извинялся. — Кофе вот только люблю.

Глава четвертая

РЯП О Л О В К А

День уходил торжественно и прекрасно, как все, что завершает свой путь среди вечной красоты неба и зелени. Было спокойно и — просто.

Николай толком не смог бы объяснить, как он оказался за деревней, где начиналось просторное поле.

Был вечер — время травы. С отчужденного сумерками неба пришла прохлада и тишина, а прогретая трава жила и звучала: тцы, тцы, тцы... Качались высокие стебли с тяжелыми головками-соцветиями. Непроходимый лес, маленькие джунгли с томительным запахом и сухим стрекотом звонких барабанчиков: тцы, тцы, тцы. Он вглядывался в таинственное покрытие земли и, как всегда, когда случалось быть одному, удивлялся жизни. Ну хорошо... С человеком вроде бы понятно, как от обезьяны он и до наших дней... А с остальным как быть? Жучки, паучки, звери, птицы, рыбы... Как это столько разнообразной жизни на земле образовалось? И каждая не во вред, а в помощь другой. Что ж это все, без всякого помысла, само по себе сотворилось? Николай огляделся.

Просторная земля молчала, не открывала тайну. Он вспомнил любимую Наташей книгу про Солярис, планету, населенную единственным мыслящим существом — океаном. Огромный мозг, который изучал, анализировал, экспериментировал. Земля, может, тоже эксперимент... Вон какие диковины ее населяли — динозавры, птеродактили... И не подошли, сбыла их Земля. Человека вот пока терпит. Только чей это эксперимент? Про бога он думать не захотел. Уж чего нету, того, к сожалению, нету. Если есть зло, жестокость, война, значит, никто этой планетой не управляет, сама вертится...

Он шел, и ему впервые за многие дни было удобно жить. Есть пшеница, и есть лебеда, думал он. Зарасти вся земля добрым злаком — человеку б и лопуха не найти. Значит, для чего-то нужен и он, Николай, его Наташа, их Вероничка. У них свое место на Земле, им отведенное, для них запланированное, и обязанность у них понятная: тянуть тоненькую паутинку-ниточку жизни, не порвав, передать ее дальше...

Когда он вернулся, все сидели на покосившейся заваulinке. Наташа тревожно глянула ему в лицо.

— Красотища! — улыбнулся он ей.

Никто не заметил ее тревогу и его радость. Тут было свое.

— Танька ничего, молодец, — рассказывала бабка. — Все у нее есть, фрукты детям покупает... — Она жалостливо посмотрела на тихого Серафима: — Там я тебе травку заварила. Попей.

— А вы умеете это, травой лечить? — заинтересовался Николай.

— Какая я лекарка, — засмеялась бабка, — что по телевизору скажут, то и знаю... У нас тут раньше старичок жил — тот лечил. Откуда только к нему ни ехали, и всех на поги ставил. А денег не брал.

— На что же он жил? — спросила Вероничка.

— Много ли человеку надо? — Бабка покачала головой: — А что и надо — все под рукой.

Наташа прислонилась к плечу мужа, смотрела в ночное еще по-августовски яркое небо.

— У меня клиентки все на жизнь жалуются... Сядут, посмотрят на себя в зеркало — и давай: и про мужей, и про работу... И чего мне такие попадают? — Она засмеялась. — Другим мастерам везет, а мне одни жалобы достаются.

— А я вот тоже, — сказал Серафим, — денег с клиентов не брал. Они думают, раз слесарь — суют рубль, а то и трешку. Нет, говорю, мать заказала.

— Она и правда заказала? — спросил Николай.

— Это я придумал, чтоб не обижать.

Спать ложились, когда было совсем темно.

— На сеновал пойдете? — сомневалась бабка. — Да сено-то у меня больно старое, не душистое уж.

Но Наташа и Николай пошли на сеновал. Сено все-таки было еще душистым, и когда он обнял ее, в голову ему чудесным хмелем ударил запах травы.

— Хорошо, что приехали, да? — спросила она.

— Очень. Я завтра избу чинить начну. Пусть стоит, — сказал он, и в его словах Наташа впервые услышала то, что когда-то так легко покорило ее: уверенно звучащий голос, спокойная, не требующая доказательств независимость. Люди называют это свободой, волей, даже силой воли. И, еще сомневаясь в своей догадке, Наташа искоса глянула на мужа.

— С ней возни много. За неделю не управисься.

Он молчал, и это очень ее встревожило.

— Знаешь что, — сказала Наташа, — а ты задержись тут. Похозяйствуешь, с матерью побудешь. Может, с ней потом и приедете.

— Посмотрим, — неопределенно сказал Николай, и опять Наташе стало тревожно.

— Да что посмотрим... Тебе ведь нервы подлечить надо. Я в последнее время домой иду — не знаю, какой ты меня встретишь. Иду и боюсь... От сердца уж начал принимать... Оставайся. Тебе все душно, и бессонница, а тут воздух. Я пока насчет работы буду узнавать.

Он долго молчал, хмурился, наконец пробормотал себе под нос:

— «Как олово пропадает, когда его часто плавят, так и человек, когда много бедствует...»

— Конечно, — подхватила Наташа. — Такая жизнь. Я и то не выдерживаю.

Он слушал Наташин голос и, не принимая никаких решений, уплывал в глубокий блаженный сон. Наташа посмотрела ему в лицо и счастливо вздохнула — таким спокойным оно уже давно не было.

— Коль, — прошептала она. — Коль, ты меня не бросишь?

...Через неделю Наташа с Вероничкой уехала. Николай проводил их до поезда.

— Когда надоест — приедешь, — сказала Наташа. — Денег пришлю. Главное, нервы лечи, а я за это время тоже отдохну. Думаешь, с тобой жить просто?

Может быть, он и не согласился бы так легко остаться в Ряполовке, но очень уж увлекла его починка старого дома, в котором когда-то родилась Наташа.

Он понимал, что до капитального ремонта руки у него не дойдут, не хватит времени, но и мелкие детали, которые он обновит, преобразят избу.

Он снял оставшиеся целыми звенья наличников, и вдвоем с Серафимом им удалось сделать почти похожие. Сложили новую трубу, поправили крышу, крыльцо. Работу сдавали бабке Настасье. Она делала вид, что разглядывает придирчиво, на самом же деле от счастья ни во что не вникала. Ведь если избу чинят, значит, и ее больше не тронут, оставят здесь. Правда, могут и для продажи в порядок приводить, но ведь Коля не Михаил, хитрить не будет.

Михаил не приезжал, бабка вздыхала, но не сердилась на него. И правда, пусть своим занимается. Работа новая, жена новая. То, что сын официант, ее не смущало, любая работа на пользу человеку, но вот заработки шальные. Потому и сам все шалее.

Николай починил забор, поставил новые прожилыны, прибил штакетник и теперь красил все это светло-зеленой краской. Еще издали он услышал трактор, а вскоре и увидел его. Остановился трактор напротив их дома, из кабины вылез молодой мужик, видимо ровесник Николая.

— Я извиняюсь, хозяева дома?

— Дома, — без улыбки ответил Николай, ему не понравилось, как тракторист его рассматривал. Будто примеривался. — Вам кого надо?

— Мне бы Наталью повидать. Я, как говорится, друг детства.

Лицо мужика было красным и возбужденным. Не то переработал на солнцепеке, не то еще как разгорячился.

— А... — как-то сразу догадался Николай. — Про вас я слышал. А Наташа уехала.

— Фу-ты, елки. — Мужик закрутил головой. — А мне Мишка сказал. Я думал, погостит еще, успею... Повидаться хотелось. Вы не муж ей?

— Муж. — Николай с досадой понял, что беседовать

все-таки придется. Он перестал красить, вытер руки.— Муж,— повторил он.— Вот остался. Тещин дом подновить надо.

— Слышал про меня, говоришь? — улыбнулся мужик.— Волков Валерий.— Он протянул руку: — Будем знакомы.

Николай твердо решил в дом Волкова не звать. Но тот настроился гостить.

— Слушай,— сказал он,— пойдем посидим. Я вот тут взял. За Наташу выпьем. Как ни говори, мы с ней друзья детства. Я ведь тоже ряполовский. Вон там наша изба была, крайняя. Совсем развалилась. А мы с тобой посидим, я ведь тоже про тебя слышал.

— Нет,— сказал Николай, глядя в масленное лицо «друга детства».— Во-первых, я не пью, а во-вторых, какое питье? Вы за рулем. И к тому же уже выпили.

Губы Волкова задергались.

— Чего говоришь? Ты мне подносил? Выпили... За рулем... К тебе по-хорошему, а ты... Ну, нашла Наташка. Черт с тобой, я к тете Насте зайду.

Он шагнул к калитке. Бабка Настасья, слышавшая весь разговор из сеней, заспешила навстречу.

— Ты чегой-то приехал? — сурово зачастила она.— Не безобразничал давно? Вот баламут, так и суется к людям, так и суется. Чтоб только покою не давать. Вот морда-то какая красная, а солнышко еще подыматься не кончило.

Валерка плюнул, полез в кабину.

— Ты, мать, видно, богатая стала с московским-то зятем. Ишь как лаешься.— Он газанул и, высунувшись, крикнул: — Скоро крушить эти развалюхи будем, так твою первой опрокину. А пока живите. Чао-какао. Наташеньке привет!

Бабка смотрела вслед трактору, потом накинута на Николая:

— Лучше б ты с ним выпил, не убыло б тебя. Это ведь не человек, а нечистая сила. Ведь Наташка в Москву-то от него сбежала...

— Ну и зачем с ним пить?

Николай вновь занялся покраской. Какое это удовольствие видеть преобразование почерневшей, рыхлой от непогоды древесины в гладкие, блестящие на солнце плоскости. Вблизи хорошо, а издали еще лучше. Короткая кисть — ручник туго идет по шершавой поверхности,

рукоятка в ладони лежит упруго. И думалось ему весело. Он представил себе Наташу, когда она училась, ну скажем, в шестом классе или в седьмом, может, сидела на одной парте с этим охламоном Валеркой. Какой он был, этот Валерка? Небось неплохой был пацаненок, бойкий, шептливый, за косы Наташу дергал. А как еще в том возрасте проявляют внимание!

Николай, впрочем, не знал, были ли у Наташи косы. Еще Николай думал о том, что время для него и для этого Валерки длится по-разному. Для него, например, Наташины школьные годы далеко, а для Валерки — как вчера. Почему же так быстро из хорошего мальчика получился пьяный мужик? Людям положено уметь, когда они взрослеют, а часто получается наоборот. И какой-то необъяснимый это процесс — превращение хорошего ребенка в плохого взрослого. Кто этот процесс остановить может?

— Лучше бы ты с ним выпил, — сокрушалась бабка. — Это ж нечистая сила. Ведь он не забудет тебе этого. Уезжай, Христа ради! Не дай господи, встретишься ты с ним. Он собаку свою пристрелил да, рассказывают, из шкуры-то шапку сделал. Им квартиру дали на четвертом этаже. Где, говорит, ей гулять на новой квартире? Это ж разве не изверг?

— Вы, мама, меня не знаете, — засмеялся Николай. — Я сам хулиган со стажем. Охламон это сразу понял. Видели, как драпанул? Я лучше съезжу разузнаю, правда ли он насчет сноса наплел?

— Это во Взгорье надо ехать. К председателю. — Бабка вздохнула: — Мы с Малахой к нему ходили, он нас успокоил: живите, говорит, земли хватит. Да это когда было...

Бабка Настасья ни о чем не решалась просить Николая, берегла его, он понимал это и смущался, что так о нем заботятся.

Председателя Павла Кондратьевича в конторе не было.

— Он в СПТУ, — объяснили Николаю. — Только что звонил.

— Далеко это? — спросил Николай.

Ему показали в окно. СПТУ было видно из окна конторы.

— Да вот. В парке. Это раньше имение было. Дом

помещичий в войну сожгли, там теперь все новое.

Николаю было приятно, что с ним так предупредительно. Вообще, люди ему здесь нравились. Он вспомнил, что Нина, новая жена Михаила, в этом СПТУ работает библиотекарем, можно зайти к ней. С Михаилом ему видаться не хотелось.

Сентябрь не спешил уходить. На зеленую траву опускались желто-оранжевые листья. Мальчишки четырнадцати — семнадцатилетнего возраста наслаждались теплом. Николаю указали кабинет директора, он пошел по коридору, задержался возле стенда «Наши отличники». С фотографий на него смотрели напряженные мальчишеские лица.

— Иван Макарович в зале, на репетиции. Павел Кондратьевич тоже туда пошел, — сказала секретарша.

Нежная зелень спускалась со стен лестничных пролетов.

«Как в детском саду», — подумал Николай, вспомнив недавнее Вероничкино прошлое. Он приоткрыл дверь зала, тихонько вошел. Зал училища был новым, недавно отделанным. На сцене изображены были кремлевские башни со звездами, выполнено это было в лубочной модной манере. Народу в зале оказалось много. Николай прикинул, определил директора и председателя рядом с ним. А на сцене стояли два парня с одинаковыми круглыми лбами и светлыми волосами.

— Во ку, — начал один, а другой подхватил: — Во кузнице,

Во ку, во кузнице,
Во кузнице молодые кузнецы,
Во кузнице молодые кузнецы...

И дальше на два голоса пели мальчишки про Дуню, про лужок и лопушок. И манера была хорошая: спокойная, достойная, настоящая народная.

«Надо же, — подумал Николай, — и не ерничают даже. Вот бы Вероничке послушать».

Ребята кончили, их шумно похвалили:

— В других училищах этого нет... Может, даже за рубеж пошлют.

Закивали головами директор и председатель. Мальчишки слушали невозмутимо, с одинаковым выражением на абсолютно похожих лицах. Братья, понял Николай, не то близнецы, не то погодки.

— Костюмы надо,— сказал кто-то из преподавателей,— рубашки бы вышитые.

— Сделаем,— кивнул тот парень, что повыше,— и вот Юра вышьет.

Юра согласно тряхнул светлыми волосами, явно переросшими приличную для учебного заведения длину.

— Молодцы,— похвалил директор, вставая.— Только вот прическу Юре надо поправить. Это как, можно?

— Можно,— согласился Юра. Не удивился и не огорчился, только быстро глянул на брата.

— А то немодно уже,— будто оправдывался директор.— Это лет пять-шесть назад хорошо считалось.

Они с председателем пошли к выходу. Директор глянул на незнакомого человека:

— Вы ко мне?

— К Павлу Кондратьевичу.

Председатель удивился:

— Принимаю в конторе, в приемные дни и часы. А тут я сам по делу.

— Я человек приезжий,— извинился Николай.— А вопрос у меня короткий.

— Ко мне в кабинет пройдемте,— пригласил директор.

Он и председатель были похожи: невысокие, плотные. И возраста были они одного, беспокойного, уже не дающего спать по ночам, потому что сердце в этом возрасте болит обо всем на свете.

— Тарасов не звонил? — спросил директор у секретарши.

— Звонил,— ответила та, не переставая печатать.— Просил передать, что ему инвалидность дали. Завтра зайдет.

Директор вздохнул, открыл дверь в кабинет:

— Прошу.

— Так какой же у вас вопрос? — Председатель торопился.

— Я сначала представляюсь,— сказал Николай.— Я из Москвы. Гощу у тещи в Ряполовке. Товарищ один, видимо тракторист ваш, сказал, будто деревню эту сносить будут. Ну, а старушка беспокоится, потому что дорожке своей избы у нее ничего на свете нет.

— Старушка — бабка Настасья,— уточнил Павел Кондратьевич,— а тракторист...

— Волков,— подсказал Николай.

— Ну, все понятно.— Председатель его разглядывал.— Значит, Натальин муж?

Николай кивнул.

— В отпуск?

— Да нет, скорее, в промежуточном состоянии. Ищу работу.

— А по специальности кто?

— Автодорожный техникум окончил.

Председатель развел руками:

— Так работа сама вас ищет. Милости просим в колхоз. И должность подберем, и квартиру дадим.

— Погоди, погоди, Павел Кондратьевич,— остановил его директор.— У меня вот мастер уходит, выпускную группу оставляет. Не возьметесь? Хорошо бы до выпуска, ну да хоть первое полугодие, пока человека не подберу.

Николай подобного разговора никак не ожидал.

— Спасибо... Но у меня жена и дочь в Москве, скоро уеду.

— Жалко,— сказал председатель.— Квартиру бы дали, новую, в пятиэтажке.

Николай засмеялся:

— Странно, что в сельские жители вы маните городской квартирой.

— Коттеджи у меня еще не скоро будут.— Павел Кондратьевич потер рукой затылок.— Это по телевизору смотреть — все просто и красиво...

— А вы людям Ряполовку предложите,— горячо заговорил Николай.— Поправьте дома, чтоб наличники и резьба над крыльцом человеку глаз радовали. Кто решил на земле жить, тому это нужно, а не пятиэтажки, да и не коттеджи даже.

— Наличниками восхищаетесь? — посуровел председатель.— А магазин, вода, больницы — это что, для каждой выморочной деревушки заводить?

Это была жизненная правда, а в ней Николай, по мнению Наташи, был не силен.

— Не знаю,— сказал он.— Вам, конечно, видней. Только наша мать от всех городских благ бежит к печке и колодцу. И пока жива она — жива деревня Ряполовка. А снесете — и слово Ряполовка исчезнет. Сколько ему лет, этому слову? Сто, двести, а может, и тысяча...

Председатель и директор слушали внимательно, и Николай понимал, что не эти его размышления о судьбе

русских деревень и об их заброшенности и одичалости, не тревога — кто нынче этим не растревожен,— не слова его, а он сам, приезжий городской человек, интересовал этих немолодых и бывалых людей.

— Ну вот,— сказал председатель.— Вы и возьмитесь за это дело, восстановите Ряполовку. Дадим вам бригаду и ряполовские земли. Владейте... Про бригадный подряд слышали? А бригаду мы у Иван Макарыча подберем, так, Иван Макарыч?

— Подберем,— сказал директор СПТУ и еле заметно усмехнулся.— Я без конкурса беру, а ты на отменных надеешься. Иди, уговаривай.

— Мне такие нужны, как у тебя в коридоре на стенде сфотографированы. Отличники! — сказал председатель.

— Не отряд космонавтов набираешь,— пробурчал директор.

— А земля сейчас важнее космоса, так ведь? — председатель глянул на Николая.

— Что ж,— удивился он,— никто из ребят на земле работать не остается?

Председатель пожал плечами:

— Да почему... Остается кое-кто... Но ведь и работники бывают разные... Я затем сюда и хожу. Волкова вы видели? Ну, вот, значит, представляете. А снять с трактора я его не могу. Заменить нечем.

— А если увлечь ребят? — Николай повернулся к директору.— Показать деревню, предложить своими руками... У вас они даже песни народные замечательно поют.

— Братья Ткачевы,— кивнул директор.— Как и вы, городские, к слову... Вот у нас вечер будет для первокурсников, выступите, предложите...

— Ну...— Николай отнесся к предложению, как к шутке, улыбнулся и сам.— Тут нужен человек заинтересованный.

— А хотите, я вас заинтересую? — сказал председатель.— Пустая бутылка по цене равна буханке хлеба. Интересно? И еще для интереса: из трех детей бабки Настасьи на земле работать не остался никто. А вы говорите — слово исчезнет. Крестьянская династия исчезла. Да если бы одна!

— Извините,— почему-то сказал Николай и встал.

— Может, надумаете? — Иван Макарович задержал его руку.— На месяцок хотя бы. Позарез нужно...

Когда Николай выходил из директорского кабинета, увидел над дверью белый самодельный плакатик: «Кто хочет делать дело — ищет способ, кто не хочет — ищет причину. В. И. Ленин».

Николай шел по Взгорью. Какой-то странный, неприятный осадок остался на душе. Будто он обнадежил и обманул этих двух уставших, отвечающих за самое главное людей. «Трепло городское, вития! Зачем горячился, зачем время отнимал?»

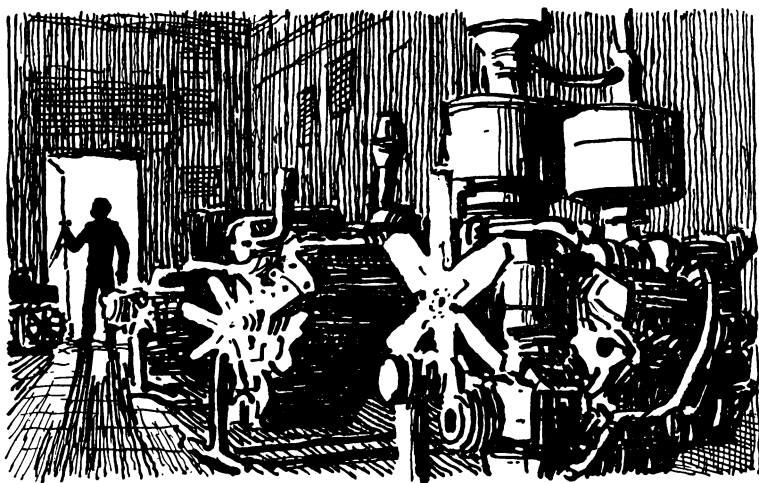
У магазина стояли петеушники. В центре он узнал братьев Ткачевых. Мальчишка с худым дерганым лицом явно не по-доброму напирал на них. Под ногами ребят валялись рассыпанные монеты.

— Ребята,— примиряюще сказал он.— Мелочь рассыпали.

Маленький вертлявый парень вылез вперед:

— Это мы нарочно, дяденька. А то крупные некуда класть.

Но компания сразу распалась, братья пошли вдвоем по дороге к училищу. Один нес сетку с какими-то банками. Николай посмотрел им вслед. Тяжелый для мальчишек возраст, подумал он. Одни беззащитны, другие злы. Но ни тем, ни другим до Ряполовки дела нет. Да и смешно думать, чтобы современные мальчишки горевали о сгнивших наличниках. А может, поймут? Ведь не инопланетяне, с этой земли. «Может, выступить? — вспомнил он предложение директора, но тут же сам себе сказал Наташиным насмешливым тоном: — Не фантазируй. Лучше делом займись».

Глава пятая

ТКАЧЕВЫ

Боря Ткачев дежурил. С красной повязкой на рукаве он обходил училище, проверял, все ли заперто, погашен ли свет в мастерских и классах. В высоком огромном цехе стояли трактора всех систем. Тихие и недвижные, они пугали тем, что были разрезаны до глубин своих, так что виделись все их железные кишки и кости. Боря поежился: было прохладно, будто эти давно остывшие моторы охлаждали вокруг себя воздух.

Позвякивая связкой ключей, по темной аллее побежал он к спальному корпусу. В коридорах всюду горел свет, а в вестибюле резались в пинг-понг ребята с их третьего курса. Сейчас играл его младший брат Юра и Леша Афанасьев, которого все называли только Афоней. На подоконнике сидел Митя Савельев — судил. Цокал по столу белый шарик, Афоня колотил по нему зло, как по врагу. Он нападал, а Юра защищался. Боря понимал, что всякая игра так всегда и проходит, но брата стало ужасно жалко.

Афоня ударил — Юра не сумел отбить, побежал за шариком, а Савельев угодливо кинул Афоне другой.

— Отбой не для вас? — сурово спросил Боря.

— Явился,— присвистнул Савельев.— А на горшки перед сном высаживать будешь?

Афоня молчал, от игры не отвлекался.

— Убирайте инвентарь,— сказал Боря.— Мне вас ждать некогда.

— Иди ты... — сквозь зубы сказал Афоня.— Его же брат отыгрывается.

Боря посмотрел на Юру. У того на лбу от напряжения выступил пот, азарта в лице не отражалось, была обида.

— Все,— сказал Боря.— Гашу свет.

Афоня первым бросил ракетку, сел на краешек стола, достал сигареты.

— Не кури здесь,— предупредил Боря.

— Много говоришь,— сказал Афоня.

— Он же дежурный,— примиряюще сказал Юра.

— Вот и пусть заткнется своей повязкой.— Афоня зубами вытянул сигарету из пачки.— Могу помочь...

Юра покорно двинулся за братом.

Афоня посмотрел им вслед: Боря шел впереди, за ним Юра.

— Терпеливец,— сказал Афоня про Борю, но сигареты почему-то спрятал.— Распошли его хоть по матушке, хоть по бабушке — не возражает.

— Он комсорг,— съязвил Савельев.

— Да ну,— скривился Афоня.— Не мужик он. Слабак.

Сидеть вдвоем было скучно. Афоня молчал, хмурился; Савельев начал зевать. Через вестибюль скачками бежали первокурсники.

— Стоять! — крикнул Афоня.

Ребята остановились.

— Чего тебе? — с тоской спросил один.

Афоня смотрел на первокурсников задумчиво.

— У меня денег все равно нет, можешь проверить,— сказал второй, видно уже наученный горьким опытом.

— Ну что, Митяй? — равнодушно поинтересовался Афоня.

Савельев поежился: первокурсники смотрели с ненавистью.

— Мне еще белье менять,— вспомнил Савельев уныло.

— Значит, шмон отменяется,— махнул рукой Афоня.— Отпускаю... Живите до следующего раза.

Засунув руки в карманы, тощий, с бледным остропо-
сым лицом, он двинулся по коридору. Вертялый и мел-
кий Митя Савельев потянулся следом.

Ребята жили в общежитии по двое. Комнаты были
приветливые, домашние: рядом с кроватями стояли тум-
бочки, цветные занавески на окнах и эстампы на стене,
сверкающий паркет, а за окнами — вековые деревья.

Савельев стелил свежее белье, менял наволочки. Афа-
насьев стоял у окна, смотрел в ночь.

— Что я, не знаю, как люди живут? — говорил он не
громко, но враждебно. — Одно вранье! У меня отец с
матерью — людям на смех. Ей давно за сорок, а она в
любовь ударилась с начальником своим. Вместе что-то
химичат. То у нее учет, то совещание, то ревизия до утра.
Одно вранье. Все врут.

— Это точно, — поддакнул Митя. — Уедешь, значит?

— Нет, всю дорогу буду в навозе копаться. Диплом
получу и — пусть ищут.

Митя присел с наволочкой в руках, глядел Афоне в
спину.

— Давай вместе, — предложил он несмело. — С того
выпуска многие уехали.

Афоня промолчал и не повернулся.

Через стенку, точно в такой же комнате, уже лежали
в постелях братья Ткачевы. Окно было открыто. Боря
лежал на животе, смотрел на звезды. Юра отвернулся
к стенке, укутавшись одеялом.

— Много проиграл? — спросил Боря.

— Да ну тебя!

Некоторое время они лежали молча.

— Помнишь, — сказал Боря, — когда мы с мамой жи-
ли, за окнами тоже деревья росли, летом ветки в окно
лезли... Это когда мы в деревянном доме жили. С пали-
садником.

Юра в темноте повернулся к брату.

— Афоня себе ружье хочет купить, — грустно сказал
он. — А чего... У него уже все есть... Борь, давай завер-
буемся куда-нибудь на Север?

Когда Боря особенно жалел брата — он разговаривал
с ним сурово.

— А в Африку не желаешь? Ружье тоже купим, на
львов охотиться. Между прочим, ружья продают только
совершеннолетним, и то по удостоверению Союза охот-
ников. Я тебя спрашиваю, много еще проиграл?

Юра знал, в каких случаях брат суров с ним, поэтому сразу повеселел:

— Да ну... Расплатился почти. Сегодня на американку, то есть на желание играли.— Он сел на кровати.— А в Африку неплохо, да, Борь? Там бананы, фрукты всякие.

— Есть опять хочешь? — спросил Боря.

— Нет, это я про фрукты, чтоб Иринке посылать... Борь, Афоня смеется, что мы на два голоса поем.

— А ему как хочется, чтобы мы на три пели?

— Он говорит, вы как шуты гороховые. Хоть бы, говорит, песню приличную выбрали. Борь, а есть правда хочется.

— У тебя в тумбочке булка,— сказал Боря.

Из окна ползла в комнату сентябрьская, душистая еще прохлада. Юра весело ел булку. Боря улыбнулся, вздохнул.

— Глупый ты у меня.

...Из парикмахерской братья Ткачевы вышли еще больше похожими друг на друга.

— Зайдем в магазин? — предложил Боря.

Продуктовый магазин расположился в новых пятиэтажках. Юра, как всегда, то отставал, то забежал вперед. Боря шагал немного ссутулившись, смотрел на дорогу.

— Борь,— приставал Юра.— Борь, ну давай сигареты купим.

— Нам же на вечере петь... А ты захрипишь, куряка.

— Я сам не буду. Я Афоне должен.

— Что, еще проиграл?

— Мы на интерес, на желание играли... Я же тебе говорил.

— Как? — не понял Боря.— Будешь его на спине возить?

— Не знаю,— растерянно сказал Юра.— Он мне фору пять очков дал, я думал — выкручусь... И опять проиграл. А без интереса он не играет.

Боря поддал ногой какой-то камешек, усмехнулся невесело:

— Видно, Юрка, мы с тобой только песни петь годимся.

— Как так? — удивился Юра.

— А так.— Боря остановился.— Группа развалилась, у ребят одно на уме: кое-как доучиться и дать деру.

— Да тебе-то что? — возмутился Юра. — Подумаешь, комсорг. Что ты, мастер, что ли?

— Эх ты, — сказал Боря. — Афоня вас обирает, стравливает всех, запугивает, издевается... А вы все рады ему в рот смотреть, я даже тебя не могу от него защитить.

— Я сам не маленький, — насупился Юра.

— Гордости у тебя нет, вот что, — сказал Боря.

Они пошли рядом.

— Боря! — Юра заглянул брату в лицо. — А хочешь, я с ним даже разговаривать не буду. Вот честное слово.

— Ты ж ему желание должен.

— Отдам, подумаешь. Он, наверное, на горбу катать заставит. Ну и черт с ним, мне не трудно. Зато уж это в последний раз.

— Смотри, — сказал Боря, — ты обещал. — И вдруг посмотрел на брата очень грустно: — Разве у нас в детском доме так было?

Юра вздохнул. Они вошли в магазин.

— Что-нибудь фруктовое возьмем,— сказал Боря.— Вон сливовый джем.

— Ух ты, югославский,— ахнул Юра.— Давай две банки.

— Куда ей две? — удивился Боря.

— А одну мы съедем...— Юра смотрел проникновенно.

— Денег нет,— отрезал Боря, покосился на брата и протянул продавщице два рубля.— Две банки джема, пожалуйста.

Юра просиял. Они вышли на улицу. Навстречу спешили ребята из их группы во главе с Афоней.

— Эй, глядите-ка,— крикнул Савельев,— два брата-акробата уже отоварились.

— Не жирно со стипендии,— покосился на банки Афоня.— Угощаете?

— Отвали,— сказал Боря.

— Брезгуете дянькой? — Голос Афони стал по-нехорошему весел.

— Ага,— кивнул Боря.

Афоня надвинулся грудью, Юра встал рядом с братом, банку с джемом держал наготове.

— Ладно вам,— сказал Савельев.

Боря протянул Афоне ладонь с мелочью.

Афоня ударил по руке снизу, деньги полетели на землю.

— Все,— сказал Боря,— в расчете.

— Еще не совсем,— усмехнулся Афоня.— Маленький должок отдали, большой остался. Американка!

Боря крепко взял брата за руку, поглядел Афоне в глаза:

— За него я с тобой расплачусь.

Вот тут к ним и подошел незнакомый и, видимо, нездешний мужчина. Он был широк в плечах, пиджак модный распахнут, рубашка с карманами. Взгляд у мужчины был уверенный, мог и врезать. Афоня это первый понял, а то бы проучил он братьев.

Зарядили мелкие, по-осеннему бесконечные дожди. Потемнели и без того темные старые ряполовские избы. Николай собирался уезжать, но все тянул. Жалко было оставлять в этом безлюдье бабку Настасью и слабеющего Серафима и трудно было оторваться от прекрасных в любую погоду картин осени. Наташа прислала письмо:

«Все у нас хорошо, все спокойно, ждем тебя. Уговори мать, пусть хоть до весны поживет в Москве...» Но бабка Настасья так была довольна жизнью, что уговаривать он не решался. Теперь все ее заботы обратились на Серафима. Она свято верила в изобретаемые ею настойки и ревниво относилась к порошкам и таблеткам, которые Серафим принимал все в большем количестве.

— Не верю я в них, — ворчала бабка. — Рази кто знает, вред от них или польза. Они ж искусственные, вроде стирального порошка. У нас, бывало, один из деревни в больницу съездит, а потом его таблетками, что от его болести дали, вся деревня и лечится. Кто живот, кто голову, а кто, по грешности, и сердце.

— Ну и как? — смеялся Николай. Они сидели за столом, не спеша под дождь завтракали.

— Как... Одни помирали, другие выздоравливали. А и без таблеток по-другому не бывает.

За маленьким оконцем стелилась туманная влажная даль, без страха, неторопливо готовилась умирать зелень полей и лесов. Серафим смотрел в окно, улыбался, качал головой.

— Я мальчишкой тут подпаском бегал. Все пригорки облазил. В городе мне деревня часто снилась...

Бабка смотрела на него, горько подперев щеку.

— Он в Малаху. Тихий да беззащитный... А отец у них боевой был. Кузнец. Посадили его. Тогда закон вышел за грубые слова сажать, за ахнехдоты, ну он, видать, и сгрубил.

Она сурово глянула на Николая, подтянула узел платка:

— Во какая жизнь была. А людям и щас все плохо да все мало. А чего мало-то? Забыли, как мерзлой картошке рады были. Да ведь и то сказать: на живого человека не угодишь. Чего бы сейчас в деревнях не жить, нет, кинулись в города. А вот они, города-то, каким боком выходят.

В мокрое окошко постучали.

— Открыто, — крикнул Николай.

Вошел сосед скрипач в блестящем плаще.

— Утро доброе, — сказал он. — Тут, видимо, Настасью Егоровну ищут, я так понял.

— Уж не Валерка ли? — Бабка проскочила под рукой у поднявшегося за столом зятя. — Не выходи! — приказала она. Но Николай пошел следом.

У калитки стояли два невысоких паренька в одинаковых нейлоновых куртках. Светлые волосы на непокрытых головах были мокры, тяжелыми прядями закрывали мальчишкам лбы до самых глаз.

— Здрасьте,— сказал тот, что повыше.— Мы по объявлению.

Бабка Настасья как-то опасливо и виновато глянула на Николая.

— Да уж не надо,— сказала она.— Обошлась я.

— Значит, не надо? — растерянно повторил мальчишка, глянул на другого.— Видишь, опоздали.

Один откинул волосы, и другой точно повторил это движение. Николай узнал этих ребят. Вспомнил их на сцене.

— Извините,— сказал тот, кого директор называл Юрой и посылал стричься.— До свидания.

Братья тронулись было вдоль забора.

— Подождите,— остановил Николай.— По какому объявлению?

Ребята протянули листок.

«Приглашаю деушку или женщину на постоянное жительство плата не нужна есть сарай, огород.

*Деревня Ряполовка
Быкова Настасья Егоровна»*

Николай посмотрел на бабку.

— Это я когда от Таньки ехала...— Бабка глядела испуганно.— Дай, думаю, напишу. А то налетят да опять куды-нибудь повезут, а будет жиличка — кто меня тронет. Ну, а щас-то Серафим.

Николай улыбнулся ребятам:

— Тут же сказано: девушку или женщину...

Братья глядели в землю, переминались.

— Ладно,— сказал Николай.— Заходите в избу. Настасья Егоровна, зови чай пить.

Николай волновался. Оказывается, братья Ткачевы хотят жить в деревне, работать в колхозе, загодя ищут жилье.

— И многие у вас тоже так хотят?

— Многие,— сказал Юра.— Почти вся группа.

Боря сердито глянул на него:

— Ну, не вся.— И перевел разговор: — Мы весной кончаем, а наш мастер заболел. Уходит.

Николай молчал, бабка Настасья угощала ребят:

— Вы ешьте, ешьте. Что бледные такие, прямо зеленые? Не болеете?

— Цвет лица такой, — пояснил Юра.

— А что, если вам брошенные избы восстановить? — предложил Николай. — Тут есть несколько домов вполне приличных. Организовать бригаду, в выходные дни сюда. Поест, обогреться — у бабушки можно.

— Сожгут, — грустно сказала бабка.

— Как? — не понял Николай.

— Курить будут где попало и сожгут. Вон у Андрея Ломакина тоже так-то. Закурили на сеновале да и погорели. Швейная машинка пропала, «Зингер».

— Это когда было-то? — Николай понимал, что бабка шутит.

— А еще не сватали меня...

— Мы не курим, — баском ответил Боря.

— Ну вот, — не отставал от ребят Николай. — Колхоз материалом поможет, я уверен. Я с председателем говорил на эту тему. И к лету два-три дома будут готовы. Серафим вон наличники умеет делать.

Серафим давно уже сидел растревоженный чужим волнением. Усталые, бессильные глаза его помолодели.

— Своими руками на каждое окошечко вырежу, — тихо сказал он. — И не умру, пока не увижу.

Николай не хотел замечать, что ребята смущены и порываются уйти, он тормозил их, а они не верили тому, что происходит.

— Вот здорово, директор-то ваш знает? — спросил Николай.

— Нет еще, — сказал Боря. — Этого еще никто не знает.

— А родители-то как? — спросила вдруг бабка. — Отпустят на самостоятельное житье?

— Отпустят, — кивнул Юра. — Борька, может, женится скоро.

— Ну хватит, — оборвал его старший брат. — Засиделись.

Николай повел ребят, показывал заколоченные дома. Ребят интересовали сараи.

— Зачем вам? — спросил он.

— Корову держать, — серьезно сказал Юра.

— Коза лучше, — поправил Боря. — Козье молоко полезней, я читал.

— Кому полезней? — удивился Николай.

— Детям,— сказал Юра, и Николай понял, что больше ни о чем спрашивать ребят не надо.

— А я ведь вас знаю,— сказал он на прощание.— Замечательно вы поете.

Директор СПТУ Иван Макарович, увидев Николая, никакой радости не выказал. Слушал он хмуро, ибо все эти городские восторги по поводу сельской жизни, наличников и сарафанов ему по телевидению надоели. В первой встрече Николай интересовал директора в качестве конкретного, как мастер, а теперь что ж: гость докучливый. Заинтересовался он только тогда, когда услышал фамилию.

— Ткачевы? — переспросил он. — Ну что ж, это вполне вероятно. Они из детдома, сестренка маленькая и сейчас там. У них мечта — забрать ее и поселиться втроем. А чтоб кто-нибудь еще в вашей Ряполовке осесть решил — для меня новость.

Николай вздохнул. Он был мастер попадать в такие ситуации. Наташа за это качество его жалела, сам он себя за это презирал.

— Что ж они — наврали? — выдавил он.

— Да нет... Видно, не хотелось им все объяснять, не просто у них. — Директор помолчал и совершенно неожиданно добавил: — У нас воровство началось. Не один случай, и не два... Это опасно для всех, а для самого вора вдесятеро опасней...

— А что пропадает? — с сомнением спросил Николай. — Может, теряют просто?

Вопрос понравился директору. Он сам не любил грешить на людей.

— Да нет, Николай Иванович. Пропадают вещи. Майка какая-то фирменная, кроссовки, новенький дипломат у Толи Макарова.

— И нельзя узнать кто? — удивился Николай.

— Нельзя. Можно только догадываться.

— Да,— сказал Николай. Поворот разговора был неожиданным.

Следовало, видимо, понять, что директор не зря заговорил о кражах. Может, намекнул, кого подозревает, может, это братья Ткачевы? Николай такую догадку отверг сразу. Иван Макарович это оценил и стал расска-

зывать про сложности в работе, про неналаженность системы обучения вообще, про то, что горячего для практического обучения дают мало, а за перерасход наказывают. Еще про то говорил, что группа, в которой Ткачевы, самая сложная в училище за много лет. Потом, вдруг спохватившись, сказал:

— Вы не подумайте, что я на жалость давялю и опять на работу к себе заманиваю. Это я так — свежему человеку, как в поезде бывает. Нет, не предлагаю я к нам идти, тем более в эту трудную группу. Это ж надо душу отдать, а зарплата мастера — сто шестьдесят рублей.

Николай не спешил уходить. Получилось бы, что убегает.

— Если хотите поглядеть на нас всех поближе, приходите на вечер. Тематика: «Мы — молодые хозяева земли!»

Над сценой клуба висело полотнище, где так и значилось: «Мы — молодые хозяева земли!»

Николай пристроился в самом конце зала среди технического персонала и немногочисленных родителей. Торжественной части не было. Концертные номера чередовались с деловыми выступлениями о текущих делах и перспективах.

Удивило Николая, когда директор объявил, что сейчас будет выступать заслуженный артист и лауреат международных конкурсов.

Вышел тот скрипач, которого Николай видел у бабки в Ряполовке. Теперь он был во фраке, казался выше ростом и значительнее. Было странно думать, что такой важный, заморского вида господин живет в избе бабки Малахи и только там может готовиться к ответственным выступлениям. Скрипач сам объяснил, что будет играть вариации Паганини «Прекрасная мельничиха», прижал скрипку подбородком, и неожиданно сильный и красивый звук заполнил весь зрительный зал. Николай сразу узнал музыку.

Ребята слушали хорошо. И смотрели, потому что это было удивительное, завораживающее зрелище. Музыка наглядно состояла из огромной и виртуозной работы рук.

Иван Макарович дождался, когда кончатся аплодисменты и долго тряс руку скрипачу. Николай даже встревожился, чтобы не повредил нечаянно.

Потом директор объяснил зрителям про то, сколько часов тратит скрипач или пианист на работу, чтобы за десять минут все выложить. А вслед за этим стал рассказывать про неперспективные деревни, которых в России развелось очень много, и про деревню Ряполовку, которая неподалеку совсем. То ли со слов Николая, то ли сам нашел это сравнение, директор сказал, что бабка там живет одна — Настасья и пока жива бабка Настасья — жива деревня Ряполовка...

Николай следил за залом. Внимание ребят падало с каждой фразой.

Афоня со своими приятелями сидел недалеко от выхода. Они о чем-то шептались. Больше всех говорил вертячий Савельев.

— Ну вот, — довольно громко шептал он. — Мужичонка маленький такой, подходят к нему семь ломтей здоровых. Он — рраз! Только руки об снег вытер. Трое лежат — четверо бегут...

Рядом сидел крепкий малый с широкими плечами и большими руками.

— Когда по лицу дерутся, у меня ноги дрожат, — сказал он.

Директор продолжал:

— И вот возьмите спортсменов, например. Хоккеисты те же. Посмотрите, как человек себя выжать может. Это тоже труд, как и скрипка. Я вот слушал сейчас игру и думал: неужели только труд важен для человека и нет у него надежды на чудо? На лотерею, к примеру.

Николаю директор нравился все больше. А и в самом деле, неужели нет человеку надежды на чудо?

Иван Макарович продолжал:

— Нет человеку надежды на чудо. Потому что жизнь ни на лотерею, ни на спортлото не похожа.

А в компании Афони шел свой разговор, теперь совсем громкий.

— Из двух стволов сразу шарахнул. Жену и любовника. А ружье он тому князю обратно на ковер повесил. Следовательно решил — несчастный случай. — Это рассказывал Афоня, а Савельев возразил:

— Не так было. Я это кино видел, когда маленький был.

— А ты и сейчас маленький, — отрезал Афоня.

Начались танцы. Библиотекарша Нина, жена Михаила, попросила, чтобы Николай не уходил.

— Понравилось? — спросила она с гордостью.

— По-людски, — ответил он и увидел, что Иван Макарович направляется к ним.

— Так вы уже знакомы? — директор удивился. — Это хорошо.

— Родственники. Невестка моя.

Николай хотел сказать, что ему понравился вечер и вот для танцев все сделано отлично, но удержался. Зачем толкать человека на бесполезный разговор.

Гремела музыка современных групп, а на экране светились слайды.

Девочки, Николай знал, что они из медучилища, танцевали друг с другом. Мальчишки смотрели, набирались духу. Недалеко от братьев Ткачевых красиво прыгали две девочки. Одна была беленькая, с пушистой челкой над серыми глазами. Кажется, на нее смотрел старший Ткачев, Борис. Вот он потянул за руку брата, и они включились в танец.

— Хорошо? — Нина проследила за взглядом Николая.

А четверо прыгали увлеченно, и танец казался задорным и детским.

— Ой, как интересно, — сказала девочка с пушистой челкой. — Братья, значит?

— Он старший, — показал на брата Юра.

В танце знакомиться легко. Та, что с челкой, — Надя, ее подруга — Жанна. Она была чуть ниже Нади, прическа у нее была модная — все волосы вверх, глаза карие и очень большие, такие большие, что не понять, красиво это — большие глаза — или не очень.

Иван Макарович опять подошел к Николаю:

— Вы спортом, кажется, занимались. Или я ошибся?

— Был разряд по мото и по лыжам. В армии за округ выступал. Да это давно было.

— Вас по отчеству Иванович, кажется?

— Называйте Николаем. Мне так удобней.

— А мне удобней по отчеству. Так вот, Николай Иванович, мастером вы не хотите. Это я понял. А физруком пойдете? Создадите мотосекцию.

Николай отказался молча, одними глазами.

— Нет, я серьезно, — настаивал директор. — Для молодежи теперь очень важно и танцы эти, и спорт. А види, какая цветомузыка у нас? По тыще ватт в прожекторе.

— Это все развлечения, — сказал Николай. — Кстати,

вы верно говорили, я этого скрипача в Ряполовке видел. Видел, как вкалывает он. Поговорил с ним немного и понял, что он простой работяга. Так вот, Иван Макарович, не согласен я с вами. Душа человеческая в развлечениях и отдыхе не очень-то нуждается, а без работы она просто подыхает.

— Это скрипач сказал? — не понял чего-то или прослушал директор.

— Нет, это я говорю. Отдых, танцы...

— А может, все же мастером пойдете? — перебил директор. — Учебный год — месяцев восемь-девять — поработаете. Группу выпустить надо.

Подошла Нина, тронула Николая за руку.

— Уговаривает?

— Настоячив больно.

— Значит, приглянулся ты ему.

— А ты что думаешь? — Николай впервые только тут разглядел свою невестку, и она понравилась ему.

— Я бы в отличие от Ивана Макаровича никого уговаривать не стала. Тут работа не простая. И ребята...

— Трудные? — подсказал Николай.

— Их любить надо, — вздохнула Нина и нахмурилась.

А ребята танцевали.

— У вас красиво, — говорила девочка с пушистой челкой. — Я в первый раз согласилась поехать. И музыка отличная, и порядок. — Ее внимание привлек Николай, стоявший у одной из колонн возле сцены. — Кто это?

— Да так, — ответил Боря. — В деревне живет. Дачник.

— Не дачник, — поправил Юра. — Он из Москвы к матери приехал, навестить. Ничего мужик, только очень наивный.

Афоня и Савельев давно приглядывались к этой четверке и вдруг подскочили, с ходу лихо затанцевали, оттирая Юру и Борю от девочек.

Теперь Надя танцевала с Афоней, а глазастькая Жанна с Савельевым. Надя растерянно взглядывала на нового партнера, а он наклонился и что-то сказал ей на ухо.

Надя вдруг остановилась, оглянулась беспомощно и пошла в сторону, туда, где стояли сдвинутые ряды стульев.

— Ты чего? — спросил Афоня.

— Не хочу больше. Ногу натерла. — Она вдруг захромала и переменила направление. Теперь она шла к братьям Ткачевым.

— Ты чего? — угрожал Афоня.

— Я же сказала.

— А если переобуться? — прищурился он.

— В училище надо ехать, в райцентр.

— Так вот, — Афоня по-хозяйски кивнул на Юру с Борей. — Они отвезут, куда надо.

— На чем? — спросил Юра.

— На американке, — засмеялся Афоня. — Пошли.

Во дворе ПТУ шумели деревья, поднимался ветер. Ребята о чем-то переговаривали между собой и подошли к автобусу «ПАЗ».

— Сделаешь, — сказал Афоня, — и полный расчет с твоим братом.

— Ладно, — сказал Боря. — Давай ключ.

Афоня протянул ему целую связку. Боря сел за руль,

открыл пассажирскую дверь. Мотор взревел как-то не по-доброму.

— Своевременно оплачивайте проезд! — крикнул вдогонку Афоня.

Мастер Тарасов дежурил на сегодняшнем вечере. Приказ о переводе на другую работу Иван Макарович подписал, но совесть не позволяла Евгению Валентиновичу вовсе отказаться от того, чем занимался все время.

Если бы старый мастер видел, как Афоня с Савельевым и братья Ткачевы выходили из зала на улицу, он бы спохватился раньше. Однако, когда к нему подбежал водитель автобуса медучилища с сообщением, что его машины нет на месте, Тарасов сразу понял, в чем дело.

— Только тихо,— сказал он шоферу и стал между танцующими пробираться к Ивану Макаровичу, который опять разговаривал с незнакомым Тарасову мужчиной.

— Иван Макарович,— неожиданно громко и тревожно начал Тарасов.

— Только тихо,— сказал ему директор, сразу догадавшись, что стряслось что-то очень плохое. Он подставил ухо, лицо его изменилось, и он двинулся к выходу. Николай почему-то пошел за ним. Почему? Наверное, потому, что нельзя оставлять человека в беде.

Желтый директорский «Москвич» завелся сразу, но Иван Макарович вдруг выключил двигатель.

— Очки забыл! Очки дома забыл.

— Давайте я,— предложил Николай, и директор сразу подвинулся.

— Не могу я сейчас без очков. Тут ведь гнать надо.

— Куда ехать? — спросил Николай.

— Прямо! — скомандовал директор. — Я бы на их месте поехал прямо. Асфальт хороший.

Взгорье миновали скоро, промчались сквозь березняк, выскочили на поле и увидели «ПАЗ», который ехал под луной без света. Автобус был далеко, скоро он выедет на магистраль, прямо к ресторану «Лель», там его остановит милиция, и тогда...

Директор представил себе, что будет тогда, но еще страшнее казалась ему мысль о том, что будет, если ребята испугаются милиции и захотят удрать на своей расхлябанной колыхаге.

— Гоните, Николай Иванович. Их надо до «Леля» перехватить.

Николай выжал газ до конца, но мотор тянул слабо.

— Машину не можете отладить, директор, — с упреком сказал он. — Стучит. У рулевой тяги люфт...

Ресторан «Лель» сиял разноцветным неоном. Это вблизи было видно, что построен он в виде сказочного русского терема, а издали — совсем что-то загадочное.

Боря сидел за рулем напряженно. Машину до этого случая он водил только под руководством Тарасова, который был рядом и всегда мог вмешаться, пользуясь сдвоенными педалями сцепления и тормоза.

Автобус был старый, всеми своими железками громы-хал и брякал на любой неровности дороги. Ни о какой поездке в райцентр Боря не думал: доедет до магистралей, развернется и обратно, Афоне скажут, что съездили, но переобуваться Надя не захотела. Как только девушкам сказать об этом, чтобы трусом не показаться?

Девчатам приключение нравилось, особенно Жанне. Она из всех сил хотела продолжить знакомство и приглашала братьев два раза в неделю ездить на занятия народного театра в районный Дом культуры.

— Мы сейчас пьесу ставим про первобытных людей. Интересно. У них, оказывается, все, как у нас, было.

— А петь там надо? — спросил Боря оборачиваясь.

— Мы только петь умеем, — добавил Юра.

— Петь не надо, а остальное просто, — объясняла Жанна. — Сейчас мы еще этюды делаем. Режиссер говорит: «Представьте себе, что вы в пещере. Мужчины ушли на охоту, а женщины сидят у костра». Вот мы и придумываем. Делать можно что хочешь, я, например, жарю мясо... В пьесе этого нет, это мы вживаемся.

— А в пьесе про что? Про охоту? — спросил Юра. Ему было не до пьесы. Он понимал, что из-за него *все это* случилось и чем кончится — неизвестно.

— Там так: одного мужчину убили двумя стрелами в спину, а стрелы особенные, с совиными перьями. Такие стрелы были только у Ушастого, а он как раз перед этим потерял свой колчан. Все думают на него, а его любит одна девушка по кличке Черепашка.

— Борь, может, вернемся? — жалобно спросил Юра и обернулся.

На пустынной дороге далеко сзади появился огонь автомобильных фар.

— Ну вот,— продолжала Жанна.— Стрелы-то его, а убил не он. Стрелял его друг Долгоносик и еще один, Ходок. Это у них клички такие. Тогда ведь имен не было. И еще третий стрелял, но промахнулся. У него была кличка — Красноречивый.

— Боря,— сказал Юра.— За нами гонятся.

— А может, не за нами. Может, просто едут,— сказал Боря, но прибавил скорость.

Теперь все замолчали. Луна ушла за длинную тучу, и автобус неся во тьме, дальний свет идущей сзади машины временами выхватывал придорожную полынь, бурьян за кюветом. Чуть левее разгорался огнями ресторан-терем.

— Это «Москвич» Иван Макарыча,— сказал Боря.— Теперь все.

Николай видел, что автобус идет на предельной скорости, и, если он так вылетит на магистраль, может случиться непоправимое. Отчаянно сигналив, он пошел на обгон. И тут автобус свернул, и правые колеса его затряслись по неровной обочине. Николаю показалось, что водитель решил остановиться или пропустить его вперед.

Боря и правда думал остановиться, но никак не мог совладать с рулем. Автобус налетел на кучу щебня, сваленного у дороги, вылетел на противоположную сторону шоссе и ударился в одиноко стоящую сосну.

Николай выскочил первым, кинулся к автобусу, распахнул дверь. Там неподвижно сидели две девочки и братья Ткачевы. Юра держался за лоб.

— Катаетесь? — спросил Николай.

— Я туфли переодеть хотела,— тоненько объяснила Надя.— Ногу стерла...

— Мы бы только до медучилища и обратно...— сказал Юра.— Если бы вы не догоняли, мы бы не разбились.

Подошел Иван Макарович. Он не спешил к автобусу, боялся увидеть что-нибудь страшное. Голос у него был хриплый.

— Где ключи взяли? — спросил он.

Ребята молчали.

— Ничего, ничего. Разберемся... Разберемся.— Голос его обретал силу.— Обе ваши стипендии сюда пойдут. Облицовка разбита, стекла, левая фара... Кузов деформирован.

Подъехала еще одна машина. В ней были работники СПТУ во главе с мастером Александром Михайловичем.

Это был плотный человек с решительным лицом и в спортивном костюме с большим количеством белых молний. Это он тогда, во время репетиции, говорил про Ткачевых, что их можно послать за рубеж на смотр самодеятельности.

— Судить вас будут,— твердо сказал он ребятам.— Теперь с этим строго. И ключ вы украли. Убытка тут на тысячу рублей, если все сосчитать.

Обратно ехали очень медленно, как на похоронах: впереди директорский «Москвич», потом автобус, который вел Николай, сзади «Жигули» Александра Михайловича.

Лобовое стекло автобуса выкрошилось все, ветер бил в лицо Николаю, и он вспомнил, как совсем еще недавно любил ездить на мотоцикле. Сзади шептались. Что говорили девчата, он не слышал, а Ткачевы говорили про тысячу рублей и про стипендии.

Николай обернулся. Юра Ткачев плакал.

— Ты чего, испугался? — спросил Николай.— Или денег жалко?

— Жалко,— ответил за брата Борис.— У нас лишних денег нет.

— А судить не будут? — спросила Надя.— Это же из-за меня все. У меня туфли новые, жмут очень и натирают...

«Москвич», автобус и «Жигули» подъехали к училищу. Их уже ждали, танцы кончились. Первым из толпы высунулся Афоня:

— Быстро съездили.

Все смотрели, как из разбитого автобуса вылезали Надя, Жанна, Юра и Боря.

Директор сказал резко:

— Портрет Ткачева Бориса с Доски почета снять.

— Это вы мне? — деланно удивился Афоня.— Стремлянку надо. Разрешите, я на Макарове съезжу.

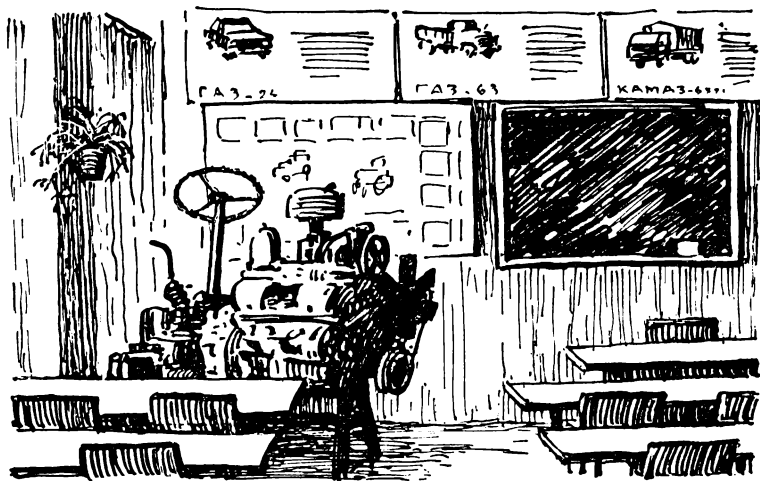
Он забрался Макарову на плечи и прищипорил его.

— А ну, родимая!

— Отставить, Афанасьев! Без тебя обойдемся,— вскипел директор и обернулся к Николаю.— Вот про эту группу я вам говорил. А вы все про наличники.

Николай ходил вокруг автобуса.

— Ну и работа,— бормотал он.— Ну и работа!

Глава шестая

М А С Т Е Р

«...В общем, Наташа, я согласился. Ненадолго, конечно, месяца на два. Почему-то очень хочется попробовать себя на этой работе, тем более что есть у меня мечта — хочу оставить после себя на земле деревню Ряполовку. Не знаю, что выйдет, но отказаться от мечты пока не могу. Не сердись, ты сама говорила, что мне лучше слушаться не ума, а сердца, тогда я не ошибусь... Скоро увидимся, время летит быстро. Я еще постараюсь дня на два приехать. Надо взять трудовую книжку и диплом... Очень вас с Вероничкой люблю. А живу я теперь в общежитии, этажом выше моих мальчишек...» Письмо это Николай написал не сразу, а лишь тогда, когда путей для отступления не было. Он мог бы и позвонить домой из райцентра или от ресторана «Лель», где стояли автоматы междугородной связи. Не из опасения Наташиного отказа, не из стеснения даже и, конечно же, не из лени он не позвонил жене. Решение это было сокровенным. Говорить о нем не хотелось вообще.

Евгений Валентинович Тарасов ни о чем таком не знал, и человек, который пришел к нему, чтобы занять его

место, был загадкой. При давнем и долгом дефиците на все вокруг, дефицит хороших педагогов ни для кого не новость, но почему директор решил взять на его место этого заезжего и, видимо, очень нервного человека? Нет, неприязни или предвзятости к новичку Евгений Валентинович не испытывал, просто он был настороже. Объективные причины к этому имелись. Во-первых, с чего бы человек уехал из столицы в неперспективную Ряполовку? От чего убежал? Там семья, дочка маленькая. Работу, судя по автобиографии, новичок менял без видимых причин. Болел? А не та ли это болезнь, которую лечат в ЛТП, лечебно-трудовых профилакториях? Впрочем, это действительно болезнь, и тот, кто вылечился или хочет вылечиться, достоин помощи.

Тарасов *вгляделся*, ведь чтобы *приглядеться*, времени надо много. Евгений Валентинович не уходил из СПТУ совсем, просто теперь вместо никем не нормируемой работы мастера он будет преподавать двигатели внутреннего сгорания, двенадцать часов в неделю, три рабочих дня по четыре часа.

Внешне новичок Тарасову нравился. У него была здоровая осанка настоящего рабочего человека, руки были тоже рабочие, взгляд внимательный, глаза усмешливые. Евгений Валентинович отмечал про себя, как Степанов машинально сложил на верстаке разбросанные и забытые кем-то из ребят гасные ключи, как покачал за маховик двигатель на сборочном стенде. Мелочи, конечно, но хотелось Тарасову, чтобы его с самого начала трудная группа попала в добрые и сильные руки. Расспросить бы новичка, задать бы несколько основных вопросов...

Увы, Евгений Валентинович и права такого не имел, и в реальное значение такого разговора не верил.

А если б его самого, мастера Тарасова, стали спрашивать? Вот, к примеру, как оказался в плену, почему не сражался до последнего патрона, а если кончились патроны, почему зубами не вцепился в глотку фашиста? Ах, был контужен? А почему после контузии не бросился на конвоиров, почему в лагере не поднял восстание? Почему бежал из лагеря в сорок четвертом году, а не в сорок третьем?

К счастью, подобных вопросов Тарасову никто никогда не задавал, но он-то знал, что такие вопросы существуют и честному человеку отвечать на них труднее, чем жулику и проходимцу.

В системе профтехобразования Тарасов работал двадцать лет, с тех пор, как вернулся с женой из Якутии. Детей у них не было, жена поехала к родным в здешние места, стала работать в больнице, а он...

Вот и он, выходит, тоже случайный человек в ПТУ. Он тоже собирался поработать год-другой. Кому объяснишь, что сама ребятня привлекла его.

Кто знает, может, и этот новичок приживется, поймет, что к чему, найдет с ребятами общий язык. Исходя из этого предположения, Тарасов старался быть приветливым и объективным, поэтому и говорил новичку «ты». Показывал он училище все, даже породы деревьев в парке перечислил.

— Вот видишь, какую красоту отгрохали, — говорил Тарасов, преодолевая одышку. Они стояли возле учебного корпуса. — Это ж дворец. Стекло и бетон, как во Дворце съездов. Мастерские — сам видел — не хуже чем в институте, а может, лучше. Я когда учился, у нас и похожего не было ничего. Чистота, простор. В общем, все условия государство создает...

В словах Тарасова Николаю слышался какой-то упрек: то ли ученикам, которые этого всего не ценят, то ли взрослым, педагогам и наставникам, которые не могут этими достижениями пользоваться для правильного воспитания. Оба предполагаемых упрека показались Николаю несправедливыми. Он давно замечал, что внешний вид далеко не всегда соответствует внутреннему содержанию. Внешний вид сейчас вообще слишком много значения имеет. Слишком!

Они шли длинными чистыми коридорами, заглядывали в просторные кабинеты.

— Это кабинет физики, — демонстрировал Тарасов. — Видишь, сколько пособий? Все ребята сделали.

Он нажимал кнопки, щелкал выключателями, и на стендах вспыхивали диапозитивы с формулами и схемами.

В кабинете двигателей Николай сам замер, как мальчишка. Кроме разрезных макетов, были там и макеты, приводимые в движение электричеством. Это было похоже на музей, где начиналось со старой автотракторной техники и кончалось техникой будущего — газовыми турбинами и реактивными двигателями.

— Ты верил ли когда-нибудь, что люди в космосе будут месяцами жить, на Луне топтаться? Я не верил, что доживу.

— Я верил,— сказал Николай.

— Потому что молодой,— объяснил Тарасов.— А твои ученики в двадцать первый век тридцатилетними войдут. Тебе сколько? Ну вот, моложе тебя. А ПТУ и тогда будут. Тарасов устал, сел возле доски.

— Это будет мое рабочее место... Красота! — И неожиданно вернулся к тому, о чем говорил раньше: — При таких условиях, которые созданы для нынешних ребят, впоследствии должна быть очень высокая степень мастерства. Согласен? А можем мы этим похвастаться? Можем за это поручиться?

Николай на этот вопрос отвечать не торопился. Что говорить, мастерства в наше время мало, руками работать мало кто может. Радиоприемник починить — всю Москву объедешь. Хороший парикмахер — редкость. К Наташе запись за две недели. Столяров меньше, чем академиков.

— Рабочему человеку в первую очередь не условия нужны, а что-то другое.

— Что? — не согласился Николай.— Условия, по-моему, решают дело.

— Ну да.— Тарасов глядел недружелюбно.— Гордость нужна и перспектива. Без этого мастерства не жди.

Николай хотел сказать, что гордость и перспектива тоже в известном смысле условия, но Тарасов продолжал:

— Гордость за себя и уверенность, что работа престижна... «Престиж» теперь слово всем понятное. Наше дело внушать ребятам, что их профессия нужная и почетная. Это не так просто, потому что в школах их ПТУ пугают. Вот у меня Савельев Митя, маленький такой, вертлявый. Ты еще будешь иметь удовольствие... (Николай вспомнил сцену у магазина и вычислил Савельева без труда.) Я с ним помучился,— рассказывал Тарасов.— Как-то попросил мать принести его школьные дневники. Так вот, после пятого класса успеваемость — резко вниз. Отчего это? Либо до пятого класса отметки завышали, либо...

— Ответственность другая,— сказал Николай.— Все-таки школа готовит полуфабрикат.

Тарасов отметил слова про полуфабрикат. Верно найдено. Не в том ли причина всего воспитания, что на доделки все полагаются? Пусть кто еще до ума доводит. Дома-то какие сдают. Но разве только у строителей порядка нет? А техника какая с заводов идет? Ни одна гайка до конца не завернута.

Он вздохнул:

— Полуфабрикат — растяжимое понятие. По-русски сказать — недоделанный. Вообще-то это больше в городских школах, в деревнях получше, как я замечал. Но ответственность во всех школах ниже, а мы каждым человеком дорожим... Да ведь ладно бы одни отметки страдали, а то душа, бывает, резко вниз падает. Вот учим, учим, чтобы они взрослых уважали, а как они других уважать будут, если себя не любят? Верно говорится — возлюби ближнего, как самого себя. А какой будет толк из этого, если, к примеру, самого себя человек терпеть не может, презирает даже.

— Разве так бывает? — удивился Николай.

— Еще бы... Человек должен помнить, что он венец творения, тогда и требовать с себя будет больше.

Тарасов знал, что эти его мысли не каждый примет. Он с трудом поднялся, и они пошли дальше.

— Эх, некстати я развалился... За ними ведь глаз нужен, а я последнее время все по бюллетеням. Ну, да вы ведь подтянете гайки, сумеете?

— Попробую, — неуверенно сказал Николай.

Тарасов уловил эту неуверенность и, глянув на него, понял, что с подтягиванием гаек может не получиться.

— А главное — их любить, — закончил он. — Любить и быть справедливым. Несправедливости они не прощают.

Потом в учительской Тарасов говорил подробно о ребятах, которых передавал. В личные дела он не смотрел, они у него лежали стопочкой.

— Вот Макаров, не очень способный, но дотошный. Не стесняется на занятии несколько раз переспросить. Очень сильный, но абсолютно не агрессивный, даже флегматичный...

Он много знал про каждого, за два года мальчишки открываются сильно. Знал про семьи, по именам и отчествам называл родителей. Однако сейчас старался не вдаваться в подробности. Новичок за них уцепится — главное упустит.

— Братья Ткачевы... Боря комсорг, отличник, но, к сожалению, не лидер. Юра...

— С Ткачевыми я знаком, — сказал Николай. Он не хотел, чтобы Тарасов говорил о случае с угоном автобуса.

— Ну, эти ребята, в общем, легкие, хотя... — неожиданно сказал Тарасов. — Одним словом, вам предстоит, с одной стороны, быть строгим, а с другой — научиться

входить в положение каждого. Первое у меня получалось плохо, я в основном входил в положение, оттого и пропустил некоторые вещи... Не могу с молодыми строго... После войны у меня это... Кстати, главный в группе Афанасьев. К сожалению.

— Лидер, — уточнил Николай.

— Скорее, вожак, — вздохнул Тарасов. — В училище он, конечно, сдержи-

вается, а что за воротами — не поручусь. Семья, между прочим, полная и обеспеченная.

Тарасов положил на стопку личных дел руки с толстыми, опухшими суставами. — Учтите, к каждому придется съездить домой, познакомиться с родителями, а это практически вся область. Сюда родителей заманить трудно, впрочем, за стипендией, если задержать, едут. И столько историй понаслушаетесь, столько слез увидите — на всю жизнь хватит. Дети — самое больное.

В учительскую входили преподаватели, поглядывали на Николая дружелюбно, очень тепло приветствовали Тарасова. У Николая временами возникали неприятные ассоциации из далекого прошлого, когда он несколько раз попадал в учительскую, но исключительно затем, чтобы получить нагоний. Теперь стопка личных дел должна была обернуться судьбами ребят, за которые он, Николай Иванович Степанов, решил быть ответственным.

— Можно? — в учительскую заглянул Юра Ткачев. — Я рапорт принес. Кому теперь отдавать? — Он исподлобья глянул на Николая, никаких эмоций по поводу встречи не выказал.

— Это наш художник, — представил Тарасов. — Если стенгазету оформить — пожалуйста. А на брата не похож. Что тебе мешает, скажи?

— Лень, — Юра склонил голову к плечу.

— Видите, знает. Я тебя почему оставил?

— Двойка по русскому... Я исправил уже. Там ребята ждут...

Тарасов встал:

— К Ивану Макаровичу надо идти... И до чего я не люблю этого — ребят к директору водить. Вот и знаю, кто с автобусом все подстроил, а доказать не могу.

Они вышли из учительской. Группа толпилась в коридоре, и видно было, что печали мастера по поводу предстоящего визита к директору они не разделяют. Лица были даже предвкушающими. Николай подумал, что вот это отсутствие чувства вины и ответственности у подростка — черта абсолютно детская. За все шалости детей всегда отвечают взрослые. Как бы они ни ругали и ни наказывали — они ответчики и заслон. И с подростками то же самое, только шалости у них другие.

— Ваш новый мастер, — сказал Тарасов. — Николай Иванович.

Николай увидел глаза. Одни смотрели недоверчиво,

другие с интересом. Были насмешливые глаза, снисходительные. Но новый мастер нашел те, которые смотрели дружелюбно, с надеждой на контакт и понимание. Он запомнил их.

Через полуотворенную дверь он видел, как стоял перед директором, опустив голову, впереди всей группы старый мастер, как с опущенной головой вышел и тяжело пошел по коридору. Группа поплелась понуро за ним.

— Заходите,— Иван Макарович увидел Николая.— Видели? — хмуро спросил он.— Будто не мастер, а отец родной. Переживает, оттого и здоровье плохое. Сможете так?

— Попробую,— серьезно ответил Николай. Мелькнула мысль: «Что ж они, сначала берут на работу, а потом берутся наставлять. Да не просто наставлять, а еще и проверять. Чего он так испытующе смотрит?»

Однако говорил директор только по делу. Чего ж с новым человеком сокровенным делиться?

— По педагогике, личность формируется до пяти лет,— продолжал Иван Макарович.— Предположим, школа исправляет ошибки детского сада, мы — ошибки школы. А наши ошибки кто будет исправлять? Тюрьма? Колония? Так что у всех педагогических возможностей есть предел...— Он с досадой покрутил головой.— И что мне теперь с ними делать? Автобус-то на нас висит. Как думаете?

— Пусть сами чинят,— предложил Николай.

Он понимал, что таким образом сразу берет на себя дополнительные и сложные обязательства. «Пусть сами чинят» означало, что он, Николай, и будет чинить автобус. Доставать новые стекла, в том числе большое и дефицитное лобовое, фару надо новую. Надо выправить, зашпаклевать и покрасить весь передок, а это значит, что весь автобус надо красить заново. Заодно надо и двигатель подладить. Неизвестно, не пострадал ли радиатор.

Все это он в предположительном тоне изложил директору.

— Ну, с запчастями в какой-то мере мы постараемся помочь. В какой-то мере... Мастерские у нас, сами знаете, как на заводе... Вы не огорчены? Вам ведь хотелось с ребятами наличники вырезать в свободное время, романтику и эстетику производить, а вот вам что уготовлено.

Николай пожал плечами:

— Напрасно вы думаете, что я отказался от своих планов относительно деревни.

Иван Макарович расцвел.

— Ну и прекрасно. И напоследок: обычно наши мастера делят ребят на две категории: кто любит машины мыть, тот будет механизатором, а для кого мытье техники вроде наряда вне очереди, тех нам учить и учить.— Директор помолчал и добавил: — Но мастерами мы с вами должны выпустить всех. Согласны?

Бабка Настасья была огорчена, смотрела на него с сожалением.

— Оформился? — говорила она.— Может, до Москвы бы уж потерпел? Небось там тоже так-то можно...

Николай понимал, что огорчили бабку рассуждения и предположения Михаила и Нины, навестивших ее по столь экстренному поводу.

Легко было представить, что говорил зятек. С его точки зрения, все, что делал или собирался делать Николай, выглядело блажью и бездельем. О своих доходах Михаил распространяться не любил, но каждого, кто жил на зарплату, уважать не мог. В «Лель» он пробился с трудом, долго искал пути, заводил дружков, даже иностранный язык, кажется, учил.

Николай однажды зашел к нему в ресторан, посидел за отдельным столиком, когда посетителей было мало, выпил чешского пива и съел рыбную солянку. Вкусно, красиво, оркестр отсутствовал, поговорить можно было. Михаил, однако, к разговору особо не тянулся. Он на работе гордый.

Кто это придумал одевать официантов в русские рубахи и шаровары, каких русские люди, пожалуй, никогда не носили и видели только на картинках! А эти сарафаны и кокошники! Ансамбль «Березка» или опера «Садко». Как на самом деле одевались русские люди, Николай не знал, но сильно сомневался, что Даниил Заточник, хотя он и был не простым человеком, не смердом, носил атласные штаны и вышитую крестом рубаху. А герои Чехова и Толстого? Разные были времена в истории российской деревни, однако не через ресторан «Лель» их понимать надо.

Бабка Настасья знала, что Михаил Николая не больно жалуется, но резон кое-какой в его словах чувствовала.

— Неуж, говорю, в Москве тебе нельзя такую каторгу сыскать?

— В городе тоже, конечно, можно... — согласился с бабкиными словами Николай. — Но я здесь хочу. Здесь почему-то интересней.

— Ты с Наташкой-то собираешься жить? — выпрашивала бабка главное, что ее тревожило.

Наташа к решению мужа отнеслась спокойно, во всяком случае, в письме она скорее утешала, заранее готовя привычное для него разочарование и страдание, которое должно было последовать.

«Ну и что, — писала она, — сто шестьдесят рублей тоже деньги, а главное, что ты увлечен. Вот у Светки муж, я посторонняя — и то от него устала. А было бы увлечение — и пить бы перестал. Вероничка без тебя занимается даже лучше, чтоб ты потом похвалил. «Стенку» в комнату я ей все-таки куплю. Двое же теперь работаем, и еще я кое-что в ломбард сдам. Пьешь ли от сердца?..»

Николай перечитывал письмо жены, понимая, что ему повезло так, как мало кому везет в жизни. «И за что мне это? — думал он. — Все понимает, все прощает... И мать у нее такая же». Может, это и есть тот загадочный русский характер, о котором он читал во многих книгах? Наташа, кстати, всегда понимала, что книги для него не способ забвения окружающего, не уход от жизни, а нечто трудное и необходимое. Крестьянская дочь, если не считать трех лет, когда отец временно перебирался на житье в город, Наташа ничуть не переменилась, оказавшись в салоне-парикмахерской высшего класса, куда очередь за несколько дней устанавливается, а многие мастера на машинах приезжают.

«Вот у Светки муж», пишет. А ведь и правда — какая судьба. Светкин муж был когда-то большим начальником на радиозаводе, потом слетел за пьянку, стал начальником ателье по ремонту телевизоров, но и оттуда его поперли. Теперь он полный оглоед, сын его боится, заикой стал. А недавно Светке сообщили, что муж ее украл на прежнем месте работы цветной кинескоп, продавал его где-то у магазина и попался. На него завели дело, должны были судить, но, учитывая прежние заслуги, подвели под амнистию. После этого он стал пить и буянить еще сильнее. От Светкиного мужа мысль перекинулась обратно к зятю

Михаилу, а от него почему-то к Афоне и Савельеву, потом к тому мелкому воровству, о котором предупреждал директор училища. А если все-таки это братья Ткачевы с их любовью к деньгам? Копят на дом?

Николай вновь, как и в первый раз, отринул это предположение и про себя отметил, что управлять своими мыслями и предположениями человек может лишь отчасти. Потом Николай представил себе новую «стенку» в комнате дочери. Теперь красивую делают мебель для детей: светлую, без полировки. Хорошо живут нынешние дети. Пианино у нее в комнате, «стенка» новая, письменный стол...

А у Светки в квартире, Наташа говорила, вообще музей. Хельга какая-то в прихожей стоит, а в комнатах — красное дерево, фарфор особенный...

Николаю еще предстояло перебираться в общежитие, у тещи он доживал последние дни. Она не сильно этим огорчалась, потому что был рядом с ней Серафим — страждущая душа. Бабка будто подслушала мысли зятя про квартирный уют и, ставя в печь чугуны с пшенной кашей, спросила:

— Коль, а финская мебель какая? Нинка говорит, что Михаил в тот выходной финскую привезет.

Осень уже перешла в ту свою пору, когда земля перестает мокнуть, когда она остывает и твердеет, чтобы принять на себя снег. Серафим чувствовал себя лучше, обрадованная бабка Настасья с еще большим рвением готовила отвары, а он с утра ходил по деревне и, занятый какими-то мыслями, что-то высчитывал, планировал... У Николая он ничего не спрашивал, но тот и сам видел, что Серафим ждет того же праздника для души, что и он сам. Отказаться от этого праздника, от этой мечты, никто из них не мог. Один хотел начать этим новую страницу жизни, другой закончить последнюю. Все, конечно, складывалось не особенно просто и очень медленно, но ведь так и должно было быть.

Глава седьмая

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

Николай думал, что все идет чередом, все так и будет. Он приглядывался, к нему приглядываются... Чем дальше, тем легче, труден лишь первый день. По расписанию после обеда значились занятия по технике безопасности в механических мастерских. Группы там не оказалось. Николай скорым шагом вернулся в учебный корпус, обошел все классы, потом побежал на стадион и еще быстрее вернулся обратно. Нигде ни одного из его ребят не было.

Он заглянул в учительскую, и мастер параллельной группы Александр Михайлович что-то понял по его виду.

— Кого вы ищете, Николай Иванович?

— Группы нет, — сказал Николай. — Как сквозь землю. У нас по расписанию занятия, а группы нет.

— А... — Александр Михайлович не удивился. — Это тут так должно быть. Это называется «проверка на вшивость». Не переживайте. У нас очень мало средств воздействия. Стипендии и то лишать практически права не имеем. Можно только задержать.

— Кому задержать? — спросил Николай с досадой. — Всей группы нет.

— Зачинщикам стипендию можно задержать. Если выявите. А пока сходите в спальный корпус.

Николай изо всех сил сдерживался, чтобы не бежать. Надо идти спокойно, решительно, так, будто он один знает, чем это кончится. Группа жила на третьем этаже в дальнем конце коридора. Николай толкнул одну дверь — заперто. Другую... Третью. Четвертая отворилась, и он увидел братьев Ткачевых.

Они сидели за столом и столовыми ложками ели варенье из банки. На мастера они смотрели вызывающе. Так на него смотрела Вероника, когда бывала виновата. Хорошо, что вспомнилось именно это. За наглым взглядом — стыд и страх, а за ними еще — и совесть.

— Хорошее варенье? — спросил Николай.

— А как же, — сказал Юра. — Домашнее.

— Присаживайтесь, — пригласил Боря. — Я сейчас ложку вытру.

— Спасибо. — Николай присел на край кровати. Там стоял игрушечный рояль, только что вынутый из картонной упаковки.

— Кто играет? — поинтересовался Николай.

— Я. По вечерам. — Юра нарочно врал, интересно ему, как ответит мастер. — Я играю, а вот Борька поет.

Николай пропустил это мимо ушей, стал тыкать пальцем в клавиши, они отвечали более или менее правильно. Во всяком случае, чижик-пыжик получился.

— Кстати, — сказал Николай. — Музыка детей надо начинать учить как можно раньше. По своей дочке знаю. И не обязательно на рояле. Скрипка прекрасный инструмент. В детских музыкальных школах на скрипку больше мест, чем на рояль. И в училищах так же и даже в консерватории. Я это кстати.

Братья слушали его внимательно, как он того и хотел.

— А совсем маленькие скрипки продаются? — спросил Боря.

Ребята знали, зачем пришел мастер, но сейчас явно забыли про это. Николай понял, что попал в точку. Другие группы занимались сейчас делом, а он сидел на кровати и старательно подбирал чижика-пыжика. У него это уже совсем складно получалось. На братьев он не смотрел. Вероничку тоже хотели вначале определить на скрипку, так что он все про это, к счастью, знал.

— Маленькие скрипки? — переспросил он. — Маленькие скрипки есть. Есть половинки, есть четвертушки, есть

и восьмушки. Для дошколят. Как игрушечные, а звучат вполне прилично. В Москве их много всяких. И дешево, между прочим. Копейки.

Он встал и сказал, почти не меняя тона:

— Соберите, пожалуйста, группу. Я буду ждать внизу.

Он спустился по лестнице, еще раз отметив про себя, как тихо вокруг, сел на лавочку у входа и закурил. В последние дни он курил больше обычного, это значило, что и волновался больше.

Стали появляться ребята. Ох и не спешили они. Подходили по одному, подсаживались, молчали, ждали, что будет. Выходило, что новый мастер не особенно сердился.

Некоторые из ребят тоже закурили.

— Все? — спросил Николай, хотя видел, что не все.

— Афанасьева нет и Макарова.

Что Афанасьев должен прийти последним, это Николай предполагал. Но где Макаров?

Появились они вместе.

Огромный Толя Макаров вез на спине Лешу Афанасьева. В руках у Афони была книга, которую он вдумчиво читал.

— Ой! — Лицо Афони выражало крайнее сожаление. — Извините, бога ради. Я так увлекся. Задержался в библиотеке. Люблю книгу — источник знания. Кто это сказал?

Афоня веселился, работал на публику, время от времени прищипывая Макарова, который по уговору подпрыгивал.

Николай смотрел на них скучным взглядом. Ему и в самом деле было скучно. Безнаказанность проистекает не только от терпимости окружающих, от привычки сносить оскорбления и издевательства. В ее корне находится полное отсутствие понимания того, что наказание, расплата, возмездие, если говорить высокими словами, настигает человека не тогда, когда он ждет возмездия, а тогда, когда он о нем начисто забывает.

Афоня ждал стычки, нарывался на нее.

— Какая несправедливость, Николай Иванович! — восклицал Афоня, размахивая книжкой и трогая каблукми макаровские бока. — Все интересные книги стоят на верхних полках. Вот и пришлось попросить товарища Макарова...

— И что же ты взял? — Николай говорил спокойно и дружелюбно.

— «Записки охотника», — заторопился Афоня. — Охотиться собираюсь, а как надо охотиться и на кого лучше, про это знаю позорно мало. Вот решил обратиться к источникам знания, книгам...

Николай улыбнулся мечтательно и сделал жест, который заставил всех вслушаться. Он никогда не хвастал памятью своей, она не давала для этого оснований, но какие-то строчки, иногда совсем случайные, вдруг запечатлевались в его мозгу, как на типографской матрице.

— «Относительно песен курского соловья вообще мы можем добавить, что курская птица по охоте была высшего достоинства... Она именно заставляла охотника и плакать, и восторгаться, доводила его до верха счастья и наоборот», — сказал Николай, глядя Афоне в глаза.

— Что, что? — оторопел тот.

— Это об охоте на соловьев. В конце девятнадцатого века вышла книга о певчих птицах, и там замечательно сказано о соловьях. Советую почитать. В библиотеку часто ходишь, то есть ездешь? — Николай не сводил глаз с лица Афони.

— Нет. — Тот мотнул головой.

— А ты ездь чаще. Если Макаров будет занят — я тебя отвезу.

— Обойдусь, — злобно буркнул Афанасьев.

Продолжение сцены было не в его пользу. Зрители все его номера знали, внимание их было сосредоточено на мастере, а тот был спокоен.

— Ну, гляди, — сказал Николай. — А то мне не трудно.

Он повернулся к ребятам.

— Курить нам некогда, — сказал он. — Я лично сейчас при вас курить бросил, — он вдавил сигарету в землю. — И вам советую то же самое. Дальше. По утрам я бегаю, делаю зарядку, принимаю душ. Так что будем теперь делать это в компании. Сбор здесь ровно в семь. Кроме того, объявляю, что буду создавать секцию мотоциклетного спорта, брать буду только тех, кто хорошо занимается общефизической подготовкой и не курит. Такое условие.

Решение бросить курить и организовать мотосекцию пришло тут же, минутой раньше он об этом не думал. Просто возникло понимание, что он должен взять на себя что-то такое, что было бы равноценно тому, что он требовал от ребят. Николай никогда не читал никакой педагогической литературы, если не считать «Педагогической поэмы», которую сам он к этой науке не относил.

— Итак, буду готовить разрядников. Восстановим имеющиеся у нас три старых мотоцикла. У кого есть свои машины, — он глянул на Афанасьева, потому что знал, что у него новенькая «Ява», — могут тренироваться сами. Программу дам. И вообще чтоб вы знали: каждый из вас может рассчитывать на меня по любому поводу и в любое время дня и ночи. Вначале помогу, потом, если будет необходимость, дам втык.

Ребята слушали одобрительно. В основном на лицах он видел облегчение: ну и замечательно — выпендриваться больше не надо, можно жить нормально.

— Поскольку я тут человек новый, — закончил Николай, — то вас тоже попрошу в дурацкое положение меня не ставить. Все. Пошли дело делать.

Дело действительно было, но еще вчера он разговаривал с Иваном Макаровичем, и оба они решили, что надо обождать, согласовать с дирекцией медучилища, выяснить в сельхозтехнике относительно запасных частей. Но вчера это был разговор вообще, а сегодня надо было обязательно найти дело.

Вряд ли ребята догадывались, куда он их ведет мимо учебного корпуса и механических мастерских, мимо навесов, где стояли сельхозмашины всех систем и видов. Кто-то, возможно, предположил, что их ведут на какой-то аврал, на наряд вне очереди — территорию убирать, мусор грузить, канаву какую-нибудь копать или разбирать на кирпичи старую котельню.

Они подошли к гаражу, и Николай растворил железные ворота бокса. Там было много колесной и гусеничной

техники. Но на первом плане стоял покалеченным боком «ПАЗ» медицинского училища.

— Мы поломали,— сказал Николай,— мы будем чинить. Сначала машину надо вымыть. Кто хочет?

— Можно? — спросил Юра, а Боря уже схватил ведро и тряпку.

Николай теперь вставал рано. Подтянутый и бодрый, в спортивном костюме, он строил своих ребят у входа в общежитие, и потом мимо учебного корпуса и мастерских, мимо боксов и навесов они бежали на стадион.

— Шире шаг, не растягивайтесь! Носом дышите.

Каждый день ребята должны жить приподнято и воодушевленно, решил он, каждый день жил так теперь и он сам.

«Нет, Наташка, никакой я не Макаренко. Ты посмотрела бы, какие тут преподаватели. Они не ждут ребят, из которых можно выбрать получше. Они знают, что выбирать не из кого, и поэтому любят всех. Именно любят. Авторитет мастера в училище очень высок, потому что высок авторитет каждого пришедшего в группу.

Очень много внимания уделяется первокурсникам. Их считают маленькими и трогательными, они на положении первоклассников в школе. Конечно, они приходят всякие и разные, но для всех училище — шаг во взрослую жизнь. Был бы у нас мальчик — отдал бы его сюда. Честно.

...А у меня третий курс, и трудностей хватает».

Он перечитал написанное. Все правильно, так и должно быть, но про первокурсников он чуть перехватил. Не все к ним так относятся. Это педагоги так, это взрослые хотят, чтобы младших не обижали, но ведь известно, откуда-то из глубин времени появилось, что маленьких обижать положено. В армии даже находятся любители унижать новеньких. Дедовством это названо в армии, и борются с этим теперь, Николай знал точно, твердо и непреклонно. В армии легче, если командиры захотят, а в училище... Какие меры воздействия? Выгнать — не угроза, выгнать никто не разрешит. В спецучилища отправляют только за явные преступления, предусмотренные уголовным кодексом. Стипендию задержать? Нет, это не способ.

За окном был ветер. Николай нашел в столе нераспечатанную пачку сигарет и рассмеялся. Вот так и бывает. Себе человек может разрешить то, за что к другим готов применить самые суровые меры наказания. Сколько нынче разговоров о расхлябанности молодежи, об избалованности. Со стороны взгляд. Вот его группа — почти у всех джинсы за сто рублей, у Афанасьева варенки и такая же курточка с «лейблами», говорят, в три сотни встала родителям. А у мастера, у Николая Ивановича Степанова, сейчас, к примеру, весь костюм дешевле, чем штаны у Афанасьева, — шестьдесят рублей в магазине «Рабочая одежда». На Иване Макаровиче костюм лет, наверное, десять носится. И все-таки, думал Николай, дело не в том, что детям отдают все, что с ясельного возраста наряжают во все лучшее. Не в этом корень зла, а в чем-то совсем ином. Может, в том, что для родителей в жизни главным стало кое-что такое, что в жизни детей главным быть не должно.

Он положил прямо перед собой пачку сигарет, опять взялся за письмо, но вскоре вновь отвлекся. Вот еще любят у нас говорить о необходимости самых суровых наказаний. Вспоминают, как, мол, в доброе старое время за кражу рубили руку. Сначала левую, потом правую. Про расстрел говорят все, за слова свои не отвечая. Про значение слов люди легкомысленно думают. Кажется, сболтнул чего, ну и ладно. Что — слово?

Может быть, дети нашим словам не верят. А что может быть хуже этого, если сказано, что в начале было слово. Как там у Даниила, оказавшегося в опале и оскудении? «Был язык мой как трость книжника-сорописца и приветливы уста мои, как быстрота речная. Того ради попытался я написать об оковах сердца моего...»

И еще вспомнилось из той же книги:

«Никто ведь не может ни пригоршнями соль есть, ни в горе разумным быть; всякий человек хитрит и мудрит о чужой беде, а о своей не может рассудить. Злато плавится огнем, а человек напастями: пшеница, хорошо перемолотая, чистый хлеб дает...» И еще: «Славно за бугром коней пасти, так и в войске хорошего князя воевать».

Кто же сей Даниил, откуда взялся и куда исчез? А ведь жил и, кажется, не глупее нас был.

Николай поиграл пачкой сигарет, спрятал, потом опять выложил перед собой на самое видное место. Пусть напоминает, что начал он новую жизнь.

Спало все училище, только у ворот горел одинокий фонарь, а «проверка на вшивость», Николай понимал это, будет долгой. Она ведь едва началась.

Было воскресенье. Чуть морозило. Большинство ребят накануне еще разъехались по домам. С теми, кто остался, Николай решил пойти гулять. Он знал, что братья Ткачевы в боксе, колдуют над автобусом, и через парк пошел за ними. На пустой, даже в это время года затененной липовой аллее его окликнули.

— Мастеру наше почтение...

Из-за дерева вышел тракторист Валерка Волков в телогрейке и сапогах. На голове у него большая шапка из жесткого меха, похожего на волчий.

— Здравствуй.— Николай нахмурился, останавливаться и говорить с Волковым не хотел.

Валерка загородил ему дорогу.

— Ко мне? — спросил Николай резко.

— Может, и к тебе...— Волков улыбался. Он не был пьян, состояние его можно было определить словом «выпивши».— Преподаешь, значит? Оглоедов учишь... Мне, значит, смену готовишь?

— Да,— сказал Николай.— Готовлю.

— Тоже непьющие будут? — поинтересовался Валерка.

— Тоже,— кивнул головой Николай.

— Ничего,— успокоил Валерка.— Научатся.

Он не давал пройти.

— Что ж ты домой к жене не едешь, не соскучился?

— Отойди.— Николай посмотрел Волкову в глаза.

— Ох, испугал,— обрадовался Валерка.— Да ты меня ударь, не стесняйся, мы ведь свои. Если б захотел — Наташка бы моя была... Она ведь не возражала, это я было замешкался.

Молча обойдя Волкова, Николай, не оглядываясь, пошел по аллее. Такого Валерка не ждал.

— Спешешь, что ли? Ну спеши, в другой раз договорим.

Николай вспомнил, с каким ужасом Наташа рассказывала о преследованиях Волкова, о его наглости и страхе, в котором она жила, совсем молоденькая девчонка. Почему-то вместо Наташиного ему представилось Вероничкино испуганное лицо. Захотелось вернуться, но он знал, что Валерка ждет этого, и сдержал себя.

Так что же все-таки делать с хулиганами? Ведь еще нынешней ночью размышлял он о том, что не в суровости наказания дело. А как же? Вот этот Валерка — одно зло от него, и если бы его вовсе не стало... Николай поймал себя на желании решить вопрос с Волковым тут же, на месте, раз и навсегда. Наверное, многие беды происходят от желания решать вопросы жизни раз и навсегда.

Среди книг, прочитанных Николаем, попадались и такие, которые рассматривали проблему преступности и в философском, и даже биологическом, генетическом плане. Одни вслед

за Достоевским решали вопрос о праве на преступление и о цене, которую следует платить во искупление. Другие пытались доказать, что зло есть вид сумасшествия и заложено оно чуть ли не в хромосомах. Там же, мол, заложены и основы добра, а потому борьба доброго со злым происходит на клеточном уровне. Как всякий внутренне интеллигентный человек, Николай Степанов уважал книжную мудрость, но к Валерке-трактористу все это имело второстепенное отношение. Среди сверстников Николая еще до армии началось раздвоение: одни полюбили бутылку, другие ее сторонились. И сразу после армии, и затем в более зрелые годы Николай видел, как неотвратно гибнут полюбившие бутылку. Человек, валяющийся в собственной блевотине, отвратителен, но он еще и страшен, потому что завтра, вспомнив себя таким, он скорее всего станет еще хуже, чем вчера. Унижение не способствует улучшению нравов, а вчерашнее унижение в борьбе с самим собой не прибавит сил сегодня. Алкоголик в прошлом мог быть хорошим человеком, но, продолжая пить, он может становиться только хуже. До полного гниения. Эту суровую истину Николай уразумел без книг.

Хотелось Николаю вернуться и поговорить с Волковым решительно, раз и навсегда. Он понимал, что это будет за «разговор», и верил, что не осрамится. Но понимал он и то, что Волков сейчас ждет его, что на скандал и дра-

ку нарочно нарывається. Вернуться — значит сделать то, чего хочет враг.

Николай понимал, что сейчас газетные призывы к гражданам всех возрастов научиться давать сдачи хулиганам — часто безответственные слова. Есть ситуации, когда хороший человек обязательно проигрывает плохому, честный — жулику, добрый — злому, совестливый — наглому. Это горько, но это так. Происходит это потому, что степень дозволенности у них разная. Бандит за чужой кошелек может убить человека, а тот за свой собственный не сразу спустит курок. Иначе сказать — нормальный человек не сможет представить себе до конца, на что способен его противник, и не опередит роковой минуты. Так было всегда, и не удивительно, что жертвами во все времена оказывались лучшие. Пушкин, а не Дантес, Лермонтов, а не Мартынов... Да разве всех перечислишь — знаменитых и безвестных.

Николай вдруг заметил, что не может глубоко вздохнуть, дыхание было коротким и частым. Заклинило.

Братья Ткачевы трудились в поте лица. Напильниками и шкуркой они очищали и драили все те металлические детали облицовки, которые предстояло хромировать. Рыжая пыль ржавчины легла на лица ребят, на их рабочие телогрейки, а в свете пробившегося в окно над воротами солнечного луча улыбки братьев казались Николаю особенно радостными.

Ему стало легче, вздохнул полной грудью.

Не для того, чтобы проверить, как работают ребята, а для того, чтобы они не подумали, что ему это безразлично, Николай подошел к верстаку, взял в руки ободок фары, дверную ручку, глянул на остальное, посоветовал чаще смахивать ржавую пыль с верстака.

— Не устали? — спросил он. — Я вообще-то за вами.

Они послушно стали собираться. Боря замахнулся на брата, пригрозил ему кулаком. Перехватив взгляд мастера, объяснил:

— Мы утром двигатель заводили. Ну, он, не переодевшись, сразу полез. Видите, на рукаве какое пятно.

— А зачем заводили? Опять кататься? — Николай не шутил, но и Боря не испугался.

— Хотели послушать, какие стуки в нем. Как клапана, как валик, как вкладыши? Ведь после ремонта мы их уже не услышим, а знать надо. Вы сами говорили.

Они заперли бокс и пошли. Ребята не спрашивали,

куда ведет их мастер, они знали, что будет интересно.

— Зайдем за Чубаровым,— сказал Николай.— Пройдемся по полям. Сейчас пора интересная — ее все художники рисовали. Пушкин любил такую осень.

В воскресенье вечером в ПТУ приезжали те, кому далеко, остальные приезжали с утра в понедельник, поэтому Николай удивился, когда Боря сказал:

— А можно Афанасьева с собой взять? Он тоже приехал.

— Я его не видел,— сказал Николай.

И в это время в стороне липовой аллеи грянул выстрел. Гулко прозвучал он в продутой осенней тишине, и тут же над вековыми деревьями взлетела стая ворон. Заметавшись и оглушительно крича, они понеслись прочь от чего-то, что люди пока не видели.

Раздался еще один выстрел, и большая тяжелая ворона, летевшая в конце стаи, тяжело закувыркалась в воздухе и упала в кусты неподалеку от Николая и его ребят.

Впервые желание уйти из дома возникло у Леши Афанасьева, когда он учился в восьмом. Учился он нормально, без троек, и никто не сомневался, что окончит десятилетку и вслед за старшим братом станет инженером. Он и сам в этом не сомневался, но именно тут в их жизни возник Аристарх. Наверное, и раньше не было особого лада в семье, но теперь вылезало все плохое, что до того было скрыто.

— Разве ты человек, разве ты мужик, разве ты хозяин?! — кричала мать отцу.— Твои полторы сотни, что ли, нас кормят, обувают и одевают? Может, и дом этот на твою зарплату обставили? Был дурак, дураком и сдохнешь!

Отец как раз болел тогда, опухал и был желтым. Он возражал тихо и просил не кричать, чтобы люди не слышали, как у них все плохо.

— А что люди! Что люди! — Мать никого не боялась.— Я от этих людей ничего путного не видела, они меня никогда не кормили и не поили. Люди!

Самое противное было в том, что это происходило каждый вечер, когда мать садилась в «Жигули» и уезжала. Иногда скандалы перемещались на ночь, когда мать возвращалась. Леша с ужасом понял, что открытая им

тайна отношений между родителями ни для кого вокруг давно не тайна.

А в выходные дни мать требовала, чтобы отец сам садился за руль, она устраивалась рядом, Алексей сзади, и они ехали к кому-нибудь в гости. Мать делала вид, что семья дружная.

— Ну и мать у тебя, — не раз говорили Леше, и ему следовало понимать остальное.

— А отец что смотрит? — говорили те же люди. — Дал бы ей по шее. Или б ушел, чем такое терпеть.

Старший брат Эдик обо всем этом говорил с усмешкой:

— Ты маленький, не знаешь: они всегда так жили. Только она моложе была, не спешила так свое урвать... Никуда отец теперь не денется. Поздно.

Вот почему и ушел Леша из дома в ПТУ. Ему важно было оказаться среди людей, которые ничего не знали про семейную драму, которые видели бы только бравого парня в фирме, на «Яве». А недавно, вскоре после юбилея родительского, Леша услышал в кинотеатре, когда погас свет, разговор о нем самом. Говорили примерно так: «Жалко парня. Она отца со свету сживает и сыновей разогнала, чтобы блудить не мешали». Это один человек говорил, а другой отвечал: «Посодютъ ее. Поверь мне, посодютъ. Она вразнос идетъ. Когда старая баба в разнос идетъ...»

Сегодня Леша Афанасьев удрал из дома раньше обычного. Ему померещилось, что на них всех нависает именно та беда, про которую говорили в кинотеатре. Мать осунулась как-то сразу, в субботний вечер против обыкновения сидела дома. И самое неприятное для Леша было то, что отец жалел ее. Он подсел к ней на тахту, гладил по голове и толстым плечам, а она не отталкивала его, как обычно. И еще был плохой момент: он по-

просил у матери денег сто рублей, а она не дала.

Сейчас из-за этого Леше приходилось изворачиваться перед Волковым.

— Ты не тяни, Афоня. Не тяни, а то задаток пропадет,— говорил Волков, заворачивая тульскую двустволку в брезентовый плащ.

— А твоя она? — вдруг спохватился Афоня.— Учти, краденого не возьму.

— Ух ты, ах ты, все мы космонавты,— пропел Волков.— «Краденого не возьму». Братнино ружье. Маде СССР. Он у меня третий год по пьянке чалится, а денег не шлет. Ты видел, как она бьет кучно. А если жаканом зарядить, то на волков можно, на медведей. Ты говорил, на Север собираешься, там белых медведей, как здесь воробьев.

Они шли к Афониной «Яве».

— Только не тяни с деньгами. Пойми: пропадет задаток. Желających много.

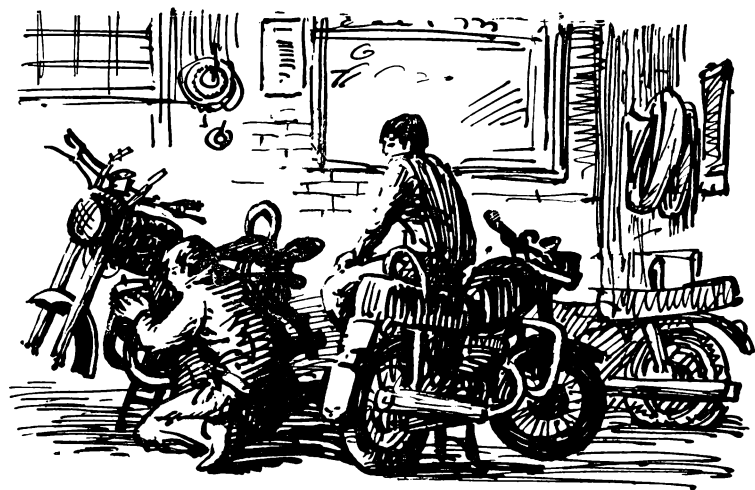
— И патроны ты обещал,— сказал Афоня.

Они сели на мотоцикл и возле ворот пересекли дорогу Николаю и братьям Ткачевым.

Николай свернул с аллеи и, сделав несколько шагов, раздвинул кусты и поднял убитую ворону.

Глаза птицы были открыты, но птичьего любопытного выражения в них уже не было, они глядели холодно и равнодушно. Гулять и ребятам, и Николаю расхотелось, они поиграли в пинг-понг, посмотрели телевизор. Возвращались из дома ребята, подсаживались к мастеру, а он все видел перед собой две фигуры на мотоцикле — худенькую мальчишескую и коренастую, в телогрейке и большой шапке из жесткого меха.

Афоня появился опять позже всех, но к отбою не опоздал. Николай присмотрелся — пьян Афоня не был и ружья с собой не принес.

Глава восьмая

БУДНИ

Иван Макарович сказал:

— Николай Иванович, зайдите ко мне в семнадцать часов.

Это означало, что разговор будет серьезный, и Николай приготовился к нему, стараясь ничем не выдать волнения.

Директор стал говорить об учебном плане, о том, что практику теперь надо будет организовать на базе колхоза, это дело трудное. Ребята будут работать бок о бок со взрослыми и не должны ударить в грязь лицом. А Николай думал о другом: бок о бок — значит, рядом с такими, как Валерка Волков. Других-то он почти не знал никого.

— Для контакта вам, Николай Иванович, надо поближе познакомиться с председателем. Павел Кондратьевич имеет кое-какие идеи. У него идей много, а людей нет.

Непонятно было, как директор относится к идеям председателя.

— Вот тут, — Иван Макарович достал из ящика желтоватый листочек. — Это вам привет из милиции.

Повестка была краткой — просьба явиться к такому-то часу, в такую-то комнату, к такому-то товарищу.

— А по какому делу? — спросил Николай.

— Вот там и узнаете, — усмехнулся директор. — А после и мне расскажете. Не смущайтесь, не пугайтесь и не берите на себя слишком много. У некоторых людей есть желание перепоручить свою работу другим, а у вас, я заметил, есть желание все принимать на себя... Я вас за это уважаю, — добавил директор. — Но и сочувствую...

В отделении милиции было накурено и пусто. Николай нашел указанный в повестке кабинет, приоткрыл дверь:

— Можно?

Женщина в погонах капитана подняла на него глаза:

— Из ПТУ? Заходите.

Она взяла повестку, долго ее читала, будто не знала, о чем и кому она.

— Николай Иванович, если не ошибаюсь? Так?

«Господи! — про себя воскликнул Николай. — Что за привычка держать паузы и тянуть. Неужто страшное что-то?»

— Вот решили вас побеспокоить. У нас в инспекции по делам несовершеннолетних состоит один ваш ученик.

— Афанасьев? — вырвалось у Николая.

— Нет. Савельев Митя. — Капитан по-прежнему не спешила. — Так вот, у этого Мити несколько однотипных нарушений. В основном — огнетушители.

— Как? — не понял Николай и нахмурился собственной непонятливости.

— Огнетушители, — повторила капитан. — Самые обыкновенные пожарные огнетушители.

В милиции Николай, как и все люди его возраста, бывал неоднократно: паспорт менял, например, насчет прописки хлопотал, когда квартиру получал, но у следователя был только один раз. В магазине обнаружили излишек мяса в шестьсот килограммов. То ли недовес к этому привел, то ли из холодильника завезли лишнее без накладных. Попались, одним словом. Николай про это ничего не знал и, естественно, ничего вредного для жуликов сказать не мог, но потом возмущался и так старался все понять, во все вникнуть, что поссорился с другими продавцами и с директором. Самое забавное, что никто на этом деле почему-то не пострадал, а Николай подал заявление по собственному.

— Так вот, Савельев Митя систематически срывает

огнетушители. — Женщина-капитан становилась все строже. — В воскресенье в кинотеатре сорвал во время сеанса. Дружинники перехватили, а то бы панику устроил. И вином от него пахло. К счастью, огнетушитель опять оказался неисправным.

— Почему опять? — спросил Николай.

— Потому что летом на стадионе Савельев тоже сорвал огнетушитель. Но он не сработал.

— Безобразие, — сказал Николай. — За это надо наказывать.

— Его простили тогда.

— Да нет! — подсадовал Николай. — Надо наказывать тех, у кого такие огнетушители. Лодыри! Бездельники! А если пожар?

— Так вы думаете, что ваш ученик помогал пожарной инспекции проводить проверку?

Николай рассмеялся.

— Озорство, — сказал он.

— Для него — озорство, для общества — хулиганство. Примите меры. — Женщина протянула лист бумаги: — Распишитесь, что извещены.

Желающих заниматься мотоциклетным спортом оказалось много, но требование не курить и усиленно заниматься общефизической подготовкой отсеяло больше трети. А Николай каждое утро выходил к подъезду и вместе с ребятами бежал на стадион. Сначала он бежал впереди, задавал темп, потом пропускал ребят вперед и обязательно кричал:

— Носом дышать! Носом! Шире шаг, ритмичнее!

Ткачевы, Чубаров, Макаров, Никоненко, Васильев, Вишняков...

В дальнем углу механического цеха повесил большой плакат, выпущенный ДОСААФом, а под плакатом стояло несколько мотоциклов и мопедов. Большинство нуждалось в ремонте, но три были в приличном состоянии. Однако, и это радовало Николая, ребятам все больше нравилось возиться с теми машинами, которые требовали работы.

Мастер, вернее бывший мастер, Тарасов взялся помочь в ремонте и на уроках объяснял теперь устройство и азбуку ремонта двухтактных двигателей, которые в программе училища практически отсутствовали.

Из милиции Николай шел веселый. Он думал, что

Афанасьев набедокурил, почему-то связывал это с ружьем, с Валеркой Волковым, мало ли что могло случиться, а тут — обычное озорство.

Он вошел в класс к Тарасову с огнетушителем.

— Разрешите, Евгений Валентинович? Есть необходимость провести внеочередное занятие по противопожарному делу. Это недолго.

Тарасов смотрел с недоумением. Группа — тоже.

Николай поставил огнетушитель на стол.

— Вот, — сказал он, — разберем и посмотрим, как действует. Пригодится по технике безопасности. Сначала вспомним химию. Кто может изобразить формулами процесс горения?

— Я, — вызвался Боря.

— Лучше Савельев Митя, — сказал Николай.

Все заулыбались.

Савельев топтался у доски, опасливо поглядывал на мастера. Формул он не помнил. Николай взял мел, энергично застучал по доске. Рисовал и объяснял, адресуясь только к Мите. Тот чувствовал себя неважно, а когда огнетушитель пришлось взять в руки, уже просто страдал. Николай делал вид, что ничего не замечает.

— Таким образом, — закончил он, — огнетушитель используется только при возникновении очага пожара. Применение его во всех остальных случаях есть нарушение общественного порядка. Впрочем, об этом без пяти минут механизаторам говорить смешно.

Савельев пошел на свое место.

— Просек, Митяй? — громко спросил Афоня.

Николай спокойно убрал огнетушитель, достал из портфеля газетный сверток, развернул его. На стол легла убитая ворона. По классу прошел шепот, и все замерли. Скрюченные лапки птицы торчали кверху.

— Вчера, — сказал Николай, — дураки ворону убили.

Он помолчал, оглядел лица ребят.

— Жалко!

Никто не улыбнулся, только Афанасьев прищурился. Николай сел, задумался. В классе стояла мертвая тишина. Тарасов не вмешивался, понимал, не зря новый мастер прервал его урок.

— В жизни много жалко, — сказал Николай. — Слышали, наверное, Красная книга существует? Исчезают с лица земли живогные, растения тоже исчезают. Кстати, Леша, — обратился он к Афанасьеву, — помнишь, я тебе

говорил про книгу о певчих птицах? Так вот что интересно, уже в восьмидесятих годах прошлого столетия, как сказано там, «птица хужела, умаляла песни...» Ну а сейчас если кто услышит соловья — считай, повезло.

Худое, бледное лицо

Афони ничего не выражало, в глазах была отчужденность. Он был заперт, этот парень, и ключа у Николая не было. Но и рассчитывал сейчас мастер не только на него.

— К сожалению, в Красную книгу, — продолжал он, — не заносят названия вымирающих деревень, и только где-нибудь в музее, случайно быть может, сохранится одна из тысяч, миллионов исчезающих изб. Но вот когда надо было построить что-то особенное, русское, что, как вы думаете, построили? Конечно, избу. Правда, уже несколько другое у нее получилось назначение, это теперь ресторан «Лель». А настоящий крестьянский дом стоял веками, и прямо из дверей утром можно было выйти на траву босиком. Это здорово, когда чувствуешь траву под ногами. Будто она тебе говорит: живи, а ты ей: живу...

Николай оборвал себя, но ребята ждали продолжения. Им было интересно.

— Один западный писатель книгу об инопланетянах написал. Будто есть во Вселенной такие разумные существа, которые пекутся о земной растительности. Прилетают незаметно на Землю, собирают все исчезающие виды растений, деревья... А на космическом корабле у них ботанический сад... Что ж, если человек не образумится, жителям других миров и дел других не будет, как о нас заботиться. Растения, животных, архитектуру, а под конец, вероятно, и человека заберут они в качестве музейного экспоната. И не обидно нам признаваться, что мы перед всей Вселенной — неразумные младенцы.

— Так это ж фантастика, Николай Иванович, — недоуменно сказал Макаров, — а вы говорите, как будто правда...

— А что, если правда? — понизив голос, спросил Николай.

— Вы верите? — У Юры Ткачева глаза стали круглыми.

— А что ж, верить в инопланетян заманчиво. Мы ошибемся — они нас поправят, мы не сбережем — они сберегут. Наладят, научат. Плохо ли? Ответственность, ребята, дело не легкое, но настигает любого. Даже за гробом. Посмотрите, сколько у нас в районе и в области, да и по всей России брошенных изб, деревень. Кто виноват? Думаете — никто? Есть виновные за прошлое, а если мы не исправим, что можно исправить, то это уже наша вина. — Николай оборвал себя и спросил: — Вот как вы думаете, семнадцать лет — это много или мало?

— Смотря для кого, — сказал Афоня.

— Ну, для кого... — Николай оглядел ребят. — Для тебя, для них, для Николая Островского?

— Для нас мало, потому что мы обыкновенные, — сказал Макаров.

— Ишь ты какой, — удивился Николай. — Значит, для тебя мало, а для Островского достаточно? За то, что необыкновенный?

— Он герой, — сказал Юра. — Героическая жизнь не каждому.

Николай не спешил с объяснениями, он погладил воронье крыло.

— Красиво. Удивительно, — сказал он задумчиво. — И ведь какая таинственная жизнь, что по сравнению с ней инопланетяне.

Он не смотрел на ребят, но их вздох он услышал.

— Тут неподалеку деревня есть. Скоро про нее скажут «была». Там старушка живет. Одна. Про нее на вечере Иван Макарович говорил, да вы не очень слушали. Живет, как высоту удерживает. Могла бы уехать. Это вам, кстати, о героической жизни. И еще. Поскольку все вы комсомольцы, что значит — люди ответственные, каждый ваш безответственный поступок мы будем разбирать здесь при всех.

— Вместо теоретических занятий, — съязвил Афоня.

Николай посмотрел на него, сказал мягко:

— Знаешь, Алексей, самое страшное — опоздать стать человеком. — Николай обернулся к Тарасову: — Простите, Евгений Валентинович, отнял у вас целый урок.

— На уроке главное — чтоб интересно, — сказал Тарасов. — И не беспокойтесь, про совесть лишний раз сказать и услышать никому не вредно.

После занятия Николай отозвал Борю:

— Ты строгать, пилить умеешь?

Боря пожал плечами:

— В общем, да.

— «В общем» не годится. Ты должен делать это от-лично. Найду тебе учителей, и как комсорг получаешь задание: сделаться квалифицированным плотником.

Он понимал, что Боря догадывается, о чем речь, но конкретнее говорить не хотел.

— Ясно?

— Ясно,— расцвел Боря и спросил нерешительно, то-же боясь спугнуть удачу: — К весне начнем?

— Может, и раньше,— сказал Николай.— Есть сооб-ражения.

«ПАЗ» медучилища был пятнист от шпаклевки. Ни-колай и его группа заканчивала работу в ремонтном боксе. Ребята устали, посиживали, переговаривались, однако уходить не спешили.

Он не торопил их, пусть остынут, расслабятся. Для рабочего человека первые минуты отдыха самые важные, в них усталость пополам с радостью от сделанной работы.

— И вот.— Савельев рассказывал окружающим свою любимую историю: — Мужичонка маленький такой... Подходят к нему семь ломтей, он одному, другому... че-тверо лежат, трое бегут. Только руки об траву вытер.

— Раньше ты говорил: трое лежат — четверо бегут. И руки он вытер не об траву, а о снег. Так ведь? И че-го ты все про драки, про удары. Не надоело? — прогудел Толя Макаров.

Николай подумал, что богатыри в былинах изображе-ны точно. Толя Макаров вполне мог, как Илья Муромец, тридцать лет просидеть на печи, но зато потом...

— Ну вот,— теперь рассказывал Афоня.— А приказ-чик лоб здоровый. Они вместе мужа этого удавили по-душкой и всем богатством его воспользовались. Гужуются от пуза, а тут полиция...

— Не так,— поправил Савельев.— Не удавили, а от-равили. Грибочками. Они с приказчиком в те грибы кры-синого яда сыпанули...

Афоня мазнул Митю по лицу:

— Опять ты лезешь, сосунок. Ты, Митяй, наивный человек и в жизни ничего не понимаешь. Как Толя Макаров.

Ребята засмеялись. Митя спрятал глаза.

Николай слушал их разговор вполуха, но понимал, что каждый говорит свое не зря: хилый Савельев — про силу, но почему Афанасьев про удушье? По обязанности мастера Николай побывал у него дома, отметил, что живут богато, что пьющих нет, образовательный уровень родителей достаточный. Отец, правда, неконтактный, зато мать приветлива, общительна, хотя и капельку суетлива. «Наверное, девушка какая-нибудь обидела парня,— подумал Николай.— А ведь красивый парень этот Леша. Хотя теперь за красоту мало кто держится. Вот Наташа моя, разве за красоту меня полюбила?»

Николай встал, и ребята затихли.

— Ну, что, братва,— громко спросил он,— довольны вы своей жизнью?

Все повернулись к нему.

— Нормально,— весело сказал Юра.

— Чего спрашивать, Николай Иванович.— Боря оглядел ребят: — Сами видите.

— На той неделе покрасим — и порядок. Будет как новенький.— Николай и сам радовался.

— Повезло медикам,— громко усмехнулся Афоня.— Вместо старой лайбы получают новенькую машину.

— Кому-то из вас надо спасибо сказать.— Николай в упор глянул на Афоню.— Разбили-то его не медики.

— Все равно мы задаром ишачить не обязаны,— возразил Афоня.

— Как задаром? — спросил Боря.

— Да так.— Афоня вытащил из кармана сигареты, но никто не поддержал его движения, и он спрятал их обратно.— Ладно,— сказал он,— будем примерными. В боксе курить воспрещается... Вот я, например, летом заработал полсотни, вот этими самыми ручками. А с чего началось? У нас сосед инвалид без ноги, у него «Запорожец». Глушитель отлетел. Я ему хомутик новый сделал, асбестикую подложил... Часа полтора возился — чирик. А там и другие с просьбами подкатились.

Николай этому рассказу не поверил. С чужих слов говорил Афоня. Кто к нему обратится, какой еще сосед-инвалид? Нет, не тот мастер Леша Афанасьев, чтобы так деньги добывать. Но сейчас не в том дело. Он ждал, что скажут ребята, посмотрел на Бору, тот тоже ждал. «Молодец,— подумал Николай,— не вылезает».

— Ты даешь, Афоня,— сказал Чубаров.— С инвалида десять рублей.

— В самый раз,— сказал Афоня.— Мне лишнего не надо.

— Что ж, за так, что ли работать? — спросил Макаров.— Вот вы, Николай Иванович, стали бы задаром?

— Инвалиду — стал бы,— не задумываясь сказал он и увидел, что ребята с ним не согласны.

Леша Афанасьев сам начал разговор о калыме, а теперь вышел за ворота бокса и делал вид, что ему все безразлично. Больше всех кипятился Митя. Ему и денег хочется, и друга Афоню нужно поддерживать.

О деньгах ребята говорили горячо. Николай давно замечал: то, что взрослые говорят о деньгах, понятно — семья, заботы о хлебе насущном, об одежде. Но вот то, что и ребята в эту тему охотно включают, было как-то ново. Хорошо это или плохо? Может, взрослеют? Ладно, если так, а если это проявление нашего общего меркантилизма? Деньги и совесть — понятия тесно между собой связанные. Каждый работник имеет право и даже обязан честно и открыто судить о справедливой оплате труда, в этом ничего стыдного нет.

Он решил до поры не вмешиваться.

А спор ребячий все разгорался.

— Если так рассуждать — всегда что-нибудь найдется,— крикнул Савельев.— У этого ноги нет, у другого рука кривая, у третьего жена болеет. А почему мы должны бесплатно пахать? Они же готовы платить!

— Предположим, налаживаю я частную «Волгу»,— сказал Чубаров.— Может, у хозяина денег куры не клюют. И дубленка, и аппаратура, и все такое. Представляете, Николай Иванович?

Николай вспомнил свою работу в автосервисе и то, как ушел оттуда. Это была не работа, а сплошное вымогательство. До тошноты.

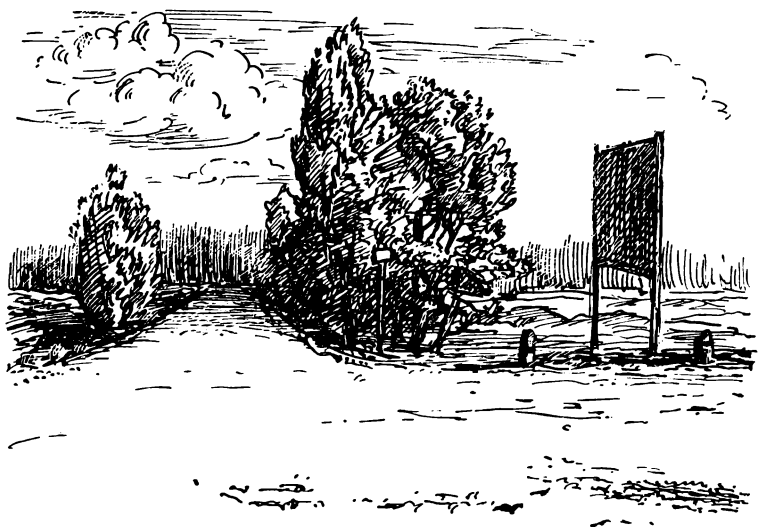
— Представляю,— вздохнул он.— Очень даже представляю.

Можно было, конечно, сразу положить конец этим спорам. Достаточно сказать любую дежурную фразу о чести рабочего человека, чтобы откровенный разговор в присутствии мастера сразу прекратился и каждый ушел бы со своим собственным мнением. Хуже этого ничего быть не может. Так и получается, так и лишаются взрослые и ребята того взаимного доверия, без которого никто

никого понять не сможет. Николай слышал и читал, что в капиталистических странах дети богатых людей еще со школьных лет сами зарабатывают и на том учатся считать деньги. Одни думают, что это развивает корысть, другие утверждают, что уважение к труду. И у нас школьники в городах начинают подрабатывать, но легальным считается только то, что идет на какое-нибудь общее дело, на совместную туристическую поездку или экскурсию, на приобретение чего-то необходимого для школы, для дискотеки например. А если парень или девушка работает на собственную семью, чтобы не тратились родители на его опять же «престижную» одежду? Ведь купят же, себе откажут родители, а купят. Но это все спорные варианты, есть же бесспорные, о которых мы молчим стыдливо. Вот та же кооперативная квартира, сколько она стоит, многим ли под силу ее построить? А если в семье вообще трудно с деньгами, если кто болеет или главный кормилец низкооплачиваемый? Если на еду не хватает? Не ханжество ли умалчивать о реальных трудностях семьи?

Вопросы, которые Николай задавал себе, для него самого имели четкий ответ, но одно — себе отвечать, другое — ученикам.

— Говорим про инвалидный «Запорожец», — сказал

Юра. — А не про «Волгу» с аппаратурой... Как решим, Николай Иванович?

— Думайте. — Он еще не готов был к ответу.

— Эх, — сказал Макаров, — конечно, если инвалид или старик... Я даже не знаю. Нехорошо, конечно. Ну, не знаю...

Афоня усмехался, стоя в воротах:

— Давайте комсорга спросим. Тебе деньги нужны, комсорг?

Боря был спокоен.

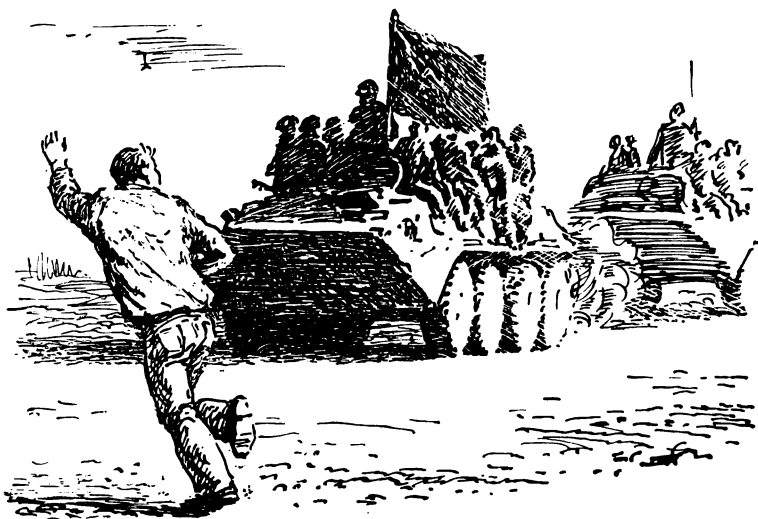
— Очень, — сказал он.

— Вот видите, — обрадовался Афоня. — Ему деньги нужны, и мне были нужны. Чего ж зря руками махать.

— Деньги пока что всем нужны, — негромко сказал Николай. — Одним для жизни, другим больше жизни. Боре и Юре они нужны особенно. Им сестренку на ноги ставить. Но и зарабатывает деньги каждый по-своему. Тут уж все от совести зависит. Некоторые воруют, другие с собак шкуры сдирают, шапки шьют. Тоже заработок.

— Это — гады. — Афоня плюнул.

— Они себя такими не считают, — сказал Николай. — Им деньги нужны — и баста. Вот помню, я еще в армии служил, ехали мы с учений, а на дорогу мужчина

выскочил, машет рукой, чтобы остановились, умоляет, лицо в слезах. Но разве остановится колонна? Я тогда БМП водил, знаете, боевая машина пехоты. Боевая. Гляжу, вездеход майора нашего на обочину выкатывает и тормозит. Потом мне водитель той машины рассказывал, что было. У мужчины жена рожала, а машин на дороге мало. Один тип, на «Волге», кстати, был, остановился и спросил с мужчины сто рублей. А тот растерялся, может, не было у него таких денег, а может, наглость его поразила. Ну, шофер времени на раздумье не дал. Может, для шофера сто рублей не деньги, он про себя голосовавшего жмотом или скрягой обозвал: мол, за жизнь жены сотню пожалел. Майор потом того шофера разыскал...

— И что сделал? — спросил Чубаров. — Морду намылил?

— Насколько я знаю, ничего не сделал. Просто посмотрел на него. А что ему можно сделать? С ним его судьба сама разберется. Уверен.

— Но вы же, Николай Иванович, тоже не остановились, — сказал Афоня.

— В том-то и дело. Майор за нас всех отвечал и за меня тоже. По этой ответственности он и поступил, хотя не знал, как на него высшее начальство посмотрит.

— Так как решим? — спросил Юра. — Насчет калыма?

— Сами думайте, — опять уклонился Николай.

Ребята молчали, по лицам их было видно, что вопрос трудный. Они получали специальность, про которую родные и знакомые говорили однозначно: «Свою десятку всегда заработает». Это казалось естественным, отказаться от ясности в этом вопросе было нелегко.

— А что, если так, — предложил Чубаров. — Брать не у всех, не всегда и не помногу. Устраивает?

— Как? — Боря повернулся к мастеру. — По-моему, это подходит.

Нет, Николая такое решение не устраивало. Растяжимое дело — «не у всех, не всегда и не помногу». Что это все значит? Не способ ли это, чтобы оставить себе удобную лазейку? Одно было хорошо — в понятие заработка включалось представление о совести.

— Пока да, — согласился он. — Пока! Но главное — никогда не брать чужого.

— То есть не воровать, что ли? — спросил Юра. — Это уж совсем другое...

— Почему другое? — Николай посмотрел на ребят.

Разговор о воровстве был им не менее интересен, но к нему они явно не были готовы. Кто-то отвел глаза, кто-то, наоборот, смотрел на мастера с интересом.

— Воровство и нечестный заработок в прямом родстве. — Николай отлично знал, что не каждый калымщик ворует. — Когда люди установили для себя правила жизни — не убивать, не воровать, не изменять друг другу, не желать зла и так далее, они уже понимали, что от пороков этих страдает не только все их общество, но и конкретно тот, кто ворует, кто лжет. Правила эти люди называли заповедями — правилами, которые нарушать нельзя. Но не у всех людей одинаковые правила. Есть и сегодня в мире людоеды...

— Вроде Гитлера? — перебил Савельев.

— Не только. Есть и в прямом смысле. На Новой Гвинее, к примеру. Поедают врагов, но и своих тоже едят. Это и есть дикари. Но и те среди нас, кто заповеди нарушают, недалеко от дикарей отошли. А воровство — это тоже пережиток дикарства, когда люди заповедей не знали.

— Если б знал, кто у меня дипломат свистнул, убил бы, — мечтательно сказал Макаров.

— А говоришь, когда другие дерутся — у тебя ноги дрожат, — усмехнулся Афоня.

— Потерпел бы, — нахмурился Макаров. — Мне этот дипломат дядька из Венгрии привез.

Библиотекарь в ПТУ — должность хлопотная, требующая внимания и терпения. Нина этими качествами, кажется, обладала.

Николай забежал к ней, чтобы взять комплект учебников, по которым занималась группа: надо же точно представлять себе, что они изучают, что от них требуют педагоги-предметники. Учебники Нина подобрала быстро, и он собрался бежать дальше, но она задержала.

— Похудел-то как, — начала она разговор, к которому, видимо, готовилась давно. — Я Мише рассказывала, как ты выкладываешься. Он говорит, лучше бы Николай в «Лель» шел, чем чудить-то. У них слесарь требуется по оборудованию. Ты справишься. Полторы ставки обещают, опять же питание бесплатное, продукты иногда брать можно. А тут-то что?

— Ничего, — сказал Николай. — Мне и здесь нравится, а похудел, потому что бегаю каждое утро, зарядку с ребятами делаю. Для здоровья полезно.

Нина не унималась, перешла на шепот:

— Ведь они, лоботрясы твои, стипендии большие получают, если по направлению. Посмотри их без форменной одежды — такие костюмчики надевают. Правда, сама видела. А ты за сто шестьдесят ломаешься. Да и Наташку жалко.

— Она вам привет передает, — сказал Николай. — Письмо получил. Пока, Ниночка. Спешу.

Он улыбнулся невестке и вдруг заметил в ее глазах неприкрытую зависть. С этим он уже встречался, но понять никак не мог.

Ушел он из автосервиса, а когда потом встречал своих бывших сослуживцев — видел, что они не жалеют его, не злорадствуют, что было бы естественно, а завидуют. Та же история повторилась, когда он явился за расчетом в магазин. Продавцы смотрели с завистью. Сам Николай чувства этого был лишен начисто и полагал, что оно уместно по отношению к абсолютному благополучию, к так называемому «умению жить». Ни того, ни другого у него не имелось. Однако ему завидовали.

Вот и Нина... Наверное, люди завидуют или могут завидовать всему, чего сами не имеют — смелости жить не как все, думать не как все. Может, тайна волнует: почему, мол, ему меньше надо. А вдруг он имеет что-то, что дороже. Еще выражению лица завидуют, нормальной семейной жизни завидуют.

Есть чувства мелкие, и их множество, но сколько б ни было их, а крупное на них не меняется. Так Николай утешал себя довольно часто, понимая, что это очень похоже на самоутешение и самооправдание. Он догадывался, что любой неудачник такое придумать может, и потому о догадке молчал.

— Нина, — сказал он невестке. — Я твои соображения обдумаю. Обязательно обдумаю. Вот к матери приедем, посидим за чаем с баранками, поговорим. «Лель», конечно, фирма, только шумно очень и на кухне чад сильный. На чем они там жарят? Не знаешь? На автоле или на солидоле?

К бабке Настасье он наведывался теперь нерегулярно, всегда наспех и ночевать ни разу не остался. К счастью, старуха не сильно скучала, к посещениям молодых она

относилось настороженно, боялась вторжения в свою жизнь или какого иного подвоха.

— Правда, Ниночка. Давай вместе с Михаилом поедем к ней. У меня планы есть кой-какие.

Планы у него действительно были. О них он и хотел нынче переговорить подробно с председателем колхоза.

Павел Кондратьевич ждал его в правлении. Он сидел за столом и, перебирая бумаги, время от времени откладывал костяшки на облезлых конторских счетах. В углу кабинета, на журнальном столике, тихим и вкрадчивым женским голосом говорил телевизор. А на экране — новый колхозный поселок, сплошь состоящий из двухэтажных краснокирпичных коттеджей с большими стеклянными плоскостями окон и веранд. Гаражи были подземные, в подвальных этажах, а вокруг домов росли молодые фруктовые деревья, вместо штакетника — живая изгородь.

«Давно уже доброй традицией стали конкурсы на лучшую усадьбу. Идет соревнование вкусов, трудолюбия, выдумки, эстетики быта... Красивые, добротные и сравнительно дешевые дома со всеми городскими удобствами...» — говорил телевизор.

Вошел Николай, покосился в угол, пожал Павлу Кондратьевичу руку и сел на указанный стул. Некоторое время они молча смотрели передачу про сельское строительство в Прибалтике.

— И у нас так будет, — без нажима сказал Павел Кондратьевич.

— Когда? — спросил Николай.

— Не знаю точно, но верю. — Председатель усмехнулся: — Вот пришел же ты ко мне. Говорил я тебе — не плый в колодец.

А в телевизоре показывали въезд семьи в новый коттедж. Новая мебель в гостиной, кухня с газовой плитой, детская...

Ничего про колодец председатель Николаю никогда не говорил, подразумевалось другое: «Вот ты специалист из тех, что мне позарез нужны, а разве ты ко мне пошел? Ты же в училище подался».

— Да, победил меня Иван Макарович,— продолжил свою невысказанную мысль председатель колхоза.— Победил, ему вы достались. Ну, а ко мне все же зачем? Неужто опять Волков угрожает снести Ряполовку?

— Угадали,— сказал Николай.— Не Волков, так другой кто. Но дело как раз в Ряполовке. У меня есть желающие там поселиться.

— Сколько?

— Два брата, и сестренку возьмут. Итого трое.

— Уже ничего,— сказал председатель.— По нашей бедности и три человека большая прибыль.

По телевидению началась передача «Очевидное — невероятное».

— Выключи, пожалуйста,— попросил Павел Кондратьевич.— У меня все очевидное и все опять же невероятное. И так много лет. Все знают, как должно быть, а делают наоборот. Я вот очень боюсь слова «начинание». Ни в одной старой книге его не встречал и от людей никогда не слышал, если, конечно, они не с трибуны. У тебя, честно скажи, начинание какое или дело ко мне?

В том, что председатель перешел на ты, Николай увидел добрый знак и начал говорить про то, что было обговорено с Иваном Макарычем в самых общих чертах. Теперь, у председателя, разговор требовался более конкретный и ответственный.

Николай рассказал про братьев Ткачевых, про то, что если бы не серьезность этих ребят и не семейные обстоятельства, он бы не спешил с решением вопроса.

— Это убедительно,— сказал председатель.— Я верю, что дело делается тогда, когда оно всем нужно, а не одной какой-то стороне. Вот им, допустим, надо, а нам с вами «до лампочки», тогда и огород городить не стоит. Или наоборот, мы начинание придумали, а люди уже его конец увидели. Значит, вы полагаете, что это будет дело?

Он опять перешел на вы, ибо разговор вступил в официальное русло.

— Будет целая бригада. Пусть пока звено. Только тянуть не надо,— сказал Николай.— К весне должно быть восстановлено несколько домов, и пахать на практике будем свои земли. Вокруг Ряполовки. Пахать, сеять, убирать — как положено на бригадном подряде.

— Лихо,— сказал Павел Кондратьевич.— Замах рублевый. Дай бог и удар будет. Что нужно от меня?

— Помочь со стройматериалами.

— Это можно, — сказал Павел Кондратьевич. — В принципе, теперь со стройматериалами налаживается. И если для дела, а не для начинания...

По глазам председателя невозможно было понять, как он относится к словам Николая. Отвечал он серьезно, но глазами слегка улыбался. Наверное, самую малость не верил. Еще бы: выморочную деревню обновляют и обжигают несколько пацанов, для которых бригадный подряд сразу, раньше, чем у взрослых, станет основной формой хозяйствования. Фантастика! Ведь что ни говори, а петеушники, если они скопом, то от них больше хлопот, нежели проку.

— Ну а бригадиром вы будете, Николай Иванович? — спросил председатель, чтобы дополнить для себя сказочную картину.

— Об этом пока не думал, — честно сказал Николай. — Главное — Ряполовка.

Павел Кондратьевич покачал головой.

— Удивительное дело, — сказал он. — Увлеченные люди не понимают, что жизнь — процесс, что достижение цели — это только первый шаг, а главное — в последующем... Впрочем... — Он оборвал себя. — К вам это не относится. Хорошо и то, что вы остались в училище и, как я понимаю, до весны поработаете.

— Да, — сказал Николай, — группу я выпущу. У меня еще просьба. Комсорга хорошо бы поднатаскать по плотницкой части. Когда начнется настоящее дело, он должен быть лидером. Нужен отличный мастер этого дела, чтобы поучить.

— Не так это просто, Николай Иванович, — огорчился председатель. — Не так это просто. Сказывается в вас городской человек и к тому же — книжный. Думается, раз деревня — то там и плотники. Откуда они возьмутся, скажите, если по плотницкой части тут и работы давно нет? Плотник вам нужен, а специалист по плетению лаптей не требуется?

Николай застыдился.

— Есть у меня один человек, — сказал он. — Наличники режет, столяр хороший, но вот дом срубить или венцы менять, думаю, не сможет. Здоровье плохое.

— Это Серафим, что ли? — догадался председатель. — С Серафимом я знаком, маму его помню, со старшим братом его, Емельяном, в семилетке учились. Он

утопул потом, перед самой армией. Серафим маленький был, вряд ли помнит, а я, когда через мост в Ряполовку еду, всегда Емельку вспоминаю. Глупо утонул так: старики на праздник крещения прорубь сделали, он на спор нырнул. Долго потом искали... Я ведь и Настасью Егоровну еще молодой помню, ваша жена на нее похожа. Характер у нее ничего, у Наташи?

Поговорили о семейных делах. Поудивлялся председатель тому, что жена у Николая такая терпеливая и покладистая.

— Я, признаться, в это ваше начинание верю не шибко, — опять засомневался Павел Кондратьевич. — Но и не верить не могу. Я на хорошее обязан надеяться и полагаю, что на чудаках мир стоит. Простите меня, ради бога, если это обидно вам, но помогу по возможности всем, чем смогу.

Николай ушел от председателя озабоченный внезапно возникшим соображением: все люди здесь связаны между собой общими судьбами, тысячами нитей, которые и отличают жизнь крестьянскую, деревенскую, от жизни городской. Сумеет ли он войти в нее, в эту новую для него общность, сумеют ли прижиться здесь и братья Ткачевы, городские детдомовцы?

Со всеми родителями своих учеников познакомился Николай. Одних сам навещал, другие в училище приезжали. Только мать Ткачевых ни разу не явилась, а Иван Макарович предупреждал, что ждать от ее приезда ничего хорошего не следует.

Будущее братьев Ткачевых и их сестренок все теснее увязывалось в сознании Николая с будущим деревни Ряполовки, и первое, кажется, понемногу становилось важнее второго. Однако в письме домой он про это не писал.

«...Наташа, не сердись. Сегодня был у председателя, договаривались насчет Ряполовки. И само вырвалось как-то, что группу я выпущу. Конечно, мне бы хотелось, потому что раньше все равно не успеть с задуманным, но вообще — как ты скажешь. У матери все в порядке, здорова. Серафим режет из дерева, очень здорово, изба теперь похожа на павильон народного творчества. Отвечать не спеши, на каникулы я приеду, а до них рукой подать...»

Глава девятая

И Г Р А

Есть множество фраз, которые люди из поколения в поколение повторяют как что-то бесспорное, хотя каждый про себя знает, что это только слова, за которыми нет ничего. И пожалуй, чаще всего эти пустые слова звучат тогда, когда взрослые говорят о детях. «Как хорошо быть маленьким!», «Какая это прекрасная пора — детство!», «Как я завидую молодым!».

Если же говорящего и завидующего попросить рассказать о его собственном детстве и отрочестве, то выяснится, что эта пора вовсе не была такой безоблачной и светлой. Впрочем, память так устроена, что плохое забывается быстро. Это благо во всех смыслах, кроме одного. Тот, кто имеет детей собственных или воспитывает чужих, должен помнить, что именно в детстве бывает больше всего неразрешимых проблем и безвыходных положений.

Леша Афанасьев играл в настольный теннис со своим верным другом Митей Савельевым.

Играли они на интерес, иначе говоря — на деньги, и если для одного в игре было наслаждение, которое он

готов был длить до бесконечности, то для другого — мука невыносимая.

Прыгал белый шарик пинг-понга, глухо стучали ракетки. Афоня жевал жвачку и бил лихо, заставляя Митю дергаться, промахиваться, бегать за шариком по длинному коридору.

Ребята из группы мастера Степанова стояли вокруг. Нет, они не «болели», они понимали, что идет избиение. Афоня выигрывал с огромным перевесом, а выиграв последнюю партию, процедил сквозь жвачку:

— Ты ракетку не клади, Митяй. Не клади. Давай еще одну.

— Все,— как можно более твердо сказал Савельев. Он пожалел, что рядом не было Бори Ткачева. Он бы сразу понял, почему нельзя Мите продолжать игру. Понял бы и помог, сказал бы хоть слово одно.

— Да у тебя уже получается, Митяй. Ей-богу, получается,— настаивал Афоня.

— Хватит,— не так уверенно, как в первый раз, сказал Митя и огляделся вокруг. Витя Чубаров, Толя Макаров, Петя Пономаренко... Савельев знал, что Ткачевы и еще несколько ребят сейчас гоняют на мотоциклах по стерне за училищем. К кроссу готовятся, наверно.

— Пять очков фору даю,— настаивал Афоня.— Все равно тебе отыгратся надо. Надо ведь, честно скажи?

Савельев молчал, на душе было совсем скверно.

— Десять очков даю. Не жалко! — Афоня выплюнул жвачку на стол и смахнул ее ракеткой.

Белый шарик опять запрыгал по сизовой плоскости, разделенной узенькой сеткой.

Когда в коридоре появился Боря, Митя Савельев был бледен, на лбу его выступили капельки противного холодного пота. Руки у него дрожали.

Боря не спешил вмешиваться, внимательно оценил ситуацию, о счете не спросил, а сказал именно то, чего так ждал Митя:

— Ну ты, ворон, стипендию почуял?

Афоня сделал вид, что это его не касается.

— Стипендию, говорю, почуял? Я тебе говорю.

— Ты чего? — Афоня смотрел удивленно. Была его подача, и он не торопился.— Ты что, долбанулся на своей макаке? Так и скажи: я чокнутый и к тому же — долбанутый.

(Ну вот скажите на милость, дорогой взрослый чи-

татель, если книга моя попадет к вам в руки, не помните ли вы себя таким, как Митя Савельев? Или таким, как Боря Ткачев? Не возникало ли у вас желания сделать так, чтобы взрослые узнали про игру на деньги? Запретили бы ее, наказали бы того, кто силой навязывает ее слабому, освободили бы от долга, который ничем не отличается от обязательной подати?

Ах вот что? Вы и тогда знали, что так нельзя?

Правильно! Нельзя. А как Афоня — так можно?

Или вам легче вспомнить случаи, когда вы были не проигравшим, а выигравшим?

Или вы со стороны на это смотрели?)

Для Бори все эти ситуации были слишком хорошо знакомы. История с «американкой», с разбитым автобусом и лишением стипендии долго висела над ним и над его братом. Только вмешательство нового мастера привело к тому, что наказание на время отложили и приказа директора о лишении стипендии пока не было.

— Дурак ты, Митяй,— сказал Боря.— Ну и дурак. Честно скажи, сколько ты ему должен.

Савельев не ответил. Он опять стал играть, но реакция пропала совсем, он мазал. И тут Боря решился на то, на что не каждый решится: он перехватил белый шарик, летевший прямо на него, и положил в карман.

— Ты что! — завопил Афоня.— Ты что?

— Отдай шарик, Ткачев,— сказал Савельев.— Без тебя обойдусь.

— Смотри,— сказал Боря.— Скоро в группе один дурак останется — ты.

— Ну пока еще не один.— Афоня достал из кармана другой шарик, улыбался, играл легко и красиво.

— Пошли,— позвал ребят Боря.— Николай Иванович ждет. Автобус всей группой сдавать будем. Иван Макарыч велел.

Николай и сам не предполагал, что это будет такой праздник.

Кто-то принес магнитофон, включил его на полную мощность, и возле гаражных боксов загромычала, зазвенела, засвистела и запела какая-то неведомая Николаю музыка. Ему она не мешала, а ребятам сильно нравилась.

Автобус медучилища сиял яркой голубой краской и сверкал никелем. Николай и братья Ткачевы протирали

стекла. Нина дала для этой цели аэрозоль «Секунда», побрызгаешь — и снимаются любые пятна. «Наверное, все-таки прав Иван Макарович, нужны ребятам и спорт, и развлечения, не мешают они работе, если работа налажена, если помнить, что она главное».

На прошлой неделе, когда Михаил, Нина и Николай вместе навещали бабушку Настасью, пили чай с ресторанной снедью и смотрели включенный на полную мощность телевизор, Серафим сказал, что современную музыку слушать не может, затылок от нее болит. Он ушел в горницу, закрыл за собой дверь.

На экране дергался, подпрыгивал, дрожал ногами знаменитый артист в кудрях и штанах в обтяжку. Слова песни, которую он выкрикивал, были несвязные, каждое само по себе, и вместе они складывались в сплошную невнятицу. Только и было разобрать: любовь, кровь, вновь.

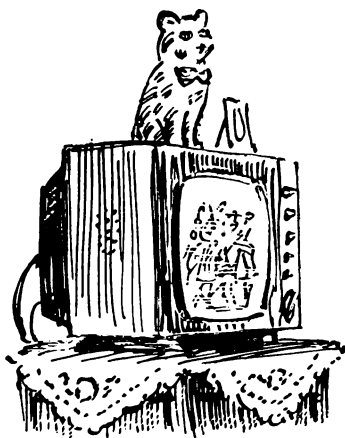
Телевизор тем хорош, что его можно смотреть под разговор, и Михаил стал вроде бы вполне справедливо рассуждать про то, что молодым рок-музыка приносит вред, что это чума. Вот у них в «Леле» и оркестр, и записи все под старые народные песни, но в джазовой обработке, это хорошо, а от дискотек один разврат: из-за этих магнитофонов люди на селе стали забывать свое родное, что трактористу или доярке только во вред.

Нина мужу возражать боялась, но все же заметила, что сама, когда девчонкой была, тоже городские песни любила больше деревенских. Николай в этот спор не вступал, но почему-то обрадовался, услышав неожиданные слова бабушки:

— А ты, Михаил, что ж себе балалайку до сих пор не купил? Рубаха есть, штаны красные с сапогами выдали... Взял бы балалайку — любо дело. Вот я старуха, а балалайку только по телевизору видала.

— А в детстве? — спросила Нина.

— А чего в детстве? В Ряполовке сроду ни одной

бадалайки не водилось. Гармонист у нас был ловкий, Федя Новичков, так он что по радио услышит, сразу же и сыграт. Ты б, Мишка, купил себе двухрядку. У тебя и деньги лишние есть. А то молодых ругаешь, а сам себе квартиру по-иностранному обустроил.

Михаил на мать давно не обижался, знал, что она его в любом деле рада оговорить.

А по телевизору уже другая передача шла. Николай узнал зал Чайковского. Молодцы в картузах с лаковыми козырьками и румяные девицы в веселых оборках танцевали кадрили.

— Иностранцы, что ль? — спросила бабка Настасья. — Объявляли утром, что из Америки приехать должны.

Все удивленно промолчали, а зрители в концертном зале хлопали и хлопали.

— Американцы, — убежденно сказала бабка. — Не по-нашему пляшут.

Ее никто не поправил, но на звуки кадрили вышел из горницы Серафим. Ему и эта музыка давила на голову. Нина убавила звук.

— У нас в ЖЭКе одна семья жила из «Березки», — сказал Серафим. — Муж гармонист, жена плясала. Они всегда по дальним странам гастролировали, все было привозное. Даже краны на кухне, унитаза, раковины и ванна.

Я у них биде устанавливал. Фаянс красный, а краны анодированные...

Этот разговор был в прошлое воскресенье, и сегодня Николай вспомнил о нем под иностранную музыку.

Подходили ребята из других групп. Неожиданно для всех пришел Иван Макарович. Он и раньше интересовался, как идет работа. Без него не удалось бы достать запчасти и краску, он разрешил поменять двигатель, объясняя это так: «Нам наша марка дороже всего, пусть знают, что за СПТУ долгов не будет».

— Николай Иванович! — Директор всячески подчеркивал, что не на торжество явился, не музыку пришел послушать. — Николай Иванович, можно на два слова?

Николай слез со стремянки, вытер руки и подошел.

— Дело вот какое. Скажите, пожалуйста, братьям Ткачевым, что стипендия, которую мы задержали, теперь будет им возвращена.

Иван Макарович пошел дальше, но ребята почему-то догадались, что он сказал мастеру что-то очень важное. Они смотрели ему вслед, а он неторопливо шагал по твердой земле, утопанной, укатанной и насквозь пропитанной бензином, соляжкой и автолом.

Все сидели в автобусе, и магнитофон выключили, когда появились Афоня и Савельев. Чем кончилась игра, можно было и не спрашивать. Митя плелся ссутулившись и походил на озябшего воробья, но и победитель был хмур.

— Садитесь, — коротко сказал Николай. Не хотелось сейчас упрекать за опоздание.

— Мы вас не задержали. — Афоня отвечал на слова, которые никто не хотел говорить.

Николай сидел за рулем, придирчиво отмечая, что еще можно сделать, что подрегулировать. Ему казалось, что на новенький голубой автобус люди смотрят с удивлением. Может, и смотрели: очень уж медленно и торжественно они ехали. День был хороший, солнечный. Уже выпал второй или третий снежок, и только на дорогах он превратился в грязь, а на полях и огородах лежал прочно.

— Остановите, Николай Иванович, — вдруг попросил Афоня и пошел к дверям.

— Зачем, Леша? — не понял и машинально притормозил Николай: может, с машиной что-нибудь или голосонул кто-то на дороге. — Что случилось?

— Мне надо выйти.

Кто-то хихикнул. Николай остановил машину, открыл

дверь. Афоня выпрыгнул на обочину и вразвалку, качая плечами, двинулся назад. В зеркале обратного вида мастер увидел, что его ученик направился к магазину, и еще увидел он, что возле магазина в кучке похожих друг на друга людей стоит тракторист Валерка Волков.

Николай ждал, что Афанасьев вернется, и вслух спросил то, о чем думал:

— И что у него за дела с этим Волковым?

— Друг сердечный — таракан запечный, — зло ответил Савельев, и не понять было: то ли он мастеру дерзит, то ли на Афонию обиделся.

Николай ждал. Афоня стоял с Волковым, по спине было видно, что автобусом он не интересуется.

— Дает, — тихо сказал Юра.

— Поехали! — громко сказал Боря. — Ждать бесполезно, сами видите.

Николай тронул машину и еще раз поглядел в зеркало: Афанасьев и Волков о чем-то оживленно беседовали.

Автобус шел полем, на котором отважно ушли под снег озимые.

Потом они прогремыхали по мосту над черной в белых берегах водой, и Николай вспомнил, что здесь утонул старший брат Серафима, о котором говорил председатель. Емельян звали того парня.

А вот кладбище на высоком холме. Снег скрыл на нем многое, но кресты теперь выделялись ярче. Может, на этом кладбище и похоронили того Емельяна, но Николай не понял или не запомнил, удалось ли его тогда найти среди зимы подо льдом.

Началась Ряполовка. Николай сбавил скорость, ребята смотрели по сторонам, смотрели... Снег, присыпавший тесовые и ржавые крыши домов и сараев, скрасил их ветхость.

Поскрипывали рессоры автобуса, колеса хрустели замерзшей дорогой, а вокруг было очень тихо. Не лаяли собаки, холодные трубы мертвых домов глядели тоскливо. Только над одним домом — над избой бабки Настасьи — вился редкий дымок.

— Это и есть неперспективная деревня Ряполовка, — сказал мастер. — Я вам про нее говорил и про старушку.

Он глянул на братьев Ткачевых, они особенно взволнованно смотрели в окно.

— Красиво, — сказал Макаров.

— Как в старину, — сказал Чубаров. — Давайте останемся. В снежки поиграем. Тут снег чистый.

Николай прибавил скорость, сказал негромко:

— Мы сюда специально приедем, тут у нас урок будет, а пока это попутно, вместо обкатки. Подвеску проверим, тормоза.

Больница состояла из нескольких корпусов. Новый хирургический, новый родильный, новый детский. А терапевтический находился в старом кирпичном здании с фигурной кладкой и окнами с закруглением в верхней части. Палаты здесь были большие, линолеум вытертый и залатанный.

Надя мыла пол в инфарктной палате. Больные лежали неподвижно, но глазами внимательно за ней следили. Может быть, они вспоминали себя такими молодыми, может, детей своих или внуков. А Надя работала ловко и споро, тряпку выжимала крепко, и весело звенели струйки в ведре. Она протерла пол под последней кроватью, отдула с разгоряченного лица пушистую челку и оглянулась на скрип двери. Там стоял Боря.

Она сразу узнала его, хоть был он в белом халате, накинутом на плечи, и снизу казался очень высоким.

— Здравствуй, — шепотом позвал он.

Надя выпрямилась, прямо с тряпкой подошла к нему.

— Здравствуй. Ты что? Навещать?

— Ага, — сказал Боря.

— Кого?

— Тебя.

— А... — вроде и не удивилась Надя. — Тогда подожди в коридоре.

Он ждал недолго. Она вышла с ведром, глянула на Борю и засмеялась.

— А халат откуда?

— Сказал, что к больному. Мы автобус привезли. Ваша директорша сама осмотрела, спасибо гово-

рила. А у Жанны спросил, она объяснила, как найти.

Они сначала стояли, потом пошли по полутемному коридору. Им встречались больные в халатах и пижамах, мелькали деловитые врачи и сестры.

— У тебя практика? — спросил Боря.

— Нет... — Она заколебалась, говорить ли правду. — На полставки санитаркой работаю. Мать велела... У вас стипендию сняли?

— Нет, — сказал Боря. — Сначала хотели, потом передумали. Да и не ругали почти.

— А у нас сняли. На полугодие сразу. Потому и работаю.

Она объяснила, как устроилась, сколько получает, матери не в тягость и даже купить кое-что наметила. «Здорово», — подумал он, но не сказал. Он всегда уважал людей, которые сами на себя зарабатывают.

— А почему вас не лишили и не ругали? — спросила Надя. — Пожалели?

— Чего нас жалеть? — удивился Боря. — У нас мастер такой попался, сказал, что сами починим — и порядок.

Теперь она смотрела на него с уважением. Уверенность в нем была мужская и голос с усмешкой и щедростью.

— Жалко, что так получилось, — вздохнула Надя. Она вспомнила ночь, погоню, возвращение в ПТУ и толпу, которая смотрела, как они вылезали из разбитой машины.

— Нет, — сказал Боря. — Я все равно тот вечер на всю жизнь запомнил. Никогда не забуду.

— Еще бы! — Надя все думала о той толпе, о парне, который сказал: «Быстро съездили», о лице мастера в куртке с белыми молниями. — Ведь мы чуть не разбились. Вас судить могли.

Боря все смотрел на нее, не отрываясь.

— Нет, не из-за этого.

Она поняла, что он хотел сказать, и потому спросила:

— Придете к нам в субботу на вечер? Постановка будет про тех дикарей. Жанка там играет. А после — танцы.

— Если сможем, — сказал он. — Дело такое, мы одного человека с братом ждем.

— Секрет? — спросила она.

Он помедлил, хотел что-то сказать, но не решился.

— Если сможем, то придем.

Глава десятая

КАНУН ПРАЗДНИКА

Вроде бы на это воскресенье и понедельник их мастер должен был уехать в Москву. Ребята знали, что ездит он к семье, это дело святое. Уезжал он в субботу к поезду, возвращался в понедельник ко второму уроку. Не каждую неделю ездил, но раз в месяц обязательно. Приезжал веселый и добрый, поэтому ребята удивились, когда в класс он вошел хмурый и напряженный. Они насторожились.

— Я знаю,— начал он,— что кое-кто из вас опять играл на деньги. На стипендию, как я понимаю.

Он медленно провел глазами по лицам ребят. Они сидели за столами, выпрямившись, как ученики младших классов.

— Кто выиграл? — негромко спросил он.

— Я,— сказал Афоня.

— Сколько?

— Пятнадцать.

— То, что выиграл,— под расписку ко мне на стол. Кто проиграл?

Встал Савельев:

- Я.
- Сколько?
- Все.

«Господи,— подумал Николай,— если бы я был его отцом, как бы я страдал от его неуверенности в себе». Отца у Савельева не было давно, а мать — такая же неуверенная и слабая, как сын.

— Ты что, Митя,— Николай говорил ласково,— дочка миллионера?

Ребята засмеялись.

Савельев молчал. Он уперся взглядом в стол, и уши его стали пунцовыми.

— Он еще и вторую степуху продул,— сказал Макаров. Остальные молчали, потому что хотя и знали про это давно, но говорить вслух не осмеливались.

— Может, скинемся ему? — не выдержал сердобольный Юра.— Скинемся, и он больше не будет.

— Никаких скинемся,— отрезал Николай.— И еще: знаю, играете не только на деньги. Макаров Афанасьева опять на спине таскал. Это — издевательство.

Теперь покраснел Толя Макаров. Он давно уже не играл с Афоней. Это был старый долг — американка до нового года.

Николай ничего больше не сказал тогда.

— Давайте заниматься... Сегодня у нас тема — электрическое напряжение и техника безопасности механизатора. Итак, какая смертельная сила тока?

— Шесть ампер,— сказал Чубаров.

— Это для боевого слона. Для нас с вами 0,85 ампера... Кого хоть раз дернуло током и кому понравилось — поднимите руку.

Ребята заулыбались.

— Ткачев Юра, если, предположим, твой мастер оказался под напряжением, что ты сделаешь?

— Побегу вызову «скорую помощь».

— А я в это время кончусь,— сказал Николай.— Надо срочно делать искусственное дыхание.

— Так Борька сделает,— нашелся Юра.

Все засмеялись, Николай переждал.

— Если человек пьяный,— серьезно сказал он,— его может убить самое малое напряжение. Ясно, Савельев?

— А я и не пью...— виновато сказал Савельев.

После занятия Афоня подошел к Боре:

— Ты сказал, что играли на деньги?

— Я.— Боря смотрел спокойно и твердо.— Я. С этим, Леша, надо кончать. Ты в последний раз обобрал Митьку, понял?

— Понял,— сказал Афоня.— Ладно. Я не такое трепло, как ты, жаловаться на тебя не побегу, хотя и мне есть что рассказать. А ты, Ткачев, запомни. Теперь я тебе задолжал и расплачусь, не сомневайся.

Тон его был угрожающий, глаза злые. В душе у Бори что-то дрогнуло. Как бы он Юрке не отомстил, он может.

Афоня двинулся прочь, но никто не заспешил за ним. Даже Савельев сделал вид, что занят подготовкой к следующему занятию.

— Чего он? — К Боре подошел Юра.

Боря не отвечал.

— Ты что, Борька? — встревожился Юра.— Ты его испугался, что ли?

— Эх ты! — горько сказал Боря.— Все из-за тебя.

Приближался Новый год. Несмотря на холода, каждое утро вся группа бежала за Николаем по парку к стадиону. После зарядки обтирались снегом.

Николай видел, что отношения между ребятами стали другими: меньше было обидных слов, меньше злых шуток. И, глядя, как старательно они натирают друг другу спины, мастер радовался, что исчезла беспричинная мальчишеская жестокость. На свой счет он этот результат не относил. Растут, думал он.

Директор училища думал иначе. Он-то понимал, как личность воспитателя влияет на коллектив даже помимо своего желания, вне задачи, поставленной сознательно. Ивана Макаровича радовало в Николае и его группе многое, но тревожило главное. А что, если мастер в один далеко не прекрасный день бросит группу и подастся куда-нибудь в геологическую партию или кедровые орехи сшибать? Он талант, конечно, Степанов этот, но именно с ними и случаются всяческие неожиданности.

В педагогическом коллективе к Степанову относились хорошо, правда, Александр Михайлович из параллельной группы иногда язвил в его адрес, но беззлобно и снисходительно:

— Он любитель, ваш Николай Иванович, а я профессионал. Любительство и в спорте себя изживает, а уж в педагогике...

Иван Макарович пришел в училище к раздаче завтрака, видел, как возвращались со стадиона ребята, а потом встретил их с мастером в вестибюле столовой.

— Вот сейчас у них будет аппетит,— сказал Иван Макарович, посторонившись.— Все в порядке у вас?

Николай задержался, отвел директора к замерзшему окну.

— Все забываю посоветоваться... Вернее, никак не могу сформулировать вопрос. Дело в том, что на каникулы все ребята разъедутся, а Ткачевы куда?.. Может, мне их с собой в Москву взять? Я тут закидывал удочку, но они почему-то упорно отказываются. Как думаете, в чем дело?

— Чего проще,— сказал директор.— Мать ждут.

— Она же лишена родительских прав,— сказал Николай и устыдился своих слов.

— Я ее видел однажды,— сказал Иван Макарович, глупые слова мастера он пропустил мимо ушей.— Знаете, она в молодости красotka была и сейчас на Людмилу Гурченко похожа.

Николай поморщился, досадуя на себя, а директор добавил:

— Они все надеются, что она вспомнит про них, а у нее, я полагаю, так: когда деньги есть — гуляет, а когда нет — чего же с пустыми руками к детям.

В следующее воскресенье Николай не навестил бабушку Настасью в Ряполовке и в Москву не поехал. Ночь промаявшись в поезде, идущем в другую сторону, он только после полудня разыскал улицу, которая значилась в документах братьев Ткачевых в качестве основного места прописки, и теперь споро шагал мимо пустырей, приземистых кирпичных сараев и ржавых железных гаражей, стоявших вкривь и вкось.

Нужный ему дом оказался длинным и одноэтажным. Был он когда-то, вероятно, бараком, а потом его перестроили под квартирнки.

По коридору Николай шел медленно, номера на дверях были затерты. На него смотрели с любопытством и охотно показали, куда ему надо.

Он постучал, за дверью задвигались, зашелестели, но не открыли. Он стукнул еще раз. Дверь приоткрылась, женщину он не разглядел, услышал только голос:

— По обмену?

Женщина спросила очень тихо, почти шепотом, будто

таясь, и Николай, чтобы проникнуть для разговора в комнату, сказал «да».

Его впустили. У женщины был круглый лоб, такие же, как у Юры, удивленные глаза, они разглядывали Николая, и выражение их менялось.

— Раздевайтесь,— улыбнулась женщина.— У меня тепло.

Рот и подбородок у нее были усталые, вялые, кожа лица бледная. Свеженакрашенные губы нестерпимо выделялись. Волосы скрывал завитой, круглый, как шапочка, рыжеватый парик.

— Вас послали ко мне? — спросила женщина.

— Да,— кивнул Николай.

— Так раздевайтесь, что ж вы стоите.— Женщина провела языком по верхней губе.— Вас как зовут?

— Николай.

— А меня Елена.— Про обмен женщина больше не вспоминала.

В комнате было тесно, потому что набор мебели был полный: широкая тахта, гардероб, холодильник, стол, торшер в углу, рядом кресло с острыми растопыренными ножками. На столе из картонной рамочки выглядывала несмелая рожица даже на фотографии белобрысой девчонки.

— Вы одна живете? — спросил Николай.

— Одна, одна, не волнуйтесь.— Она поймала его взгляд: — А это дочка моя. Она у бабушки гостит. Правда, хорошенькая?

— Я к вам по поводу Юры и Бори,— сказал Николай.— Я мастер в училище, они в моей группе. Хочу попросить вас навестить их в ближайшие дни.

Женщина дернула плечами:

— Что-нибудь срочное?

— Просто Новый год скоро,— сказал Николай.

На тахте сидели рядом большой плюшевый медведь с розовым бантом на шее и кудрявая кукла с растопыренными руками, игрушки были новые, купленные не для игры.

— Что смотрите так,— обиделась женщина.— Судите небось? А вы не судите. Вы мою жизнь не знаете. У меня как в песне: назад не вернешься, вперед не глянешь.

— Я когда их первый раз увидел, подумал — близнецы,— грустно усмехнулся Николай.

Женщина нервно оправила рукава кофточки.

— И не бросала я их,— быстро говорила она.— Конечно, жизнь свою устроить хотела, но поесть у них всегда было... И рыбу жарила. Они болели, правда. Соседи и написали. А бросать я их не бросала.

— Так приедете? — спросил Николай. Ему хотелось уйти.

— Об моем празднике никто не беспокоится,— сказала женщина.— Мне и Новый год не в Новый год.

— До свидания.— Николай шагнул к двери. Он надевал пальто и открывал дверь, слыша, как вслед ему женщина заплакала.

— Вот живу,— всхлипывала она,— и что я плохого государству сделала? Что я плохого сделала?

...Весь обратный путь он думал про этот всхлип — «что я плохого государству сделала». А ведь сделала. Очень много плохого она сделала. Не хотелось размышлять о прошлом этой женщины, о том, за что ее лишили родительских прав, и правильно ли это — вместе с лишением прав лишать человека и обязанностей. Какое, однако, это имеет значение, если в человеке может потеряться то основное чувство, которое есть у собаки и у кошки, у вороны и у воробья.

А ребята хорошие, отличные ребята. Может, и не надо им, чтобы она помнила о них? Зачем? Построят свою жизнь, другую, непохожую. Дети часто живут вопреки, например вопреки родителям. Пусть так и будет. Интересно, у какой это бабушки живет ее дочка? У бабушки по отцу? Отцы наверняка разные. Мальчишки из одного куска жизни, дочка — из другого, и куски эти не сшить, не склеить. Да и про бабушку-то — вранье, дочка, уверен, тоже в детдоме.

В следующую субботу был в училище новогодний бал. До самого Нового года оставалось еще несколько дней, но Иван Макарович объяснил, что это праздник домашний; всем надо в эту ночь дома быть, а нынче просто Елка.

Елка стояла в центре зала. Она крутилась то в одну сторону, то в другую, чтобы провода не заматывались. Гирлянды на ней в виде виноградных кистей. Слайды тоже были новогодней или хотя бы зимней тематики. Опять привезли девчат из медучилища, и они танцевали, ожидая, когда осмелеют ребята.

Иван Макарович был доволен и говорил Николаю:

— Я ведь тоже, можно сказать, случайно в училище

оказался. Был партийным работником, в сельхозотделе механизацией ведал. А потом меня в юстицию направили, избрали народным судьей. Хуже меня судьи в области не нашлось, всем оправдание находил. Вы того времени не помните, суровое оно нам досталось. Плохое. Сроки так и давали. За мешок картошки, за стожок сена, за прогул... И ведь судили мы вот таких, как наши ребята. Их вдовых матерей.

— А теперь работой вполне довольны? — спросил Николай.

— Вполне, — Иван Макарович улыбнулся. — А вы?

— Уверенности в себе не чувствую, — откровенно сказал Николай. — Хочу смочь, но смогу ли? Каждый раз в вашем кабинете плакатик со словами Ленина читаю.

— Для того и повесил, чтоб каждый выходящий прочитал. Действует?

— На себе проверяю: всегда ли ищу способ дело делать. Я ведь прежде все причины искал. Может, от этого и не получалось у меня в жизни. Откуда цитата?

— Я на слух ухватил. По радио слышал. Кажется, из пьесы какой-то. Тоже на себя примерил. — И директор перевел разговор на другое: — Нет, вы посмотрите, какая красота. Шар зеркальный из ресторана «Лель» Нина-библиотекарь привезла. Для них он мал оказался, и две грани выкрошились. Нам в самый раз.

Боря и Юра танцевали с теми двумя девушками, которых Николай запомнил еще в разбитом автобусе.

— Я еще конфетти люблю и серпантин, — говорил директор. — В кино часто показывают, а я лично под этим конфетти и серпантином ни разу не танцевал.

Толя Макаров и Витя Чубаров с завистью смотрели на братьев Ткачевых. Подошел и Николай.

— Что ж не танцуете?

— Да ну, — сказал Чубаров.

— Бойтся он, Николай Иванович, — сказал Макаров и погладил Витю по голове. — Он скромный.

— Чего бояться-то. — Чубаров говорил пренебрежительно. — Что, я их не знаю, что ли... У меня в школе была одна... Пришла с подружками, все поели, а потом сказала, будто я их заташил, и мне раз — по щеке. Потом помирились. Теперь письма пишет.

— Брось ее, — посоветовал Макаров.

К Николаю подошел дежурный:

— Можно вас на минуточку? К Ткачевым гости.

— Кто?

— Говорит, мать. Просит вызвать.

Братья и девочки прыгали, организовав кружок, Юра что-то изображал, девочки смеялись. Николай подошел, затанцевал с ними, болтая расслабленными руками и ногами. Девочки пришли в восторг, братья гордились.

На последнем оглушительном аккорде он шепнул Боре:

— Мама приехала.

На секунду они встретились глазами, потом Боря дернул брата:

— Идем.

Они заторопились к выходу, Николай улыбнулся девочкам:

— Это я виноват. Послал их по срочному делу. Но вы не скучайте. Толя, Витя,— позвал он,— хватит стоять, потанцуйте.

Макаров и Чубаров переглянулись. Такой поворот событий их, видимо, устраивал.

Юру и Борю он увидел на улице. Они стояли рядом, а мать что-то быстро говорила им, торопливо затягиваясь сигаретой.

— Это мама,— сказал Боря, когда Николай подошел.— А это наш мастер.

Женщина махнула взглядом по его лицу. Голова была раскрыта — на парик падали снежинки.

— Очень приятно.— Николай не хотел, чтобы ребята узнали о его поездке. И мать Ткачевых, как ни странно, поняла это.

— Мы в общежитие пойдем, ладно? — Юра взял мать под руку, умоляюще посмотрел на мастера.

— Конечно,— сказал Николай.— Только не курите.

Женщина торопливо бросила сигарету.

— Мам,— спросил Боря,— а Иринка где?

— Карантин у них. Вроде по коклюшу. Я звонила — разве дозвонишься. Да и не пускают никого... Я хотела все со дня на день, а потом...

Женщина явно лгала, и Николаю стало жалко ее.

Утром Боря и Юра вместе с матерью уехали. Директор и Николай знали, что они направились навещать Иринку. Нет, не к выдуманной бабке, а просто в детдом. И не в тот, где были братья, а в другой — малышей.

Они шли по парку училища, потом по главной улице Взгорья, ребята чуть повыше матери, но все трое худые, складные, поджарые.

Николай проводил их взглядом и, когда они скрылись за поворотом к автобусной остановке, представил себе, как они приедут в детский дом с подарками, как замрет от счастья неведомая ему Иринка и как Юра крикнет ей:

— Смотри! Мы все к тебе приехали!

Двор бабки Настасьи был засыпан снегом.

Николай колот дрова, Серафим складывал поленицу. Бабка, выпуская тепло, шастала из избы на улицу — убиралась к празднику. В доме напротив слышалась скрипка — артисты приехали встречать Новый год под настоящими елками. По-зимнему равнодушное к земле солнце уходило за лес. Снег розовел.

— После Нового года можно начинать ремонт дома. Вот вернусь...— Николай был весел и уверен в своих словах.

— На краю два дома рядом,— сказал Серафим.— С них и начать. Я уж снег вокруг расчищаю.

— С одного начнем. Для Ткачевых. Твоя работа,— Николай прилаживал березовый чурбак,— коньки, наличники. Ребят учить будешь.

Серафим не быстро собирал поленья.

— Если поживу маленько — выучу.

— Ну, ну,— бодро сказал Николай,— ты молодцом. Я и Наташке так скажу. Отеки у тебя меньше, кожа лучше.

Серафим покачал головой:

— А деревня-то опять начала сниться. Чудно, как в городе. Вот тут вижу, будто высоко я где-то и гляжу вниз. Внизу Ряполовка и люди. Жалкие да усталые, бьются в труде. Я гляжу, а сердце у меня сжалось. И вспомнил: я ведь зарплату получил. В кармане-то шарю, а там одна мелочь. И стал я эту мелочь горстями вниз кидать. Хорошо мне сделалось, своим помогаю, а тут вдруг старичок — старенький, строгий. «Что ты,— говорит,— им помогаешь? Ты не бог...»

Серафим рассказывал неторопливо, останавливаясь. Николай боялся нарушить течение этого рассказа и будто сам видел Ряполовку и тех усталых людей, которых теперь и след простыл, и будто он сам стоял где-то высоко рядом с Серафимом и при нем подошел старичок, старенький и строгий, со своим странным упреком. Это какую же надо иметь душу, чтобы к тебе такие сны приходили?

Вышла Настасья, повесила на забор половик, послушала рассказ Серафима, но думала, как видно, о своем и перебила:

— Поаккуратней складывайте, поаккуратней.— Она строго посмотрела на Николая.— Я там сумку увязала. Повезешь от бабушки.

Он давно знал, что возражать бесполезно. Повезет он в Москву картошку, которой там в каждом магазине полно, яички в одном бидоне, квашеную капусту — в другом.

— И ребят с собой потащишь? — прищурилась бабка.

— Двоих,— сказал Николай.

— Вот Наташке заботы,— вздохнула бабка.

— Ничего,— сказал Николай.— Она поймет.

— Дак, а я что? Нешто не понимаю? — Бабка озабочилась: — Ты скажи, пусть Мишке открыточку бросит, мол, с новым счастьем всю твою семью. Брат ведь.

— Обязательно,— пообещал Николай.

Отношения между Натальей и Михаилом всегда были сложными, и годы не стирали сложностей, а лишь отдаляли брата и сестру. Они меньше спорили, никогда не ссорились, просто старались друг о друге не помнить.

Николай поднял в двух руках сумку с картошкой и два бидона, что бабка приготовила. Можно было попросить Михаила подбросить до автобуса, но он раздумал: все-таки шесть рук у них.

Всю дорогу до Москвы братья Ткачевы были насторожены и почти не разговаривали; когда поднялись в лифте и позвонили в дверь, и вовсе насупились, но Наташа, Николай всегда знал в ней это, встретила ребят спокойно и деловито, как совсем своих. Лишних слов не говорила, а видно было, что и в самом деле рада.

Глава одиннадцатая

КАНИКУЛЫ

Поселили братьев в комнате Вероники, ее поместили в большую. Новогодние передачи смотрели на кухне, где на холодильнике стоял телевизор и елочка, собранная из мелких веток, воткнутых в дощечку с дырками.

Гость всегда чувствует, рады ему хозяева или только делают вид, что рады. Тут главное, чтобы хозяева ничего специально для гостя не делали, ничего в своем расписании жизни не меняли и не стеснялись быть такими, как всегда.

План каникулярных дел был расписан заранее. Они ходили на елку в Колонный зал, потом в Парк культуры и отдыха им. Горького, в театр... Считалось, что они водят Вероничку, а на самом деле это она водила их. Отправили посылку Иринке в детдом. Посылка получилась объемная, в нее собрали лучшие из игрушек Вероники: немецкую куклу, обезьяну, которой пришили ухо, а еще кое-что из вещей: белое платье с блестками и белую бисерную сумочку на золотом ремешке.

Николай затеял переставлять на кухне мойку, надо было врезать водопроводные трубы, подгонять слив. Ни-

колай хвалил ребят, но скидки никакой не делал.

По вечерам они сидели все вместе и разговаривали, вспоминали каждый про свое. Особенно нравились братьям рассказы тети Наташи. Она была модная, красивая, а говорила о жизни просто.

— И вот тридцатого декабря говорю я отцу: «Хочу елку,— рассказывала она.— Хочу елку — и все». А он мне: «Натка, ты уж большая». А мне пятнадцать. Ничего, говорю, не знаю, нужно елку — и все. А закон тогда вышел — рубить нельзя. Мы с ним в пять встали — и в лес. Идем мимо кладбища, красиво, тихо, только протез у него скрипит. Громко скрипит, на всю округу. А отец трясется. «Веришь,— говорит,— Натка, боюсь. В рукопашную ходил — не боялся. Выдадут, бывало, сто пятьдесят наркомовских перед боем, лежишь на нарах, а тело само ходуном ходит, чувствует, что в рукопашную. И ничего. А сейчас страшно». Смеялись мы потом...

— А елка? — спросила Вероничка.

— Елку срубили, принесли...— Наташа посмотрела на Николая: — Что-нибудь сказать хотел?

— Нет,— сказал Николай,— тебе показалось.

— Хотел, хотел, по глазам вижу. Ну, говори!

— Ну хорошо,— сказал Николай.— Ты сейчас очень на мать была похожа, на бабушку Настасью. Это так хорошо.

Юра и Боря этого сходства прежде не замечали, а сейчас увидели. И правда — похожа.

В доме мастера у них возникла и крепла уверенность, что их жизнь устроится нормально, что все у них в руках. И когда Вероничка уходила заниматься на пианино, а они сидели на кухне, им хотелось думать, что скоро и их Иринка вот так будет заниматься рядом с ними. Придут они с работы, а она — на скрипочке.

Скрипку они искали вместе с Николаем, ходили по музыкальным магазинам, но купили по объявлению в музыкальной школе. Скрипка была крохотная, но все в ней было настоящее.

В последний день перед отъездом все впятером они пешком отправились гулять по центру Москвы. Сначала в Кремль и на Красную площадь.

Они шли по холодной, промерзшей брусчатке. Ребята — впереди, Наташа и Николай нарочно отстали.

— У меня Светка спрашивает: не боишься, что уведут твоего. Я говорю: не боюсь. И он за меня, говорю, не боится.

Николай посмотрел на жену с благодарностью.

— Так, как мне, ты никому не нужна,— сказал он.

Ей стало весело от этих слов.

— А Вероничка наша! Ты погляди на Вероничку: она ведь кокетничает с ними.

Красная площадь вроде бы и не замечала тех, кто сейчас был на ней. Экскурсии со всех концов света стояли группами, фотографы щелкали приезжих на фоне Мавзолея, на фоне Василия Блаженного, на фоне Исторического музея, а площадь продолжала свою древнюю и вечную жизнь.

— Вначале все покрывал ледник,— рассказывал Николай.— Потом была тундра. Песцы бегали, олени, быки бродили мускусные, мамонты. Двадцать три тысячи лет тому назад сюда пришел человек.

Наискось из-за зубчатых стен летел пушистый снежок, и Николай сам усомнился в своих словах. Неужто так точно подсчитано, что именно двадцать три тысячи лет назад?

— Так вот. В книгах сказано, что двадцать три тысячи лет тому назад, видно археологи доказали, сюда пришел человек. Был он охотником, рыболовом, а потом стал земледельцем. Это вершина.

— А космонавт? — спросила Вероничка.

Она хитрила и все еще кокетничала перед ребятами. Ей интересно, как вывернется отец, вопрос ей казался каверзным. Но Николай никакой каверзы не заметил.

— Космонавт или водолаз — это все специальности, нужные земле. Иначе этих специальностей не было б.

Они спустились к Александровскому саду, к могиле Неизвестного солдата, смотрели, как новобрачные кладут цветы к Вечному огню, и на самих новобрачных.

— Знаешь,— прошептала на ухо Николаю Наташа,— ты раньше как начнешь про всяких динозавров и мамонтов, я даже пугаюсь. Чегой-то он, думаю. А сейчас понимать начала. Про вершину.

От их дома до центра всего полчаса на метро, но как редко они бывали здесь без дела, для удовольствия! Вместе с братьями Ткачевыми они, как в первый раз, увидели четверку коней над колоннами Большого театра и коня Юрия Долгорукого. У памятника Пушкину постояли в молчании. На непокрытую голову и плечи поэта падал снег, и не верилось, что это только памятник.

— Как он хотел в деревню,— сказал Николай, и все

поглядели на него с недоверием. — Он хотел в деревню очень. Вот послушайте:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Это незадолго до смерти написано.

Наташу строчки Пушкина напугали. Только что говорила, что не боится, а теперь опять. Может, не о деревне Пушкин писал, а еще о чем, о другом? Она поглядела на мужа.

— Знаешь, Коля, с будущего года в Москве ищи работу. ПТУ вокруг полно, устроиться мастером можно, если характеристика у тебя хорошая будет. Я узнавала.

— Правда, папа, — поддерживала ее Вероничка.

И братья Ткачевы так посмотрели на своего мастера, что ясно было — и они считают странным, что человек от такой семьи, из такого прекрасного города в глушь забирается. И от этого единодушия Николаю стало весело. Он обнял жену за плечи:

— А там, Наташа, — сказал он ей тихо, — мы с тобой уйдем за деревню и будем единственные на земле люди. Сейчас, конечно, все под снегом, а летом, когда трава прогрета, стебли с головками — как джунгли. И кузнечики. И все на месте, у всего право жить. Пшеница и лебеда перед природой равноправны. И мы с тобой будем... ты пшеница, я лебеда. А рядом семья Ткачевых.

Она покачала головой:

— Нет уж... Нам о Вероничке надо думать. Тут уж я не соглашусь. — Она грустно поглядела на мужа: — Избаловала я тебя.

Они купили мороженое и ели все впятером. Чем ближе было к вечеру, тем задумчивее становились Боря и Юра. Мысли их мешались, путались в один какой-то клубок, где рядом был и Александр Сергеевич Пушкин с его желанием бежать в обитель дальнюю трудов и чистых нег, и Николай Ива-

нович Степанов, обещающий помочь им с собственным домом, и тоска по младшей сестренке, которая вполне могла бы не хуже, чем Вероничка, играть на пианино, ходить по Москве хозяйкой, есть мороженое по двадцать восемь копеек и задавать вот такие вопросы:

— А вы кого больше любите, Боярского или Янковского? — Вероничка допытывалась, чтобы тут же сообщить: — У нас в классе все Боярского! Во-первых, Боярский не такой самоуверенный...

— Там мне легко,— объяснял жене Николай.— Там не надо мне ни на кого оглядываться, ни на кого равняться. Там решения подсказывает сама жизнь. И еще: я нужен. Не как в автосервисе, не как в магазине. Ведь в Москве за меня все другие готовы сделать, и еще ловчей сделают, чем я, а там никто, кроме меня...

— Я-то понимаю,— говорила Наташа.— Чего мне не понять, если я всю жизнь на это понимание ухлопала, а вот другие меня понять не могут. Вот Светка, например. Ее Виталий сейчас в завязке, вшили ему спираль, на работу устроился в «Металлоремонт»... Ну разлюбила она его, ну живут еще хуже, чем когда он пил, а все-таки вместе, все-таки семья. И со стороны поглядеть.

Николаю эти рассуждения не нравились.

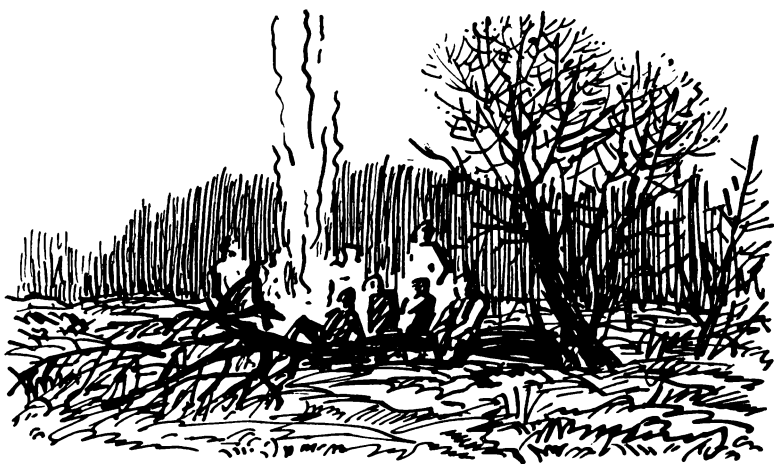
— Русские женщины, дворянки, красавицы, бросали столицу и ехали за мужьями в Сибирь, в каторжные места. Ты понимаешь, какая тогда Сибирь была?

Он ждал, что она рассердится, и понимал, что сердиться есть на что. Сравнил тоже. Но Наташа не рассердилась, а растерялась.

— А квартира как же? Такую уйму денег ухлопали, во всем себе отказывали, с долгами еще не расплатились... Ты не решай сразу, Коленька. Не спеши!

Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и он понял, что сейчас он может добиться от нее согласия на любые свои решения.

— Да не спешу я, не спешу,— он обнял ее и быстро поцеловал в шею между мокрым воротником и розовым горячим ухом.

Глава двенадцатая

УРОКИ

— Для нас, товарищи, — говорил Иван Макарович на педсовете, — сейчас две задачи: первая — дать настрой для успешного окончания учебного года, вторая — обеспечить весеннюю практику в содружестве с колхозами и совхозами, на базе которых будем работать. Нельзя допускать, чтобы практика состояла в наблюдении со стороны или в подсобных работах — подай, принеси, сбегай, подмети да вытри. Чем больше доверия, тем больше будет и результат. Мне нравится, что товарищ Степанов, как я слышал, установил контакт с Павлом Кондратьевичем...

Мастер параллельной группы Александр Михайлович Бубнов был отмечен за обеспечение производственной практики на базе СПМК, занимающейся мелиорацией. Преподавателя Тарасова Евгения Валентиновича директор поздравил с награждением почетной грамотой... Хороший, добрый был педсовет, а когда все стали расходиться, директор попросил Николая остаться.

Оказалось, что кражи, которые на время было прекратились, начались вновь.

— Не люблю, когда в училище идет самостоятельное

расследование краж. Сколько помню, никогда к хорошему это не приводило. Склоки, наветы, обиды напрасные... В суде — и то не всегда правда всплывает. Но понять нам с вами надо.

— А что пропало-то? Неужто опять дипломат? — Николай хотел пошутить, но попал в точку.

— Дипломат. У второкурсника. Ребята ушли обедать, и вот за это время в спальном корпусе. А дипломат дорогой, импортный, родители на Новый год подарок сделали. Мода теперь на них.

От директора Николай вышел озадаченный и весь остальной день думал об одном. Он был с ребятами все время неотлучно, приглядывался и пугался, если ему казалось, что может украсть каждый.

Перед самым отбоем он сел за бумаги. Нужно было составить план воспитательной работы на полугодие. Очень хотелось курить, и, чтобы преодолеть это желание, он вышел в парк. Было пусто, тихо и темно. Николай сделал несколько дыхательных упражнений и собрался уже идти к себе, как вдруг увидел, что маленькая черная фигурка вынырнула из-за учебного корпуса и быстро-быстро побежала к навесам с техникой. Показалось, что он узнал, кто это, и странное дело — Николай понял, что сейчас-то он и раскроет тайну кражи.

С чувством стыда за себя, за свою роль сыщика, Николай пошел наперерез. Теперь он видел, что это Митя Савельев и что прижимает он к себе что-то черное и блестящее.

Митя взобрался на гусеницу, открыл кабину трактора, сунул туда дипломат, а когда повернулся, мастер стоял в пяти шагах.

— Давай сюда, Митя. И что там у тебя?

Николай сам удивился своему голосу. Почему захрипел?

Савельев прыгнул с гусеницы, метнулся по глубокому снегу, провалился и, как в капкан, попал ногой то ли в борону, то ли в плуг, то ли еще куда-то. Он лежал на боку, голову вжал в плечи.

— Вылазь, — сурово сказал Николай, не сходя с утоптанной тропинки. — Вылазь, забирай краденое и пошли.

Савельев, прихрамывая, шел впереди, дипломат прижимал к животу.

— Налево, — командовал Николай. — В бокс пойдем. Там поговорим.

Они вошли в тот самый бокс, где ремонтировали автобус. Николай притворил за собой ворота, включил свет.

— Попался, а отвечать боишься,— безжалостно сказал он, взял у Савельева дипломат, оставил на верстак.

— Афанасьев заставил?

Савельев молчал.

— Чей? — Николай показал на дипломат.

Савельев молчал.

— Ты понимаешь: если ребята узнают — они тебя разорвут...

Ученик его группы, вертлявый и наглый на язык Митя Савельев, стоял перед мастером и ждал, когда тот ударит его. Ударит так, чтоб с копыт долой. Ему хотелось этого, потому что чем больше оттягивалась развязка, тем страшнее была.

— Зачем ты это сделал? — пытал мастер, и чем дальше длился разговор, тем ужаснее и ужаснее было ждать конца.— Объясни мне, зачем ты это сделал?

— Деньги нужны...— прошептал Савельев.

— Для чего?

— Не хватает...

— Тебе или ему? — спросил Николай и, не дождавшись ответа, добавил:— С этим ты сегодня покончил. Иначе — пеняй на себя. От меня не спрячешься.

Он сильно тряхнул парня за плечи.

— Спасибо,— неожиданно выдохнул Савельев.

— Уходи,— сказал Николай.

Он остался один. Очень хотелось курить.

Что теперь делать с этим дипломатом, куда его девать? Поставить незаметно где-нибудь или отдать тому парню, сказать, что шел и увидел? Он представил, как будет сейчас красться, прикрывая курткой этот модный чемодан. Он содрогнулся... Вспомнил женщину — капитана милиции: «У нас на учете состоит ваш ученик...»

Симпатичная, видно не злая... Но если сообщить — Митьку затаскают, ведь и другие кражи могут быть его. Все будут жалеть его, маленького и худенького, но каждый будет делать, что положено в таких случаях. И накажут... Может, это и правильно. Он вдруг представил, как вместе с женщиной-капитаном они прячут украденный Митькой дипломат. Чертовщина...

Савельев шел медленно, очень медленно, видимо, он ждал мастера, хотел увериться, что ничего больше ему не грозит.

Николай закрыл бокс, крикнул:

— Митя! Подожди меня.

Они пошли рядом.

— Со мной тоже такой случай был,— сказал Николай.— Я постарше тебя был, перед армией.

— Был? — спросил Савельев.— Такой случай?

— Хуже. Уговорили меня ребята украсть из клуба магнитофон стационарный с колонками. Выпили мы для храбрости, взломали дверь, а я испугался, говорю: «Может, не надо, может, лучше уйти?» Ну они меня на смех.

— Поймали вас?

— Нет, не поймали. К сожалению. Однако того парня, который все придумал, через полгода посадили. Он с другими уже ребятами табачный киоск ограбил. И попался.

— А вы?

— А я с тех пор зарекся от всяких уговоров. Больше скажу, я считаю, что в гибели того парня я виноват.

— Почему?

— Да если б я тогда на своем настоял, может, он и на новый грабеж не решился.

— Наверяд,— сказал Савельев.

— Погиб он потом,— сказал Николай.— Вышел из тюрьмы и человека на дороге убил. Говорят, не хотел убивать, хотел только попугать...

— Судьба,— сказал Савельев.

И Николаю стало страшно за него. Страшно, если такой молодой еще человек совсем не верит в себя и самому себе. Только тогда ведь и говорят о судьбе. Старикам это можно, молодым не пристало. Судьбу с безответственностью нельзя путать.

— Судьба,— повторил Митя.

— Спорить не буду,— сказал Николай.— Но тебя прошу — слово свое держи. А про это никто не узнает.

Ему очень хотелось спросить Савельева про другие кражи, но он удержался. Что проку?

Ивану Макаровичу Николай рассказал про этот случай, взяв слово никому не говорить.

— Само собой,— сказал директор.— Думаю, не только с Савельевым и Афанасьевым вы дело решили. И в других группах тоже будет теперь иначе. Мы-то с вами промолчим, а у них какой-то свой есть телеграф. Телепатический почти... Поздравляю, Николай Иванович. Не могу объяснить — почему, а поступили вы, как настоящий педагог. Спасибо!

Николай никогда бы не назвал свое детство трудным. Если, конечно, сопоставить его с детством других ребят, то можно и так считать. Он не сопоставлял, не сравнивал. Мать делала все, чтобы он не чувствовал бедности, скудости, и всегда приговаривала, что живут они хорошо, слава богу как хорошо живут: сыты, одеты, ноги сухие, уши не мерзнут. Соседский мальчик Вовка, с которым они в одном классе учились, и по нынешним-то временам, если вспомнить, одевался богато: родители жили за границей, везли и слали самое лучшее, особенное, невиданное. Николай часто бывал у Вовки дома, но никогда у него не появилось мысли, что у них с мамой хуже. Может, это теперь, издали так кажется. Николай порылся в памяти... Да нет... Просто он был он, а Вовка — это Вовка, и ни за что Николай не расстался бы с тем, что имел, со своим; со своей телогрейкой и солдатской шапкой, с кирзовыми сапогами, с кухонным столом, за которым готовил уроки. А ведь в сравнении с другими детдомовскими ребятами он был куда лучше устроен. Мать была, комната, в которую он мог всегда прийти, прописка московская.

Все дело в точке отсчета. По телевизору, в кино и в книгах для детей и молодежи такую жизнь показывают, такую сытость, такую мебель, в каждой семье по автомобилю... И ведь в старых фильмах, если вдуматься, тоже сплошное богатство, только в войну, мол, были несчастья и голод, а в остальное время — кто не богат, тот сам виноват. А как же иначе? Ведь каждому по труду, значит, если у Афанасьева дом в два этажа, машина в семье, машина у старшего брата, «Ява» у Лешки, а у Савельевых мать с ревматизмом и сестра с ребенком без мужа, то Афанасьевы — первый сорт, а Савельевы — третий?

Как же это важно, думал Николай, чтобы человек с детства знал, что нет у людей никакого различия по сортам и категориям, чтобы знал он, что любим не потому, что он такой и такой, а просто потому, что он человек среди людей. Про это говорили Николаю и Евгений Валентинович, и Иван Макарович, но главный урок, урок без слов, дала мама, уборщица в детском доме, солдатская вдова, хоть отец умер уже в мирное время. И еще Николай думал про то, что напрасно мы уповаем на трудности и лишения, которые, мол, любого научат жить. Трудности и лишения человека не учат и не спасают, иначе из тюрьмы выходили бы ангелы... Так в чем же корень? Чего у Николая всегда было много, чем он был богат? Мате-

ринской любовью и ее восхищением. Только... Господи, как непедагогично много она его хвалила... Значит, только любовь важна. Когда ее нет — человек заменяет ее отсутствием чем угодно, без выбора. Детям же выбирать особенно тяжело. У Юры и Бори — Иринка, ждет их, они ей нужны, и вот они — другие. Афанасьев спрятался за злобу, но все равно жалок, а Савельев...

Тронулся в путь последний зимний месяц.

Николай торопил Павла Кондратьевича, и наконец председатель сказал:

— Завтра завезем материалы.

И, поверив в это, Николай взял в училище автобус и утром с ребятами отправился в Ряполовку.

Над деревней летели серые тревожные тучи. Дул влажный ветер, снег тяжелел. Переехали мост, а дальше пошли пешком. Николай еще накануне заметил санный след, идущий к кладбищу, и повел ребят туда. Они не спрашивали, куда он их ведет и зачем. Деревенское кладбище, обычный погост, лежало под снегом. Чуть виднелись из-под снега темные кресты, обозначая скрытые могилы.

— Смотрите, — сказал Николай. — Ни одной здесь тропинки... А летом вот так же все это скроет трава... Потом сгниют кресты, и след исчезнет. Но вы запомните — здесь лежат земледельцы. Слово-то какое, поймите его...

Николай не боялся, что ребята не поймут и заскучают от странных непривычных слов. Он просто не брал это в расчет. И не думал он, что лукавые приемы увлечь и завлечь — это всего лишь уловки и хитрости вроде птички, которая должна вылететь из черной дырочки фотокамеры. Он говорил то, что думал, и рисковал, как всякий человек, говорящий то, что думает. Может, из нежелания рисковать мы так любим говорить чужими, заемными, затертыми словами, фразами и абзацами?

— Жили земледельцы в Ряполовке, называли себя крестьянами. Редко бывали праздники, зато беды — часто. Но стояла деревня, и рос хлеб, и не было заколоченных изб. Теперь деревни практически нет... Кончилась. У вас все только начинается. Специальность вы получаете хорошую, золотая у вас будет специальность. В полном смысле слова. Любой мотор наладите. В автосервисе можно работать и вообще... в сфере обслуживания. Может, кто-то уже и прикинул, сколько он своими золотыми руками зарабатывать станет и когда на собственном ав-

томобиле прокатится. Это все не грех. Только учили вас для работы на земле. Вы — земледельцы. Хочу, чтобы ими и остались...

Ребята слушали напряженно. Под снегом, в сиротливой земле лежала бывшая до них жизнь, оставленная позади дорога. Им надо было продолжать ее, жить дальше, и перед неизведанным путем им было нелегко.

— А почему так называется — Ряполовка? — спросил кто-то.

— Может, фамилия, — предположил Николай. — Пришел сюда человек, встал, вот как мы сейчас стоим, замер от красоты: речка, лес, простор — и решил здесь поселиться.

— Счастливый, — сказал Чубаров.

Николай потянул за руку Юру и Борю.

— Вот еще два счастливца, два новых жителя Ряполовки, братья Ткачевы. Сегодня мы начинаем приводить в порядок их будущий дом. Но еще по поручению правления колхоза должен сказать, что на базе деревни планируется создать бригаду и отдать в ее безраздельное пользование ряполовские земли. Работа интересная, выгодная, и я предлагаю это вашей группе.

— И дом можно будет взять? — спросил Макаров.

— Можно, — сказал Николай. — Выбирайте. Колхоз даст стройматериалы. Сделайте все по своему вкусу, но облик деревни создавался веками, хорошо бы его сохранить. Пусть будет резьба, наличники... В общем, думайте. Эта работа прежде всего даст вам независимость.

— А вы себе избу уже приглядели? — спросил Афоня. — Или вы в Москву уедете?

Ребята смотрели на мастера, ждали.

— Я мастер, — сказал он. — А вы кончаете училище.

— А мы думали, что с вами... — протянул кто-то.

Они шли деревней, и Николай видел, что ребята с хозяйским интересом поглядывали вокруг. В конце улицы их ждали Серафим и бабка Настасья. У Серафима из телогрейки торчал твердый воротничок рубашки и узелок галстука. Бабка, повязанная новым платком, держала дощечку с буханкой черного хлеба и солонкой.

— Вот, — сказал Николай, — это и будет дом Ткачевых.

К крыльцу вела расчищенная дорожка, дверь в темные сени была распахнута. Ребята с опасным для ветхих ступенек топотом поднялись на крыльцо. Николай тол-

кнул дверь, и из сеней на него пахнуло теплом. Этого он не ожидал. Свежеобмазанная печь была недавно истоплена. На столе стоял укутанный чугунок и были разложены вырезанные Серафимом деревянные некрашенные ложки.

— А шампанское где? — спросил Афоня.

— Чего захотел, — сказал Юра. — Пора на квас переходить.

Ребята ели, им было интересно.

Детство недалеко еще ушло от них, и они любили приключения. Николая они теребили каждую минуту, он только изредка взглядывал в угол, где присели Серафим и бабка. Избенка эта была ими преобразена на первый случай, она не испугала и не отвратила ребят заброшенностью и долгим холодом. Пыли не было, и не было досок, много лет защищавших низкие окна. В стареньких рамах блестели стекла, а на стене качали маятником бабкины ходики. Кажется, и в это так сладко было поверить, начиналось новое время Ряполовки.

Все получалось слишком просто. Это пугало и настораживало. Николай знал, что мечты сбываются редко, и неожиданностей ждал с любой стороны. Возможно, что охладят ребята, ведь игра была налицо. Играли, играют, поиграют и — надоест.

Затем — Павел Кондратьевич. Если он усомнится, если будут у него основания для такого сомнения, то перестанет он давать машину три раза в неделю. Один раз сорвет, другой... И от него не все зависит. Вроде нет сейчас особого дефицита на шифер, но в данный момент его на ближних складах не оказалось.

Перед самой распутицей наведался в бывший Малахин дом столичный скрипач. Ездил он на сером «мерседесе» новой модели, и ребята подошли к машине, любовались. А Николай попросил разрешения зайти в избу. Снаружи это была обычная, хотя и большая пятистенка с темным срубом, где только нижние два-три венца светились новыми смолистыми бревнами, а внутри изба была обшита вагонкой, печь кафельная сложной конфигурации и, наверное, очень теплая. В большой комнате был камин, а в кухне рядом с сохраненной, но явно не действующей русской печью — двухкомфорочная газовая плита с двумя баллонами в железном кожухе за окном.

Ничего, кроме обшарпанного старого пианино, скрипач сюда из Москвы не привез.

— У меня жена пианистка, — поймал взгляд Николая

хозяин.— Иногда помогает репетировать. Но вообще-то я с другим аккомпаниатором работаю.

— А ближе к Москве ничего не нашлось? — не удержался Николай.— Ехать долго, а последние три километра...

— Есть и ближе.— Скрипач не удивился вопросу.— Там у меня родители, дети, гости... Я и там работаю, но есть вера, что лучшие обретения приходят здесь.

К удивлению Николая, внутренность дома особого впечатления на ребят не произвела. Смотрели с вежливым вниманием, уходя столпились возле проолифленной двери, и Боря спросил:

— Газ из Москвы возите?

— Зачем? В райцентре беру. Сдаю пустые баллоны, получаю новые.

На улице Николай подвел итог:

— Если Ряполовка станет живой деревней, сюда и газ проведут.

А про себя подумал, что бабке Настасье надо срочно установить газовую плиту. Для примера. Газ пусть Михаил возит. Наташе он написал:

«...Мои теперь гордятся. Шутка ли — своя деревня и своя бригада. Конечно, все не останутся, но сейчас хотя бы все. Избу Ткачевых почти закончили, переходим к следующей. Кажется, на нее метит Макаров. Ты не беспокойся, я наш разговор помню и совсем не фантазирую. Да я здесь буду и не нужен. Но все-таки, Наташка, твой муж что-то может...»

Николая самого удивляло, как много ему удавалось, как редко ему отказывали, как часто с ним соглашались. Иван Макарыч никакого чуда в этом не видел.

— Время подошло, — объяснил он.— Оттого и идут все вам навстречу.— И предупреждал: — Очень-то тоже ребятам воли не давайте, присматривать надо. Я понимаю, вы их самостоятельностью вроде заманиваете. Это правильно. Для молодого человека ничего заманчивее нет. Но и глаз нужен.

— Да они и правда самостоятельные, — не соглашался Николай. — Через три месяца механизаторы.

— Три месяца тоже надо жить, — сказал директор.

И оказалось, что он был совершенно прав. ЧП в группе Степанова не кончились.

В понедельник и вторник Афанасьева на занятиях почему-то не было. Николай собрался съездить к нему домой, но не мог: Павел Кондратьевич каждое утро требовал его к себе, наставлял относительно работы будущей бригады, знакомил с системой оплаты при едином наряде, с основами хозяйственного расчета и азбукой агротехники.

В среду, вернувшись в училище из колхоза, Николай узнал, что Леша Афанасьев появился на занятиях, но был сильно пьян.

— С утра? — не поверил он.

Сообщивший об этом учитель физики пожал плечами, а Тарасов заметил:

— А если б он после обеда напился, то это полбеды?

Николай не ответил. Да, если ученик напился — это ЧП, но если он пьян с утра, за этим может стоять что-то другое, не ЧП, и не полбеды, а самая настоящая беда. Первым на мысль пришел Волков с его ружьем. Он и напоил дурака. И все-таки не верилось.

Он почти бежал по коридору, толкнул дверь.

Шел урок истории. На стене висела карта боев на Курской дуге. Макаров стоял с указкой и что-то бубнил себе под нос. Учительница истории недовольно поверх модных очков глянула на мастера.

— Простите. — Николай обернулся к классу: — Где Афанасьев?

Класс молчал, но в нем шла работа. Наконец встал Митя Савельев:

— Он домой поехал, Николай Иванович... Он совсем уехал. Говорит, надоело, брошу.

Лица ребят были хмурые, даже суровые. Так не бывает, когда кто-то просто прогуливает или совершил какой-то проступок. Так бывает, когда что-то серьезное.

— А вы где были? Бригада называется...

Зря он это сказал. Обычный попрек, который ни уму, ни сердцу человека ничего не добавит.

До перекрестка с магистралью, где стоял красавец «Лель», Николай доехал на грузовой попутке. Он соско-

чил возле остановки местных автобусов, огляделся. Афанасьева тут не было.

На задворках ресторана, невидимая для иностранных туристов, стояла голубая палатка «Пиво — воды», Афоня был тут. Он допил пиво из кружки, закурил, прислонясь к столбу, но, увидев мастера, тут же оторвал горящий конец сигареты, остатки сунул в рот и стал жевать.

— Дыхни,— приказал Николай.

— Не поймете,— усмехнулся Афоня.— Табаком воняет.

Он показал язык с крошками табака.

— Эх ты... Несчастный.

Афоня вскинулся, губы стали тонкие, голос зазвенел:

— Кто из нас несчастный? Кто несчастный? Это вы несчастный! За полторы сотни бегаєте за каждым. Не стыдно? У меня отец вроде вас — не пьет, не дерется, не ворует... Думаете, его уважают? Да он для всех дурачок.

— Врешь! — Николай надвинулся на него.— Врешь!

Он едва сдержался, чтобы не ударить.

Полная женщина в несвежем халате, стоявшая в дверном проеме пивного ларька, быстро отвернулась: не хотела быть свидетелем.

— Врешь,— повторил Николай, крепко держа Афоню за куртку. Я не ворую, значит, я дурачок? Все, кто не ворует,— дураки? Это я слышал. Я на этих людей плевал, они пропащие, падаль. А тебе не дам... Не дам, слышишь? Заставлю быть человеком!..

Нет, он не забылся, он прекрасно сознавал, что не должен, не имеет права хватать ученика руками; грозить или бить. Он изо всех сил сдерживал себя, но сдержаться не мог, а пока он волок Афанасьева подальше от людей, время от времени рывком разворачивал к себе, Афоня ждал удара. Сначала со страхом, потом покорно.

— Обирал... Воровать учил... Я все ждал, сам поймет. Слова никому про тебя не сказал... А ты... Никого никогда не бил, но сегодня...

Афоня сник, вокруг людей не было, понимал, что пришло возмездие.

— Никого я никогда не бил,— вдруг совсем тихо повторил Николай,— и сейчас не буду... Бегаю... За полтора бегает... А пу! — командовал он.— Впереди меня бегом, марш!

Пьяному Афоне бежать было трудно.

— Шире шаг,— командовал Николай.— На русскую

литературу успеем. Шире шаг! Вот что значит без тренировки... Вот что значит пить и курить... Шире шаг!

Они бежали короткой тропкой через лес. Снег был утоптан, импортные сапоги Афони скользили. Николай бежал рядом, поглядывая на его взмокшее лицо.

— Ничего,— говорил он.— Бег — лучшая вытрезвильовка.

— Не могу больше,— взмолился Афоня.

Солнце светило сквозь веселый березняк, воздух был густой и влажный. На снегу, который отливало то голубым, то оранжевым, было множество птичьих следов, каких-то веточек, палочек.

Сбежали в ложбинку, где летом струился ручей, протопали по мосткам из трех бревен, поднялись на опушку небольшой рощицы.

— Давай, давай!

— Не могу... — Афоня, задыхаясь, привалился спиной к дереву, Николай стоял рядом, ждал.

— Не пойму тебя никак,— сказал он.— Чужого труда не уважаешь, на деньги жадный... А ведь у тебя все есть. Мать в торговле?

— Была,— сказал Афоня,— она под следствием теперь. Обыск был у нас, все описали.

Он сполз по стволу, сидел сгорбившись на корточках.

— Гад ее один топит. Сам вовлек, а теперь топит, валит на нее, как на мертвую. Если мать посадят, ему не жить. Точно говорю. Все сволочи!

— Злой ты.

— А вы добрый. Думаете, кому-то это надо? И деревня ваша — кому она нужна?

— Тебе,— просто сказал Николай.— Если поумнеешь. Афоня опустил глаза:

— Я сам по себе. На Север уеду.

Он шмыгнул носом. Николай отвернулся. Слезы были ему ни к чему. Слезы почти взрослого и нетрезвого человека.

— Там тоже люди,— сказал Николай.— Они тебя научат. Один все равно не сможешь,— и снова скомандовал:— А ну бегом — марш!

Они бежали под уклон, и Афоня уже втянулся, справился с дыханием.

— Говорят, вы скоро назад в Москву? — спросил он.

— Вероятно,— сказал Николай.— Не век же мне с вами.

— Зря. Они вас любят.

— А ты?

— Думаете — боюсь?

На солнечных участках дороги снег проваливался.

«Ничего,— думал Николай,— ничего... Ты у меня еще все поймешь... Волкову я тебя не отдам... Ничего...»

Он надеялся, что Афанасьев сделал сейчас шаг к добру. Первый небольшой шаг.

Николай был рад за себя, рад, что так орал на Афоню и чуть не сорвался на драку. Теперь тот знал, что он мастеру нужен.

Домой Николай съездил только в конце марта, а дальше началась такая работа, что и писать стало некогда. Усталый, он приходил в свою комнату, садился за письмо, но сил хватало только на несколько строк. Каждое письмо писалось неделю, а то и больше.

«Был в городе вместе с председателем, купил симпатичные светильники в дом Ткачевых, тебе понравится, а для их сестренки точно такой «тюльпан», как у нашей Веронички, помнится, он ребят заинтересовал. Навестил Геннадия, помнишь, с которым в поезде познакомились? С отцом его, Федором Лаврентьевичем, договорились об одном деле. Если получится, опишу все подробно. На Первое мая обязательно приеду. Постараюсь... Между прочим, твоего мужа сфотографировали для районной газеты. Посмотри фотографию. Это когда мы начали пахать на буграх. А вторая — я возле дома Ткачевых в Ряполовке. Как видишь, и там, и там я даже толстый. Не скучай, Наташенька! Все очень хорошо».

Первого мая Николай домой не съездил, никак не получилось, а девятого, сразу после митинга возле памятника воинам, которые не вернулись с войны, вся группа мастера Степанова направилась к автобусной остановке.

— Новое воспитательное мероприятие? — спросил мастер параллельной группы. Он скрывал зависть за иронией. — Поделитесь бы опытом, а то все тайком, все особняком...

Николай и сказал бы, куда они едут, но вопрос был задан не так, чтобы на него отвечать серьезно. Да и как объяснить другим, если он и сам сомневался в задуманном.

...Геннадий с отцом ждали их на развилке. Шли пешком.

— Вот они у тебя какие, — говорил Федор Лаврентьевич. — Взрослые, сами для себя жилье готовят? Приеду посмотрю...

— Это он с выгодой своей придет. — Геннадий привычно подшучивал над отцом. — Он телевизоров наделал, девать некуда, мать выкинуть грозитя, так он вам хочет сплавить.

Они миновали перелесок с сухой прошлогодней травой, из-под которой только начала светиться новая зелень.

— Ну вот. — Федор Лаврентьевич повел рукой. — Это и есть то самое место.

Перед ними было обычное поле.

Положенное среди леса четким квадратом, оно как бы говорило, что не само легло тут, а создано руками человека. Замерла на краю могучая техника — трактора, многоковшовые экскаваторы, канавокопатели. Все это было приведено сюда, чтобы с ревом яростно освобождать землю от того, что было ей дано от века — от ручьев и болот, от мхов, поросших клюквой и брусникой, от жесткой осоки, где прятались звери и птицы, от чахлах и мощных стволов с листьями и хвоей. Освобождать, чтобы делала эта земля то, что хочет человек, — растила хлеб.

— Начали работать в прошлом году,— объяснял Геннадий.— Пришлось саперов вызывать... То граната, то мина, то снаряд.

Они пошли краем, потом присели на поваленные стволы.

— Мы из окружения прорвались,— рассказывал Федор Лаврентьевич.— Орудие, снаряды на руках несли. И видим — немцы. Орудие собрали, командир расчет сделал — и дали. Себя, конечно, обнаружили. И такое началось — земля дыбом встала.

Старик замолчал, и все вдруг услышали, какая сейчас тишина на земле.

— Оглушило меня, не помню, как свалился в какую-то яму. Не то окоп, не то воронка. В себя пришел, открыл глаза и вижу — немец рядом лежит. Кишки у него наружу, а он в сознании, смотрит на меня. Молодой, волосы светлые, лобастый... А смотрит как-то — не поймешь. Вроде забыл, что война вокруг. Ну свой индивидуальный пакет я поберег, а из его достал бинт, заправил ему, как смог, кишки и забинтовал. А он все смотрит. Только и прошептал: «Данке шен».

Федор Лаврентьевич посмотрел на ребят. Весеннее солнце ослепительно освещало их.

— Такой, как вы, был, не старше,— сказал он.— И на брата моего Ивана походил, младший брат-то, а не вернулся. Без вести пропал. Другой раз увижу во сне, а кто из них — не отличу.

— А потом что было? — спросил Савельев.

— Да что ж потом... война еще, считай, три года шла. Три года еще люди друг дружку убивали.

— А кто его звал на это поле, немца этого? — спросил Афанасьев.— Так ему и надо.

Старик покачал головой:

— Когда молодые умирают — страшно. Для всей планеты важнее важного, чтоб молодые жили. Те, кто постарше, — должны их беречь, учить жить по-доброму, а не на убийство посылать. Вас вот землю учим пахать — это хорошо.

— Мы уже пашем,— сказал Юра.— Земли вокруг Ряполовки — наши.

— Родной дом и родная земля — человеку больше ничего не надо,— сказал Федор Лаврентьевич.— Поймут это молодые — войн не будет. Не придется тогда никому помирать на чужом поле...

Николай видел, что Макаров хочет о чем-то спросить старика.

— Ну, Толь, — подтолкнул он, — не стесняйся.

— А почему у вас медалей сегодня нет? — решился Макаров. — Такой день...

Федор Лаврентьевич провел рукой по лацкану пиджака.

— Медали перед живыми прогуливать хорошо, — сказал он задумчиво. — А тут товарищи мои все полегли.

Он встал, встали ребята и Николай. Каждый думал о взрывах и выстрелах, крови и смерти. Все это виделось как в кино и не имело никакого отношения к этому полю, небу, солнцу, потому что представить все это здесь было невозможно.

— Ну и хватит о ней, о войне, — сказал Федор Лаврентьевич. Показал я вам это место, которое никто, кроме меня, и не вспомнит. Вот разве что Геннадий.

Обедали они на той же опушке. Костер развели, о сухом пайке Николай договорился заранее. О войне и правда больше не говорили. Геннадий рассказывал ребятам о новой технике, а Федор Лаврентьевич все вздыхал и высказывался про то, что человек с лошастью — это для природы не так опасно, как машина, в которой сотни лошадиных сил.

...Возвращались они поздно. Леша Афанасьев в этот день больше молчал и хмуро улыбался. Разговоры о войне казались ему притворством. Ну стреляли, ну убивали, кровь проливали. Сколько можно об этом? У него самого оба деда воевали: один погиб на фронте, другой помер лет десять назад. Это был отец матери, он от них отделился и жил в Ленинграде, видели его редко, но знали, что сильно пьет.

Толя Макаров никак не мог забыть это поле. Ему представлялось, что он пашет, оглядывается с трактора, а на черной комковатой земле скелет лежит раздавленный.

— Борь, помнишь того старика, который «Электроник» покупал и стихи читал? — Юра говорил тихо. — Может, он тоже на этом поле воевал, как думаешь?

— Таких полей в нашей стране тысячи тысяч, — сказал Боря. — А старика помню. Я его видел, когда к Наде ходил в больницу. Он в женской палате сидел. Наверное, старуха у него там. Он у койки сидел, а ее не видно.

— Помирает? — спросил Юра.

— Выздоровливает. Надя говорит, старики чаще выздоравливают, чем молодые.

— Ну да? — удивился Юра. — А почему?

— Кто знает. Наверно, привыкли жить.

Майский день никак не хотел становиться вечером, небо было светлым и высоким, но ресторан «Лель» включил все свои вывески, рекламы, витрины.

Играющий огнями, расписной, с острой крышей бревенчатый терем выталкивал из себя звуки человеческой тесноты и хмельного веселья.

— А резьба ничего, — сказал Боря. — Нам тоже можно так же сделать.

— Нет, — сказал Юра. — Нам не подойдет. У нас же не ресторан. Правда, Николай Иванович?

— Стилизация, — согласился он.

— Пошли попьем, — предложил Макаров. — Тут фанты продают.

Швейцар через стекло показал дощечку: «Мест нет».

— Быков Михаил работает? — крикнул Николай и застучал решительно. Почему-то ему очень хотелось, чтоб их впустили, чтоб ребята сейчас съели, например, по пирожному и выпили фанты. На имя Михаила швейцар среагировал, привел его. Тот был взмылен, вышитая рубаха липла к спине.

— Много вас, — сказал он. — Нельзя.

— Мы есть не будем, — попросил Николай, — нам только попить. Сделай, а?

Михаилу было приятно, что зять его просит.

— Мне что, жалко? — важно сказал он. — В другой раз ешьте, пейте, обслуживу. А сегодня нельзя. Немцев принимаем. Целая делегация. — Он посторонился: — Сами видите.

На резное крыльцо вышел длинный белобрысый парень в белых джинсах и белой рубашке. Он был настроен весело и пытался упростить свой родной язык, чтоб его поняли.

— Ихь ист арбайтер... ауф глюклих... ауф фройндшафт, — говорил он, пожимая руки Николаю и ребятам. — У-у-у, — восхитился он, рассматривая на куртке Юры значок. — Дас ист... футболъ?

Юра отстегнул значок, протянул на ладони немцу.

— Данке шен... — сказал парень.

Глава тринадцатая

ДОМ

Юра и Боря не спали. Свет был потушен, Боря по привычке лежал на животе, смотрел на светлое майское небо.

— Боря,— сказал Юра,— вот бы картину написать: поле, а на нем все — война, люди убивают друг друга, а рядом пахота... Трактор идет с сеялкой.

— Интересно,— сказал Боря,— я вот думаю, почему так: никакой войны нет, а фашисты есть. Рядом с тобой ходят.

— Ты про Афоню? — спросил Юра.

Боря покачал головой:

— Нет. Или он изменился, или мы все изменились, только он уже никому не страшен. Даже наоборот. А помнишь, с ним мужик был в шапке такой меховой? Про него говорят, он собаку свою убил, а из шкуры шапку сделал.

— Это Волков,— сказал Юра.— Это механизатор, он зимой навоз возил дачникам. Всегда на взводе, а так — нормальный вроде мужик. Может, врут.

Боря не ответил. Юра завернулся в одеяло, по детской привычке оставил один нос.

— Спишь? — спросил Боря. — Скоро за Иришкой поедем. В большой комнате ее поселим.

— В большой холодно, — сонно возразил Юра. — Там гостиную сделаем. Пианино, телевизор... — Он вдруг откинул одеяло и сел. — Борь, а если мама с нами захочет, пусть выбирает любую. Да?

— Да, — коротко согласился Боря.

Не мог он говорить на эту тему. И думать не мог. Чего лучше — жили бы вчетвером, всей семьей. Иришку взяли бы. Не пришлось бы хлопотать об отсрочке с призывом. А то они уже решили с Николаем Ивановичем: Юра должен через год идти после старшего брата, а из-за Иришки могут еще год отсрочки прибавить. Надо только опекунство оформить, для воспитания сестры. Но не получалось у Бориса думать о том, как будут они жить вместе с матерью, не хотелось вспоминать, как они жили с ней до детдома...

Они с братом любили мать: раньше нуждались в ее помощи, в ее ласке, теперь — все больше жалели. Жалели и стеснялись в себе этого чувства. У них хранилась фотография матери, когда она была школьницей, — красивая, строгая, две косички, белый кружевной воротничок. На фотографию эту они старались никогда не смотреть, из конверта не вынимали.

Юра почему-то больше нуждался в матери и больше ее жалел, а Борис изо всех сил старался думать о ней трезво и безжалостно. У него это не получалось, легче было совсем не думать...

Николай тоже долго не мог заснуть. Думал, как будет расставаться с группой. Они уже работают, правда пока это как практика, с колхозными механизаторами, но через месяц они сдадут экзамены и станут бригадой. Надо поговорить с Павлом Кондратьевичем, кого он предполагает поставить бригадиром. Тут важно не ошибиться. А может быть, Наташа с Вероничкой приедут сюда летом, и тогда он сможет задержаться до осени и сам проследит... Он остановил себя: хватит. Дальние проводы — лишние слезы. Надо ехать в Москву, устраиваться на работу, а здесь он сделал все, ради чего остался. Будет восстанавливаться деревня Ряполовка, и будут жить в ней такие теперь родные и замечательные его ребята.

Была суббота, и группа Степанова работала в Ряполовке. Дом Ткачевых был почти готов, оставалась только

крыша, и сегодня председатель обещал прислать шифер. А пока ребята уже сноровисто меняли сгнившие венцы соседней избы. Серафим, раздетый по-молодому до майки, кончал с наличниками.

— Видали,— показал ребятам Николай.— Кружево... А зачем, спрашивается? Ни тепла от них, ни пользы... Излишество, как теперь говорят.

Дерево наличников было темным — Серафим так задумал, чтоб были как старинные.

— А душе человеческой эти излишества, оказывается, нужны,— продолжал Николай.— И еще: работа должна быть красивой и удивительной. Кончить ее, отойти и полюбоваться.

— Юрка уже полдня в избе сидит, любитесь,— сказал Чубаров.— Всю печку изрисовал.

Николай посмотрел на непокрытый верх избы.

— Боря, скажи Афанасьеву — пусть с этой стороны обрешетку почаше сделает, и рубероид можно стелить. Скоро шифер привезут.

— Сами скажите,— усмехнулся Боря.— Он меня не послушает.

— А ты что? — спросил Николай.

— Я — ничего. Жду, когда отойдет. Сегодня злой очень.— Боря ожесточенно обтесывал бревно, летела щепа.

Получалось, что после той трудной для них обоих пробежки, того марш-броска от «Леля» к СПТУ, Леша Афанасьев изменился. Его мало интересовали ребята, или он делал вид, что они ему мало интересны. Он и прежде не любил братьев Ткачевых, подсмеивался над простодушным Макаровым, помыкал Савельевым, но теперь отгородился вовсе и, может быть, это только казалось Николаю, искося поглядывал со стороны.

Как понимал мастер, семейные обстоятельства жизни Афанасьева были тайной для всех. Мать все еще находилась под следствием, но уже не на свободе, и Леша ездил в областную тюрьму на свидание. Ему не позавидуешь.

— Леша! — крикнул Николай.— Полезай на крышу.

Афанасьев, потный, в опилках, притащил лестницу.

— Митяй,— крикнул он, зная, что мастер смотрит на него.— Валяй наверх. Подкалымим.

— Ты что? — недоверчиво протянул Савельев.

Николай видел, что все делается в надежде, что онотреагирует. И он отреагировал.

— Ну-ну,— сказал он якобы строгим голосом.— Шуточки... Я этих шуток не люблю.

— А кто шутит-то,— зацепился Афоня.— Я, что ли? Вон глядите, Макаров собачью будку решил сделать. Я говорю — у них же собаки нет. Юрку там держать — он ласковый. Вот только если еще кого на цепь посадить?..

Николай смотрел, как ловко Афоня держится на крыше, как снуют в его руках пила, молоток, гвозди.

— Молодец, Леша,— сказал он.— Подбери себе кого-нибудь в пару и выбирайте третий объект. Если пойдете с Борисом — то вообще вдвоем справитесь.

Афанасьев сделал вид, что не услышал.

А Боря все время отвлекался, потому что в стороне на бревнах сидела мама, разговаривала с бабушкой Настасьей.

На ней были ушитые с боков вельветовые джинсы, белые босоножки и белая кофточка. Курила она длинные сигареты.

— Я Весы, а первый муж мне попался Близнец, гад, да и только,— рассказывала она бабушке. Ей недавно дали прочитать перепечатанный на машинке гороскоп, и теперь всю свою жизнь она объясняла с точки зрения астрологии: — Я Весы, а он Близнец, понимаете? Ну и не сложилось у нас. Известно, что из такого союза прочный брак не получается. Близнец и Весы — понимаете?

Бабушка делала вид, что слушает внимательно и все понимает, но на самом деле не слушала, а вглядывалась, чушь эту пропускала мимо ушей. Серафим сидел поодаль, его это и вовсе не интересовало.

— А второй муж был прораб, его посадили на три года. А я тогда в столовой работала.

— Тебя Еленой зовут? — перебила бабушка.— А по батюшке?

— Аркадьевна.

— Из образованных?

— Мать у меня была полька. Волосы у нее были вьющиеся без завивки, не то что мои. У меня фотография ее есть еще в девушках.

Елена Аркадьевна переживала, как ей казалось, новую пору своей жизни. Прошрое свое она решила забыть и отбросить, все впереди. Вот выросли сыновья, сами становятся на ноги, позвали на новоселье. Так и напи-

сали: «Приезжай на новоселье». Если б шифер вовремя завезли, на самый праздник бы и попала.

В поезде с Еленой Аркадьевной познакомился интересный мужчина ее лет, шутил много, говорил приятные вещи. Она сразу поняла, что это знак нового поворота судьбы. Вообще хорошая пошла полоса: помаду она подобрала удачно, прическа новая ей к лицу, молодит.

— Мне никто не верит, что у меня такие взрослые дети,— продолжала она.— Мне моих лет вообще никто не дает.

Елена Аркадьевна взяла новую сигарету, затянулась.

— Куришь больно много,— вздохнула бабка, ей давно уже все про Елену было ясно.

— Брошу,— сказала Елена Аркадьевна.— У меня сила воли есть. И по гороскопу получается, что в случае удачного союза Весы обретают счастье и домашний уют. А про третьего я и говорить не хочу: пил, гулял, дрался.

— А Юра твой где? — поинтересовалась бабка Настасья.— Все тут, а его нет.

— Он в доме. Сюрприз мне готовит. Они ведь так меня туда до сих пор и не пустили. Говорят — сюрприза не будет. Рано, говорят, приехала.

Николай с Толей Макаровым укладывали пахучие, разогретые солнцем бревна. Подошел Серафим. Он не решался привлечь к себе внимание.

— Готово? — догадался Николай.— А ну-ка...

Серафим, стесняясь, повел его за угол. Там в тени стояло пахнущее краской деревянное кружево, украшение на крыльцо. Откуда только бралась выдумка в этом городском водопроводчике, который про деревенские ремесла и помнить не мог. Кружево Серафима представляло собой полукруг в цветах, из-за которого уже наполовину поднялось солнце и раскинуло прямые могучие лучи.

— «Славно за бугром коней пасти...» — сказал Николай.

Серафим понял, улыбнулся. Лицо его загорело и не казалось таким болезненным, как раньше.

— Трава хорошо получилась,— похвалил его Николай.— Колокольчики, ромашки... Ты художник, Сим. Юре показывал?

Серафим кивнул. День был такой, что казалось, и все остальные будут не хуже, а мечты казались в этот день самыми обычными планами на будущее.

— Небось пастух-то им нужен будет.— Он повел рукой по деревне.— Я и буду пасти. Пусть хоть три коровы с телками, потом, может, стадо будет...

— Конечно,— согласился Николай и добавил: — Отдохни, Сима. Ты ведь от ребят не отстаешь. С утра на ногах. Это мы сами сейчас приладим.

Серафим послушно отошел, сел опять рядом с бабкой Настасьей.

— Крестник мой,— сказала бабка Елене.

Серафим видел, что кудрявая женщина глянула на него быстро, без интереса и продолжала рассказывать:

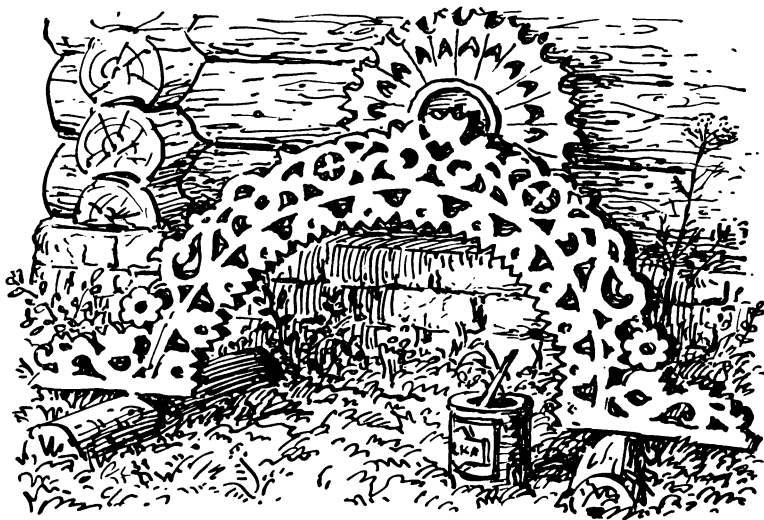
— Ну, подох он, царство ему небесное, алкоголик проклятый, отравы моей. А хоронить-то мне пришлось, хоть и разведенные были. Ладно, одела, обула — проводила... И пошло... Отец мой умер следом. Золовка на сорок дней пришла — прямо за столом умерла. Такая вот моя жизнь несчастная шла. У меня в ней на любовь и перерыва не было, а ведь я молодая была, интересная. Устроиться могла хорошо, только как видят, что у меня двое, так прочь бегут.

Бабка слушала пригорюнившись.

— А девочка-то? — поинтересовалась она.

— Иришка — это потом,— махнула рукой Елена Аркадьевна.

Жесткие кудряшки падали ей на лоб.

— Мастер-то у них из Москвы? — Она смотрела, как Николай с ребятами ставил лестницу.

— Зять мой, — сказала бабка.

Елена Аркадьевна задумалась о чем-то своем, по лицу ее пробежала тень каких-то сомнений.

— Говорят, в Москве танцы есть с пропиской. У меня подруга поехала, чуть не прописалась.

— Гостить-то будешь ездить? — спросила бабка. — По хозяйству или с девочкой мы вон с Серафимом им поможем. Ты гостить приезжай. Все-таки мать.

Женщина щелкнула сумочкой, достала сигарету, но не закурила, бросила ее обратно.

— Вот живу, — раздраженно сказала она, — ни себе, ни государству отдачи.

Она замолчала, потому что усомнилась во всем, что рассказывала. Зачем она рассказывала? Вот и бабка молчит, не верит, смотрит в сторону. Куда смотрит? На трактор? Вон трактор с прицепом ползет, гроыхает, дымит.

— Шифер! — крикнул Николай и пошел навстречу трактору.

Из кабины высунулся Волков. Ухмылки на его лице не было, смотрел тускло.

— Разгружай, — сказал он. — И побыстрей.

Ребята таскали неожиданно тяжелые шиферные листы, складывали стопой у стены. Валерка оглядел сделанное, задержался глазами на резьбе крыльца.

— Под музей готовите? — Он подошел к Николаю. Тот считал листы.

— Для них. — Николай кивнул на ребят.

— Вон та изба — моя, — Волков показал пальцем куда-то назад. — Чтоб мою — не трогать. Понял?

— По этому вопросу — к председателю, — спокойно сказал Николай. — У меня есть список выморочных изб, Павел Кондратьевич дал. Твоя входит или нет, не знаю. Нет с собой у меня списка.

— Плевал я на список. Мою избу не трожь!

— Слушай. — Николай говорил вежливо. — Есть список, утвержден он в сельсовете.

— Я предупредил, — сказал Волков.

Он заметил Афоню, окликнул, но тот, занятый на крыше, только поднял руку. Николай видел, как Валерка сел рядом с матерью Ткачевых, спросил что-то, она ответила. Волков заулыбался, начал говорить, она захохотала.

Бабка Настасья подтянула платок, встала. За ней поднялся Серафим. Мать Ткачевых и Волков закурили.

— Скорей,— торопил ребят Николай. Он был рад, что Боря и Юра в доме.

— Готово.— Он подошел к Волкову: — Давай распишусь.

Валерка сунул бумагу в карман брюк, на Николая не смотрел.

— Договорились? — спросил он Елену Аркадьевну. — Порядок?

— Договорились.— Елена Аркадьевна улыбалась.

Волков газанул на тракторе, развернулся и, громыхая тележкой, помчался прочь.

К Николаю подошел Толя Макаров.

— Мы тут посоветовались с ребятами,— сказал Толя.— Сегодня все равно не успеем. Может, и начинать не будем?

— А какие еще соображения? — спросил Николай.

— В кино хотели сходить, фильм интересный,— признался Макаров.

— Принято,— сказал Николай.— Собирайтесь.

Он вошел в избу. Юра и Боря накрыли стол вязаной скатертью бабки Настасьи. Чашки и вазочка для варенья были ими куплены вчера. Бревенчатые стены золотились, пахло еще влажными деревянными полами, голубоватая беленая печь была замысловато расписана, и в тематике угадывалось влияние Серафима.

— Мы поехали,— сказал Николай.— А вы не спешите. Переночуете здесь. Завтра с утра займемся крышей.

Братья благодарно смотрели на мастера, и ему захотелось обнять их. Но он вспомнил, что перед ним не Вероничка, нежности мальчишкам не нужны, и только улынулся им на прощание.

Когда ребята разместились в кузове грузовика, Николай, прежде чем тронуться, высунулся из кабины, оглянулся и успел увидеть, как поднимается на крыльцо женщина в светлых кудрях, а над ней — темным полукругом крутой холм в резных цветах и солнце с прямыми настойчивыми лучами.

За окошком темнело. Чай был выпит. Юра убирал со стола, поглядывал на молчащего Бору и говорил за двоих.

— Тут потом пианино поставим, телевизор... Будет гостиная. Нравится? — Он не отрываясь глядел на мать.

— Хорошо, — ответила мать, она все оглядывалась здесь, будто чего неожиданного ждала. — Что ж, хорошо.

— Люстру повесим, — спешил Юра. — Сюда со свечами, а к Иришке в комнату — детскую, «Тюльпан» называется. Уже куплена.

— Хорошо, — неопределенно тянула мать, не очень слушая.

Юра присел рядом, дотронулся до ее руки.

— Оставайся, мам, — тихо сказал он. — В этой комнате жить будешь. Мы тебе и ключ сделали... Возьми.

Она повертела ключ, сунула в сумочку.

— Что вы, — сказала она. — У меня работа, а тут мне что делать?

— Работать мы будем, — сказал Боря. — А ты хозяйством займешься, Иришкой... — Он хотел увидеть мамины глаза и не мог.

— У нас коза будет, — вставил Юра. — Кур заведем...

— Ну вот, если только за козой ходить. — Мать нервно засмеялась. — Или уж я такая старая? Может, еще в огород поставите, ворон пугать? Приезжать буду, а жить здесь...

Боря старался не смотреть на брата, у него сжималось сердце.

— Ты все выбираешь, — сказал он матери горько, — а нас не выбрала ни разу. Ты уж решай: или с нами, или...

— Боря! — Юра выкрикнул это как-то жалобно. — Ну хорошо, пусть хоть ездит. Она увидит потом. Мам, ты увидишь, как тут будет красиво, и согласишься. Мы мотоцикл купим, с коляской. Борька за рулем, я на багажнике, а вы с Иринкой в коляске. Р-раз — и куда хочешь.

— Не дело вы придумали, — качала головой она. — Кто вам готовить будет? Стирать? Мне и сразу ваше училище не понравилось. Ведь в детдоме у вас выбор был — куда пойти. А вы — в сельскохозяйственное. Ну и какие у вас теперь специальности? Колхозники? Ничего не скажешь, выгодно. Это дело бросать надо. Механизатор — он в городе шофер. А шофер — это деньги. У меня есть знакомый в такси... Я с ним поговорю.

— Отсюда мы не уедем, — твердо сказал Боря.

— Что ж, — усмехнулась мать. — Иринку тоже колхозницей сделаете?

Юра все старался дотронуться до материнской руки.

— А Иринка врачом будет,— сказал он.— В Ряполовке будет лечить. Сначала медучилище кончит...

Женщина засмеялась:

— И в кого вы такие? Не в меня...— Лицо ее стало вдруг обиженным.— Мне-то, конечно, надежды на вас нет... Обо мне кто позаботится? Только учтите, вы уже работаете, вы мне помогать должны. По закону. Раз начали работать, значит, по закону должны.

Юра опустил голову. Боря встал:

— По закону мы ничего не должны. Ничего. Но мы не отказываемся. Юра, дай деньги.

Юра принес бумажник, подал его брату. Боря достал деньги, положил их перед матерью.

— Тут все. Бери, сколько считаешь нужным.

Мать смотрела на сыновей... Она протянула руку, но не коснулась денег, а так и держала правую руку на весу, будто боясь обжечься.

— Что ж ты, мама, бери,— тихо сказал Юра.

В окно стукнули. Боря посмотрел — к стеклу прижималось ухмыляющееся лицо Валерки Волкова.

Боря пошел к двери. Женщина поправила волосы.

— Убери.— Она показала Юре на бумажник.— После.

А Валерка уже громоздился на порог, краснолицый, с неверным взглядом прищуренных глаз.

— Вот и я,— объявил он громко.

— Зачем? — Боря встал в дверях.

— Как? В гости, на новоселье.— Валерка говорил громко, пьяно «ломал Ваньку».

— Мы никого не звали,— сказал Боря,— в другой раз.

Он оглянулся, потому что за его спиной певуче, мягко заговорила мать:

— Кто же людей так встречает, сынок? Нехорошо... А в гости я пригласила. Сами сказали — хозяйкой будешь. Вот я и хозяйничаю.

Она высоко, как девочка, засмеялась, обняла за плечи Юру.

— Накрывай на стол, сынок.

Волков сел к столу. Ему было не по себе. Братья стояли рядом у печки, смотрели на него.

— Ничего не надо,— говорил Волков,— я на минутку... Тракторист к трактористу зайти может. С сыном твоим коллеги-калеки,— объяснил он женщине.— Зачем я пришел-то, если что надо — прямо ко мне. Волков всегда поможет. Закон — тайга.

— А заработок-то у них приличный будет? — поинтересовалась мать.

— Ты, мамочка, не беспокойся. С Волковым не пропадут. Осенью и весной навоз будем возить. Для кого дерьмо, для кого — органика. Тридцатка возок. Частники с руками рвут.

— Я уж на вас надеюсь, — сказала мать.

Волков осмелел.

— Ну, чего смотрите, хозяева? С новосельем положено. — Он вынул из кармана бутылку без наклейки с чем-то мутноватым, поставил на стол: — А то стены стоять не будут.

— У нас нет ни рюмок, ни закуски, — растерянно сказал Юра.

Боря шагнул к столу.

— Убери, — сказал он. — И уходи. Слышишь?

Но мать уже хлопотала: ставила чашки, резала хлеб, — и все время говорила — пела на какой-то страшной для ребят ноте:

— Ой и невоспитанные вы у меня, ой и грубые. Ты, Валерий, не обижайся, это они так. На меня обиделись маленько, вот и ты им под горячую руку. Немножко выпьем, отметим. Положено... Новоселье.

Мать все говорила-пела, а ребятам страшнее и страшнее становилось от этого кошачьего мурлыканья. Не умом, а нутром своим вспоминали они себя маленькими и беспомощными, как кутята, вспоминали каких-то мужчин, дым табачный, а после — пустые бутылки, объедки какие-то на тарелках, окурки на полу... И голос матери, будто она не говорит, а поет.

Валерка налил две чашки, посмотрел на ребят:

— Будете?

Оставалось ровно полбутылки.

— Разливай, — дрогнувшим голосом сказал Боря.

Волков разлил до конца.

— Чтoб все хорошо было, — сказала мать, чокаясь с Валеркой.

Тот потянулся к братьям.

— Немножко отметим, — бормотал он размягченно. — Чего там, свои же... Надо, думаю, пойти, поздравить.

Ребята смотрели, как мать, не отрываясь, выпила до конца, дернула плечами.

— Фу-у, — выдохнула она и глянула на сыновей. — Пригубите, до конца-то не надо... Крепкая какая.

— Чистая, зажечь можно.— Валерка смотрел на нее тяжелым взглядом, растягивал в улыбке непослушные губы.— Пусть не пьют, нам больше достанется.

Боря, трудно глотая, выпил налитое до конца. Юра задохнулся на первом глотке, но тоже осушил чашку.

— Вот это уже разговор,— сказал Волков.— Ничего, не пропадете. Тут тоже жить можно. А Волков не подведет. Этот ваш... как его... мастер? Жлоб московский. Он людей уважать не умеет. Ладно, увидим. Он Волкова еще узнает... Закон — тайга.

— Все! — Боря встал.— Кончилось новоселье. Уходи. Мы спать будем.

Валерка не ответил, он держал женщину за руку, а она, прикрыв глаза и запрокинув лицо, счастливо вывела:

Белым снегом, белым снегом
Ночь морозная ту стежку замела.

И Валерка пристроился напряженно, будто подражая кому-то:

По которой, по которой
Я с тобой, любимый, рядышком прошла...

Юра смотрел на мать, он был бледен, губы вздрагивали.

— Хватит! — крикнул Боря.

Волков захохотал, женщина потянулась к сыну:

— Что ж ты, сынок, маме-то не хочешь хорошо сделать... Мама-то вам зла не хочет.

Глаза ее бессильно уходили в непонятную ребятам, жуткую глубину.

Волков вытащил вторую бутылку, стукнул об стол.

— Еще по одной — и все... Ни вам, ни нам... а мы с Еленочкой выпьем.— Он мял пальцы женщины, а та смеялась и, не глядя больше на сыновей, вся неудержимо подавалась к Валерке.

Боря посмотрел на Юру, показал глазами «не пей» и двинул к Волкову чашки.

— Наливай. Мы тоже будем.

— Жалко переводить-то на вас,— пробормотал Волков, но разлил на четверых поровну.

Чокнулись, а когда Волков, булькая, запрокинул голову, Боря плеснул содержимое на пол и увидел, как, крепко и отчаянно зажмутив глаза, пьет из чашки Юра.

...Сено было слежавшимся, сыроватым. Юра спал на спине, раскинув руки, белело в темноте лицо. Боря сидел съездившись, его трясло (своей курткой он укрыл брата). Голова болела, и ударами молотка снова и снова повторялось то, чем все кончилось...

— Эх, развезло парня,— сказал Волков про Юру.— На улицу надо.

Он торопливо докурил, швырнул на пол окурок.

— Погуляйте, Боренька,— попросила мать, голос ее рвался.— На улице тепло. Погуляйте, вам с непривычки много получилось.

Юра побледнел сразу, даже не побледнел, а позеленел. Боря поднял его со стула, вывел на крыльцо. На Ряполовку спускалась прохлада. Братья стояли рядом, издали могло показаться, что они обнимаются на прощание. Они стояли, пока не услышали, как в дверях повернулся ключ.

Боря тащил Юру по темной деревенской улице. Он сам не понимал, что плачет. Просто горло стало чужим и, чтоб можно было дышать, сами собой текли слезы. Они шли к дому бабки Настасьи, единственному дому в Ряполовке, где их могли приютить, но Боря понял, что нельзя им в таком виде, нельзя рассказать, как они очутились на улице.

Бабкин сарай оказался не заперт. Боря нащупал в углу сено, уложил брата. «Убью,— металось в шумящей голове,— пойду и убью». Но невозможно было вернуться и увидеть мать, которая сама заперла дверь... Только бы не узнали... Только бы никто не узнал...

Юра забормотал во сне, задышал тяжело, с храпом. Боря повернул его на бок, прилег рядом. Только бы не узнали... Только бы никто не узнал...

Их и в детстве пугала мысль, что люди узнают про их домашнюю жизнь. Она была стыдной и не похожей на то, как жили люди вокруг, и уж вовсе не такой, какую видели они у соседей по телевизору. Они жалели мать, они стыдили ее, но нельзя было допустить, чтоб ее стыдили и жалели другие. Как хотелось им, чтобы здесь, в Ряполовке, все было иначе, и вот в первый же день... Мысль эта была так сильна, что пробивала она мутную пелену сивушного одурения, ранила и терзала. Однако сивуха брала свое.

Он шел по полю, по недавно вывернутым липким комьям земли. Он спешил, потому что с дальнего края ходко и беззвучно шел навстречу ему трактор. Боря знал, что на нем Юра, и еще он знал, что где-то на этом поле затаилась смерть. Ноги оскальзывались и вязли, а впереди зачерпела длинная яма, похожая на окоп. Боря глянул. На дне в позе мертвеца лежал Волков, глаза его были закрыты, но губы растягивала злая коварная улыбка. Рядом с ним лежало ружье.

Боря побежал, задыхаясь, навстречу трактору, он махал брату, чтобы тот поворачивал назад, потому что знал: Волков увидел его и уже гонится следом.

«Сейчас выстрелит»,— подумал Боря, он хотел закричать, но горло не слушалось, а трактор все приближался... Загремел выстрел, и Боря с размаху ударился лицом о холодную, жесткую землю.

Открыть глаза было страшно, да и веки набухли, не слушались. Казалось, что страшный сон должен перейти в еще более страшную явь. А явь эта ломилась в мутное, тяжелое от самогона сознание, ломилась чем-то, что прижимало, давило и грозило вовсе раздавить. Нет, то, что произошло вчера, не возникало сейчас ни одной деталью, ни одним словом, ни единым звуком.

Боря лежал на животе, уткнувшись лицом в голые трухлявые доски, которые когда-то были полом бабкиного сарая, а где-то совсем близко бушевала война: странно

гудели моторы неведомых боевых машин и шла стрельба. Стреляли часто и громко. Боря с трудом сел, все еще плохо понимая, где он и как сюда попал. Сквозь щели тянулся серый свет. Юра спал на старой соломе, дышал ровно, но как-то слишком глубоко; с улицы, опять же продолжая сон, все нарастал непонятный гул и слышались беспорядочные выстрелы.

Сияясь выбраться из-под обломков своего ужасного сна, Боря встал на ватных ногах и, впервые ощущая свое сердце, стиснутое предчувствием беды, вышел во двор. Над Ряполовкой поднимался и ложился по ветру завывающийся огромным канатом столб дыма, а там, где накануне стоял их дом с крытой черным рубероидом, готовой под шифер крышей, сейчас гудел ровным высоким пламенем чудовищный костер.

Боря бросился обратно в сарай, изо всех сил затряс брата:

— Пожар! Наш дом горит!

Юра вскочил сразу, метнулся к двери. На улице гудело еще сильнее и выстрелы теперь были еще более мощными, лопались раскаленные смолистые бревна.

Боря и Юра помчались задами, так было ближе.

— Мама,— кричал Юра.— Борька, там же мамочка наша!

Борис бежал впереди, и вдруг, увидев что-то, он как вкопанный остановился. Юра с размаху наскочил на него.

— Ты что? Там же мама!

Из своего дома в городской, подаренной дочкой ночной рубашке выбежала с оханьем бабка Настасья. Вслед за ней кинулся к пожару Серафим. Он был в трусах, майке-сеточке, худые ноги спичками торчали из сапог, а живот был большой, отечный.

— Говорила, спалят мальчишки деревню,— причитала бабка на ходу.— Я ж Кольку предупреждала. Спалили нас в тридцатом годе. Тоже так вот. Курили на сеновале комсомольцы.

И вдруг они оба, бабка и Серафим, повернули назад.

— Ты, милок, лучше бери Мишкин велосипед и езжай к «Лелю», хоть пожарку по телефону вызовешь... Да оденься как-нибудь.

И когда Серафим в обвислых спортивных брюках и незастегнутой рубаше сажился на велосипед, добавила:

— Сильно-то не спеши. Куда тут спешить. Пока до «Леля» доедешь, догорит уж. Вот беда-то.

Глава четырнадцатая

СЛЕДСТВИЕ

Машину Павел Кондратьевич не любил. Ездить ему приходилось много, и казалось, именно от этого, от шума мотора, трясения колес и бензиновой гари, к вечеру на председателя наваливалась муторная усталость. Если не очень спешил, он вылезал из машины, шагал где-нибудь сбоку от дороги, по траве, а шофер или ждал, или трюхал следом на малой скорости. Сам за рулем он ездил редко, а по Взгорью всегда старался пройти пешком.

Он был местный, крестьянский этикет знал хорошо: где поздоровается, где словом перекинется, где просто шляпу приподнимет. Это тебе и работа с массами, и авторитет, и у людей — хорошее настроение. С годами, правда, замечал Павел Кондратьевич, вопреки всеобщим законам возраста степенность покидала его, он стал нетерпелив и чересчур беспокоен. Беспокойство толчками заполняло по ночам председателево сердце, увеличивало планы следующего дня, гнало спозаранку из дома.

Рассвет занимался серым и душноватым. Людей на улице никого, пятый час утра. Председатель не спеша шагал к правлению, он поднялся по ступенькам и остановился. Ему почудился запах дыма.

Он огляделся. Нет, нигде по всему взгорью ничто вроде бы не горело. Это было видно по ритму просыпающейся жизни, по спокойствию неба, по тому, что все звуки утра были обычными, слышались в обычном порядке.

Но дым где-то был, и это тревожило Павла Кондратьевича забытым, казалось, ужасом самого раннего детства. Тогда их село сгорело почти целиком, двести тридцать два дома из двухсот семидесяти восьми. И Ряполовка однажды горела, он сам не видел, люди рассказывали. Вообще в довоенное время пожаров почему-то было много.

Местная «пожарка» находилась при керамическом заводе километрах в восьми от Взгорья. Она выезжала на пожары безотказно, но всегда опаздывала. Да и то сказать, дома горят быстро, просто диву даешься, как легко на месте человеческого жилья остаются одни только головешки, остовы железных кроватей и печка посреди черноты.

С тревогой в сердце, даже с болью в нем, Павел Кондратьевич вошел в пустое правление, где пахло другим дымом, застоялым дымом бесчисленных сигарет. На столе зазвонил телефон.

— Горит у вас, — сказали Павлу Кондратьевичу из пожарки. — Послали две машины. Соберите добровольную дружину, пусть срочию едут в Ряполовку.

Ивана Макаровича телефон поднял с постели.

— Ряполовка горит. — Голос председателя был каким-то осевшим.

— Ну, — только и сказал директор. — Я слушаю.

— Ничего больше не знаю. Ваших там нет?

Николай проснулся, потому что в дверь стучали. Он посмотрел на часы и прямо в трусах пошел открывать. За дверью стоял Иван Макарович, тянул от шеи расстегнутый ворот рубашки.

— Ряполовка горит, — сказал он. — Чужало мое сердце...

Николай простил эти стыдные слова директора.

— Ткачевы как?

— Ничего не знаю, поехали туда.

Они спешили, хотя спешить, конечно же, было уже не обязательно.

Дом бабки Настасьи стоял на месте, цел был и дом московского скрипача. Не было только двух, которые восстанавливала бригада, их совсем не было. Дымились головешки.

Вокруг пожарища ходили люди в касках и огнезащитных костюмах. «Скорая помощь» только что уехала. На земле возле голубого велосипеда с маленькими колесами недвижно сидел Серафим.

— Говорила я тебе, Коля, говорила,— бубнила бабка.— Сколько раз упреждала. Курят же они, ну а раз курят, от них и пожар.

— Не курят они,— сказал Николай.— Не курят они.

— А от чего ж сгорели?

Иван Макарович торопил его, надо было ехать в больницу, куда увезли братьев.

«Москвич» мчался по проселку, Николай краем глаза следил за лицом директора. А тот тоже украдкой поглядывал на мастера.

— Знаю, что виноват,— сказал Николай.— Знаю.

Иван Макарович отозвался не сразу.

— Вот это чепе так чепе. Никогда со мной такого не было. Судебное дело. Это я вам как бывший юрист говорю.

— У вас же нет юридического образования,— сказал Николай. Он даже про себя не хотел думать о директоре плохо. Неужто вот так и отступится, оставит его одного?

— А если смертный случай? — Иван Макарович на глазах прямо все чернел и чернел.— Если смертный случай? Если он сейчас в больнице помирает?

— Кто?

— Ну, не знаю, Боря или Юра. Обоих увезли.

— Судя по всему,— сказал Николай,— больше пострадал Юра. Хотя Боря всегда готов заслонить брата.

Конечно, в этих рассуждениях и предположениях толку не было ни на грош, но не думать о беде, не утешать себя или просто молчать было невозможно. И потому Николай говорил, а Иван Макарович слушал.

Выехали на шоссе. Возле «Леля» стояло несколько «Икарусов». Туристы, не то поляки, не то чехи, прямо на асфальте танцевали под громкую музыку. Это надо же — с утра без всякого повода на виду у всего света трясти ногами и махать руками. В другой бы раз танцы на шоссе могли показаться красивым и веселым зрелищем, а сейчас вызывали раздражение нелепостью и неуместностью.

— Я хотел вас в Болгарию отправить в качестве по-

ощрения, — сказал Иван Макарович. — Теперь... сами понимаете. Какая же будет характеристика. Сплошная самодетельность и безответственность.

Директор понимал, что не о том надо говорить, но говорил про Болгарию, чтобы не молчать и не накликать беду предположениями о том, что ждет их в больнице.

«Москвич» почти уткнулся в стену возле больничных ворот, они пошли по двору мимо низкого одноэтажного домика. Ох уж эти домики в больничных дворах, забываем мы про них.

Иван Макарович как споткнулся, когда увидел, что из домика к пустому похоронному автобусу толкают на каталке гроб. Маленький лысый старичок с кепкой в руке старательно помогал санитарам, а рядом со старичком стояла девушка в белоснежном халате и белоснежной шапочке, из-под которой на лоб выбивалась пушистая челка. Николай узнал Надю, подружку Бори Ткачева.

В одной руке Надя держала магнитофон, в другой — какую-то бумагу. И то и другое она пыталась отдать старичку, но старичок отказывался.

«Нет, это не Боря и не Юра, — подумал Николай. — Ведь так быстро не может быть. Ведь еще вскрытие обязательно».

Ужас охватил его, когда он осознал то, про что думал. При входе в хирургическое отделение Надя нагнала их, она тоже узнала мастера.

— Случилось что-нибудь? — спросила она. — Из ваших кто-нибудь?

И ахнула, услышав ответ.

Юра лежал в отдельной палате, ему сделали обезболивающий укол, и он спал. Боря сидел у его ног и отвернулся, когда увидел директора и мастера.

Разговора не получилось. Врач сказал, что они оба сейчас в шоке, сознание замутнено, поэтому и следовательно допрашивать не стал. Врач просил прийти завтра, не раньше.

В группе обо всем случившемся Николай рассказывал предельно кратко, в основном о состоянии здоровья. Ребята слушали молча, вопросов не задавали.

— Тогда нам в больницу надо всей группой, — подвел итог Толя Макаров. — Я знаю, при ожогах кровь бывает нужна и кожу могут пересаживать. Мы дадим.

— Подождите ехать, — сказал Николай. — Иван Макарович только оттуда вернулся, я его спрошу.

В кабинете директора пахло сердечными каплями. Иван Макарович промокал платком испарину на бледных щеках. В больницу он ездил на этот раз с Александром Михайловичем, и разговор начал тот.

— В педагогике, Николай Иванович, всякая самостоятельность опасней холеры. Я пытался вас предупредить, но вы смотрели на меня с иронией. Ведь так?

Это было не так. Никакой иронии в адрес мастера параллельной группы Николай не допускал. Впрочем, люди чувствуют, как к ним относятся.

— Для вас, залетной ласточки, — продолжал Александр Михайлович, — игра в избу с наличниками — вроде успокаивающих таблеток после городских приключений, а для нас — суровые будни с неприятностями по службе, с визитами следователей, с кипой бумаг и характеристик.

— Каких характеристик? — спросил Николай. — На Ткачевых?

— На Ткачевых — это одно. На вас — другое, — сказал Александр Михайлович. — Я как местком должен писать на вас характеристику, а что я про вас знаю? Что я про вас знаю, чтобы ручаться?

— Да бросьте вы, Александр Михайлович, бросьте. У вас, что ли, такого быть не могло?

Николай обернулся. В темном углу за его спиной, в кресле за телевизором, сидел Тарасов.

— Если вам трудно ручаться, я поручусь за Степанова, даром что он беспартийный... Не надо раздувать случай. Есть и без нас много людей, способных кинуться на того, кто ошибся. На неудачника, если хотите.

Ничто так не ранило Николая, как последняя фраза. Неудачник! Это слово преследовало его давно. Что такое неудачник? Кто сказал: «Пусть неудачник плачет?» Плакать ему не хотелось, но на душе было совсем скверно.

В своем углу за телевизором долгим кашлем зашелся Тарасов. Все слушали его кашель, молчали.

— Дело в том, Николай Иванович, — сказал директор, — что ребята ваши, оба, были сильно пьяны в тот вечер. Как же вы это допустили? Пьяны были. В стельку.

— Они не пьют и не курят. Это недоразумение, — сказал Николай. — За них я головой ручаюсь.

— Вот видите! — воскликнул Александр Михайлович. — Вот видите, что значит ручаться. Вы ручаетесь

за них, мы должны ручаться за вас, а в результате...

Иван Макарович перебил его:

— Есть акт медицинской экспертизы. У Ткачева Бориса и у Ткачева Юрия в крови обнаружен очень большой процент алкоголя... Бориса допрашивали, он показал, что вечером они были вдвоем с братом, выпили... Я говорил вам — следите. Вы же мастер, вы за них отвечаете.

— Как же вдвоем, — не понял Николай. — Там мать их была, эта Елена Аркадьевна.

— Нет, — помотал головой директор. — Вы ошибаетесь. Матери там не было, она вечером уехала. Вот так. Это ребята сами сказали следователю. Соберем педсовет, обсудим, дадим оценку. Нам уже из управления звонили.

Вся группа стояла у входа в хирургический корпус, но пройти никому не удалось. У Юры, сказали им в окошке, состояние средней тяжести, в пересадке кожи он не нуждается, но у него внезапно подскочила температура. Кроме того, сегодня неприятный день. Нади тоже в больнице не было, у нее начались экзамены.

Николай пошел в милицию. Женщина-капитан приняла его сразу, глядела сочувственно, расспрашивала подробно, а потом объявила, что теперь она к этому делу касательства иметь не будет, ее обязанность — профилактика правонарушений подростков и воспитательная работа, а пожар в Ряполовке — событие серьезное, этим будет заниматься следователь, старший лейтенант Кособоков Василий Андреевич, который сейчас в командировке, в области на семинаре.

Следователь Кособоков вернулся из командировки в конце недели, повестку Николаю он прислал на вторник, а в пятницу умер Серафим.

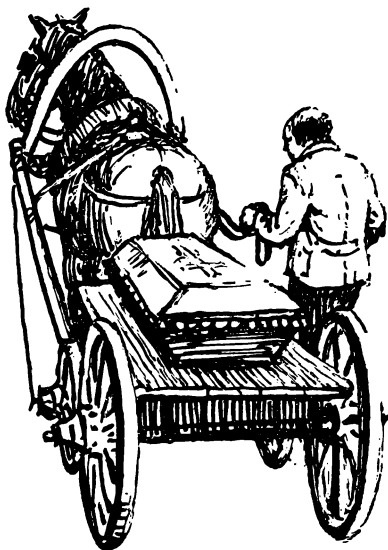
Хоронили его в воскресенье.

Неожиданно в Ряполовку приехал Павел Кондратьевич. С бабкой Настасьей они обнялись, с Михаилом и Ниной председатель здоровался за руку, на Николая смотрел хмуро.

По бабкиному настоянию Серафима решили положить рядом с его матерью.

— Так и Малахе спокойней, — сказала старуха. — Она об нем больше всех детей болела.

Гроб везли на лошади — Павел Кондратьевич распорядился. Михаил был деловит, немногословен и в то же

время очень предупредителен и ласков со своей матерью.

— Смерти боится,— шепотом объяснила про него Николаю бабка.— До чего смерти боится. А Сима помирать не хотел, но и не страшился.

Ладно и спокойно, без суеты, опустили гроб, не торопясь закопали могилу, насыпали холм, и встал над Серафимом старый материн крест. Когда вернулись, бабка налила в стаканы киселя, поставила блины.

— Помяните...

И с укором сказала Николаю:

— Э-эх... Поторопили вы его.

Все молчали, Павел Кондратьевич смотрел на старуху.

— Да ведь ему, мама, так и так...— сказал Михаил.

— В смерти Серафима никого винить нельзя,— сказал Павел Кондратьевич.— И зять ваш не виноват. В пожаре виноват, это ясно, а в смерти Серафима чист.

— Трещало очень,— рассказывала бабка.— Шифер-то раскалился, как из ружей палило. Я Симу в пожарку звонить послала, а когда он вернулся, старший брат опять за младшим в огонь нырнул. И чего они в огне искали? Серафим за ним кинулся. Они Юру вместе вынесли. А потом как закаменел. Тут пожарники снуют, врачи приехали, а он отошел в сторону, сел да смотрит в то место, где избы стояли. Я его тормошить, а он каменный, да и все тут. Так поглядел, пошел молчком в избу да и лег, отвернулся. Поест не уговорила, и кофе пить не стал... Так и лежал все дни, а тут вот среди ночи чистой воды попросил. Ночью слышу, постанывает. «Что ты, спрашиваю, болит что?» — «Нет, говорит, ничего. Это мне сон приснился». А голос такой хороший мне показался, будто веселый. «Будто, говорит, мы с мамой самовар надумали ставить, глядим, а в дверь-то Емельян с двумя

ведрами. Я, говорит, вам свежей воды принес из реки...» — «Серафим, грю, ты покойников, должно, к дождю видел». А он смолчал, только рукой показал. Дескать, не трогай. Я и легла. К утру меня как толкнуло. Подошла, а уж он остывать стал.

На подоконнике лежала работа Серафима. Нина перебирала деревянные фигурки.

— Безделушек-то сколько нарезал, — жалостливо сказала она. — Царство ему небесное.

Николай ее словам не удивился. Так уж положено на поминках про это говорить, и умница Нина, что вписалась в эти поминки. Наташа бы тоже сказала про царство небесное. Пусть нет его совсем, но ведь сидят они здесь ради Серафима, и жив он их памятью.

Павел Кондратьевич тоже сказал несколько слов, потом взял из рук у Нины резные безделушки — куколки с прямыми руками на гвоздях, крохотный столик и еще табуретку. Все на шипах, как положено.

— Девочку мы ждали, — объяснила бабка Настасья, и не все сразу поняли, о ком она. — Девочку мы ждали, ребята обещали нам сестренку из детдома привезти, Иринку. И привезли бы. Вот Серафим и готовил...

— Хорошо, что оба пацана живы остались, — переменил тему Павел Кондратьевич. — И без последствий для здоровья, как мне говорили.

Чем больше он смотрел на Николая, тем меньше сердился на него. Конечно, нельзя было оставлять ребят одних, но он не нянька, а группа не взвод солдат. И вообще, в информации, которой председатель располагал, не все концы с концами сходились. Странно, что два брата, оставшись одни, вдруг решили напиться. А если и решили, то откуда они, скажите на милость, достали водку или самогон?

Когда собрались расходиться, бабка сказала:

— Хорошо хоть, Малахина изба не сгорела. Скрипач приезжать будет... Пусть играет, я привыкну. А потом, может статься, дети его будут приезжать. Или внуки. Тоже пусть играют... Я привыкну...

— Сказками все занимаетесь, — вдруг разозлился Михаил. — Нормальная жизнь вас не устраивает, сказку надоед... — Он не смотрел на Николая, но тот чувствовал, что Михаил его ненавидит. — Выбирай, мать, где жить будешь, дом на той неделе заколочу. Ждать, когда сгоришь живьем, нечего. А тебя еще потаскают, — повернулся он

к Николаю. — На тебя еще кулаком постучат. Ты думал, что в газете написали, так высоко занесся? Так что, мать, — все.

Бабка не ответила. Глаза ушли в припухшие веки, темной рукой она подпирала маленькую, повязанную черным платком голову и все не могла унять ее, голова тряслась, будто бабка решила ни с кем не соглашаться.

— Что ж, — сказала она, — забивай...

Солнечный яркий день глянул в окно.

— К Таньке поеду, — ровно сказала бабка. — У ней огород...

Для Леши Афанасьева все случившееся было вроде как на руку. Не ждал он хорошего — хорошего и не вышло. Не верил он в мечты мастера — все так и произошло. А Ткачевы... что ж, жалко ребят, но и они шибко размечтались. И зачем человеку дом? Человеку дом не нужен, человеку везде должно быть хорошо.

Леша никогда не любил свой дом, а теперь просто думать о нем не мог. После ареста матери отец и вовсе стал жалок, взял отпуск, переселился в город, снял комнату возле тюрьмы, чтобы быть поближе к матери. Простил он ей Аристарха и все прежнее простил, страдал по ней и плакал. Придет домой за бельем и опять в город. Хорошо хоть, что и Аристарха посадили, есть на свете справедливость, пусть мало, но есть.

Афоня вышел из общежития в назначенный час. Валерка Волков ждал его в липовой аллее за мастерскими. Покупка ружья откладывалась, теперь и в самом деле с деньгами стало туго.

— Надумал? — спросил Афоня.

— Дешевле отдам, — сказал Валерка. — Пользуйся моей добротой, деньги нужны.

— Сколько?

— Еще сотню давай и — лады!

— Пойдет. — Афоня так и располагал. А ружье ему необходимо. Все решено, дома не останется, на распределение плюнет, к брату тоже не поедет. Да и не зовет его брат, опять с женой разводиться надумал. Поедет Афоня на Север, в Тюмень, на Ямал, на великие стройки, где никто про него ничего не знает. А еще лучше — в леспромхоз какой-нибудь таежный, про какой недавно по телевизору показывали.

Волков зашел за кусты, вернулся с двустволкой.

— Бери, не пожалеешь.

В липовой аллее всюду заливались птицы. Пышные, по-летнему густые от листьев кусты образовали по сторонам заросли. Афоня протянул деньги.

— А патроны? — спросил он.

— Десяток могу... Зарядить?

— Сам, — сказал Афоня.

Он сосредоточенно проверил затвор, вгоняя патрон и вновь выбрасывая его. Кладанье вороненой стали было ему вместо музыки. Тяжелые стволы и гладкое темное ложе слушались его рук, а руки легко привыкали к этой по-настоящему мужской вещи. Волков смотрел на Афоню с покровительственной ухмылкой. Конечно, Афоня со своей «Явой» и родительскими вольными рублями мало напоминал молодые годы самого Валерки Волкова, но в будущем Афоня обещал быть таким же, как он.

Валерка не задумывался, какой он человек и почему именно таким получился. Недостатков за собой не ведал никаких, а все неприятности и напасти, которые с ним случались, относил на счет гадов, всех тех, кто из зависти жизнь ему портит. Он — жертва своих положительных качеств: прямодушия, бескорыстия, широкой натуры, всегдашнего желания друга угостить и не обидеть того, кто за стол с собой посадит и стакан нальет. Он знал о себе, что не дурак он, как иные считают. Своего он не упустит, где надо — возьмет, где надо — рукой махнет. Еще он считал своим положительным качеством, что не любит тех, кто, как вол или ишак, всюду вкалывает, чтобы копейку в дом, чтобы почет иметь. Разве так должен человек существовать? Обижался Валерка на людей сильно и с каждым годом все сильнее. Чем больше обижался, тем острее, казалось ему, видит он людей. Насквозь он их видит, все про них знает. Все притворяются, один Волков такой, как есть, весь на виду.

Никто никому не может приказать: верь в это, а в это не верь. Вера — дело внутреннее, хотя складывается она часто из внешних обстоятельств и проявляется опять же в поступках, видимых всем. Никто не может приказать верить, но всякому должно быть ясно, что человек, который верит в зло и не верит в добро — опасный человек. Но вот беда — злой ненавидит доброго так, как добрый не умеет. Потому что он добрый.

Главное, что привлекало Валерку Волкова в Леше

Афанасьеве, — его озлобленность. Но и сомневался в пациенте Валерка: глубоко ли это, надолго ли?

— Я уехать надумал, — сказал Валерка, приглядываясь к парню. — Не нравится мне здесь.

— Я тоже скоро ту-ту-у. — Афоня забеспокоился, откуда Валерка прознал про его намерения и не желает ли ехать вместе? Не дай бог! И чтобы разъяснить это, соврал: — Я решил один лететь на Камчатку, в запретную зону, где вулканы. Мне пропуск обещали.

— Молоток! — одобрил Волков. — А то они бригаду придумали. Знаем мы эти бригады с детского садика. Одним все, другим фига с маслом, как маленькие говорят. Какая может быть бригада, спрашивается? Мастер у вас вахлак, между прочим. Шуму наделал, в газете про него напечатали, а он пожар устроил, два новых почти дома спалил, колхозный материал по ветру пустил... Красиво, между прочим, горело, костер до неба.

— А ты видел? — спросил Афоня.

— Люди говорят, — хмыкнул Валерка.

— Люди говорят, до неба, — передразнил Афоня. — Подумаешь, две избенки. Я видел, как в Америке перегонный завод горел, как нефтяные вышки горят. А тут две избы...

Валерка возражать не стал. Он тоже видел по телику разные катастрофы, но и пожар в Ряполовке не хухры-мухры.

— А мастер ваш в Москву намылился?

— Да что-то не видно его, в больнице у Ткачевых все сидит.

— Неужто так сильно пообжигались? — удивился Валерка. — Чудеса.

Слова Волкова показались Афоне странными. Какие тут чудеса, если пожар, если выпили и заснули? А Валерка все ухмылялся.

— Ты чего? — спросил Афоня.

— А не протреплешься?

Ясно было, что Волков знал о пожаре в Ряполовке больше других, но в глазах его Афоня прочел еще что-то, очень страшное, прячущееся за шальную веселость.

— Чего глаза пялишь? Так всегда и бывает — от интереса. Она-то уж засыпать стала, а я себе налил, но промахнулся, он со стола потек.

— Кто?

— Самогон. Чего не понять. Первач. Я его спич-

кой — не горит, не хочет. А скатерть — синтетика, намокла. Я еще спичку.

Волков ухмылялся, вспоминая ту веселую ночь, и не видел, как смотрит на него Афоня.

— Не думал, что так полыхнет. А она-то спит и лыбится во сне.

— Кто? — спросил Афоня.

— Мать их. Еще не очухалась даже, выскочила из дома в чем мать родила.

Афоня смотрел на Волкова с недоверием, не понимал, о чем он.

— В чем мать родила, — повторил он. — Честно. И бегом по деревне... Хорошо, пусто там. Так потом я ей свою рубашку отдал и брюки, сам в плавках и пиджаке домой приканал. Наколола меня на штаны. Где ее искать?

— Что? — спросил Афоня, глаза его стали щелками, но и в них Волков увидел, какие бешеные зрачки у этого мальчишки. — Что? Повтори, гад... — Афоня перехватил ртом воздух. — Значит, ты, значит, ты, паскуда мелкая... Ты поджег? Из-за тебя все?

Только в первый миг Волков струхнул, потом вспомнил, кто перед ним, сплюнул.

— Ты чего, Афоня? Сдурел совсем. Уши-то протри, а то помрешь глухарем... Поджег! Кто поджег? Может, ты поджег. А меня там и не было.

— Ты сам сейчас сказал... — оторопел Афоня. — Ты же сказал... Не придуривайся.

— Сам ты придурок хороший, — совсем уже спокойно сказал Волков. — Не было меня там, а брюки мои кремпеновые сами собой гуляют. Видел «Человека-невидимку»? Остальное, Афоня милый, тебе приснилось, ничего я тебе не говорил. Понял? Ружье отдал, деньги взял, ну и будем здоровы. Обмоем в следующий раз.

Волков понимал, что все так легко не кончится, уйти хотелось немедленно. Афоня стоял прямо перед ним с ружьем и дорогу не уступал. Волков шагнул в сторону.

— Стой, — сказал Афоня. — Не уйдешь, пока не скажешь. Не пушу, фашист вшивый.

— Не пустишь, — повторил Волков. — Не пустишь, значит?

Он дернулся внезапно и ударил Афоню ногой в низ живота. Афоня согнулся в три погибели, а Волков кинулся прочь, между деревьями. Он не оглядывался, но бежал, зная, что в него целятся.

И тогда в липовой аллее бывшего господского парка прогремел выстрел. Замолкли и вновь загомонили птицы, но ничего пугающего их под древними липами больше не повторилось.

Александр Михайлович как председатель месткома выговаривал директору:

— Я говорил, Иван Макарович, надо было сразу подписать заявление Степанова. Просил он уволить по собственному — и распрекрасненько. Если бы вы подписали тогда, на нас бы за Волкова вины не было, и он бы уже мастером не числился. А теперь это его вина: его группа.

— Кто стрелял, не установлено, — сказал директор.

— Пока не установлено. Пока, — настаивал Александр Михайлович. — Но известно, что ружье Афанасьев у Волкова еще осенью собирался купить.

— Я этого не знаю, — упрямо сказал Иван Макарович. — И слухами не пользуюсь.

— Не слухи это, — возражал предместкома. — Какие слухи, когда кровь на песке. И свидетели говорят, что ранен Волков из ружья, дробью стреляли. И пиджак в крови.

— Это разговоры, разговоры. Где справка, где заключение судебно-медицинской экспертизы? Где сам Волков? Вы не юрист и не знаете сложностей. Может, он сам себя хотел убить?

— Многое неизвестно нам, — согласился Александр Михайлович. — Но вот мать пострадавшего тоже подтверждает, что продавал он ружье, а вернулся раненый. Да не это меня тревожит, Иван Макарович дорогой, не это. Поймите, надо было срочно подписать заявление по собственному. Ну хоть теперь подпишите. Подпишете?

— Не знаю, — сказал директор.

— А знаете, как это называется? — спросил Александр Михайлович и сам же ответил: — Это называется — абстрактный гуманизм. От него всем плохо.

Заявление об уходе по собственному желанию Иван Макарович подписал, но просил Николая поработать еще, чтобы прошли экзамены. Николай и сам не мог уехать. Юра выздоравливал медленно, Борю тоже не спешили выписывать. Он навещал их часто, хотя ребят его визиты почему-то не радовали, о случившемся они говорить не хотели вообще.

Следователь Кособоков вызывал Николая к себе раза два в неделю, задавал вопросы о его предыдущих работах, о семье. Спрашивал про всех ребят в группе, почему-то больше других его интересовал Савельев, а про то, как Николай навещал мать Ткачевых, он не спросил ничего.

— Об этой женщине нам все известно.

Что ему было известно про Елену Аркадьевну, Николай добиться не мог. Он по собственной инициативе послал ей телеграмму, потом письмо послал, но она не приезжала и ответа не прислала. Никак не хотелось Николаю верить, что ребята напились из-за того, что матери не понравилось в Ряполовке и она решила уехать. Это была единственная правдоподобная версия, где все сходилось. Однако Николай почему-то сомневался.

— Понимаю вас, Николай Иванович,— говорил старший лейтенант Кособоков.— Отлично вас понимаю, но факт налицо. Факты упрямая вещь. По той или по другой причине, это имеет мало значения, ваши Ткачевы выпили, закурили... Потом уснули. Окурки, допустим... Или уголек из печи. Мать мы нашли, кстати. По нашей просьбе ее допросили. Она показала, что уехала вечером на случайной машине.

— Хорошо бы найти эту машину. Не так много случайных машин через Ряполовку ходит.

— Не надо давать следователю советы. Лучше обратить свои помыслы на себя.

— Ох! — Николай покачал головой.

— Конечно — ох,— сказал следователь.— Но не верить матери Ткачевых мы не имеем в данном случае оснований. И главное — братья Юрий и Борис ни от чего не отказываются. Признали все.

Николай хотел спросить, что же теперь с ними будет, но и сам про это догадывался. Судить не за что. Вот если только заставят выплачивать, но и это спорно. Не тот человек Павел Кондратьевич, чтоб с пацанов деньги требовать. Вот если мастера захотят наказать, другое дело. Николай к этому внутренне был давно готов.

— А на мой взгляд,— как угадал его мысли следователь,— надо бы материально Ткачевых наказать. Пусть не на всю сумму, но пусть учатся отвечать. Рубль, как показывает практика, хороший воспитатель.

— Не уверен я во всем этом,— сказал Николай.— Я ведь не педагог.

— То-то и оно! — Кособокову эта мысль понравилась. — Нельзя на педагогические должности ставить людей без соответствующего педагогического образования. Я об этом уже написал по инстанции, представление сделаем по всей форме. А вообще-то ваша, товарищ Степанов, личная недоработка. Учите на будущее.

— Учту, — сказал Николай. — Значит, могу уезжать?

— Можете. Адрес ваш московский у нас имеется.

— Мне бы на полгода раньше уехать, — не сдержался Николай.

— Счастливого пути, — сухо сказал ему старший лейтенант.

Николай пошел к двери, но остановился и спросил о том, про что боялся и думать.

— Да, забыл... — неловко сказал он. — С Волковым что-нибудь выяснилось?

Следователь пожал плечами:

— Что можно выяснить? Что группу вы распустили до крайности — это ясно, остальное в тумане предположений. Мало того что ваши пьяные ученики два дома спалили и чуть всю деревню не сожгли, так ведь, по слухам, Волкова тоже кто-то из ваших питомцев чуть не убил. Не будем раньше времени делать выводы, но когда найдется пострадавший...

— Как найдется?

— Нет у нас в данный момент пострадавшего, нельзя его допросить. В таких случаях, если нет свидетелей, нет пострадавшего и нет трупа...

Николая передернуло. Следователь это заметил:

— Исчез Волков, как сквозь землю.

— Исчез? — выдавил из себя Николай.

— Вы его видели с тех пор? И никто не видел. После первого обращения к медицине и перевязки пострадавший куда-то уехал. Мать его ничего толком сказать не может, почти и вещей не взял. Вернется — допросим, надо будет — вас вызовем. Признаться, будь на то моя воля, я на вас бы дело завел, Степанов. Жаль, закона такого нет. Ведь и теперь лукавите вы: спрашиваете про Волкова, а интересуется вас Афанасьев. Не прав я, скажите?

— Правы, — сказал Николай. — Только я об этом знаю не больше вашего. Слухи, предположения. А если с Волковым что-то серьезное, если действительно Афанасьев стрелял, то уехать не могу, тут должен быть.

— Я же объяснил, Степанов, вызовем вас, если понадобится.

Так и сказал: Степанов. Без имени и отчества и без слова «товарищ».

Николай шел по Взгорью. Его дела кончились, и он уезжал.

Прошли экзамены, группа была выпущена, и каждый из ребят начинал свою жизнь, за которую отвечает сам и сам делает выбор. Это было их право, и ему надо было понять это раньше, может быть, тогда бы не было его вины, в которую он в конце концов поверил. Последним и самым тягостным впечатлением были усталые и холодные глаза Бори Ткачева, его слова, сказанные, как чужому:

— Ну что вы все сомневаетесь, все не верите... Что вы вообще про всех знаете? И чего это вы нас жалеете, чего вы всех жалеете? Вы бы себя лучше пожалели, себя бы пожалели... Ряполовку мы сожгли!

«Мы Ряполовку сожгли!» Если б не так настойчиво, не так упрямо, не с таким вызовом, Николай не стал бы вновь и вновь думать о том, как все было в действительности. Но ведь явно не так, как говорили ребята. Наставив на своем, братья Ткачевы ставили под удар мастера, другой бы сказал — предавали его. Николай об этом старался не думать. Горько, конечно, но важнее причина, по которой ребята упорно не хотели говорить правду. Ничего не зная о случившемся в ту ночь, Николай все тверже убеждался, что тут замешана беспутная Елена Аркадьевна. Тайна связана с ней и еще, быть может, с каким-то старым стыдом, с таким позором, на который гордые братья Ткачевы не пойдут никогда.

Впрочем, это было всего одно из целого ряда предположений, и Николай, имея особенность все плохое обращивать на себя и себя винить в первую очередь, думал о Боре и Юре без обиды. Что ж, значит, он не заслужил большего.

Он теперь — отрезанный ломоть. Ему казалось, что планы и надежды людей, к которым он был причастен, пошли по прежнему пути, будто в них не вмешивался никогда Николай Иванович Степанов.

Глава последняя

П О В О Р О Т

Река текла широко. Она изгибалась среди облетающих рощиц и перелесков, и странно было думать, что рядом она совсем другая — в граните, как в трубе, отделенная от земли, травы и всей вообще живой природы. Странно было и то, что отдельно от природы и среди нее — река называлась одинаково.

Осень всю сыпала листьями, и Николаю приходилось целые дни работать метлой и граблями. В просветах между корпусами он иногда видел реку, поля и деревья по ее берегам, но смотрел туда без интереса. Листья под ногами, уходящая в зиму трава были ему важнее всего вокруг. Листья, трава...

Он устроился дворником, что оказалось по душе и ему самому, и Наташе.

— Теперь среди дворников студенты и аспиранты, — объясняла Наташа Вероничке. — Наша директриса пошла в ЖЭК претензии предъявлять, что мусор не убирается, а ей говорят, что дворник отпуск взял, диссертацию защищает. Может, шутка такая, я не знаю. А то ведь и зарплата, и жилье.

Вероничка смеялась. Ей главней всего, чтобы отец рядом.

Николаю нравилось, что вставать надо было рано, поэтому часы бессоницы сокращались. Наташа тоже была рада, что Николай на воздухе занимается физическим трудом, значит, и тяжелых мыслей у него будет меньше. Про Ряполовку они почти не говорили. Даже если случай на то наводил.

Пришло как-то письмо с неожиданным обратным адресом и неразборчивым росчерком вместо фамилии отправителя. С Севера письмо, из-за Полярного круга. Когда Николай вскрыл — оказалось, от Леши Афанасьева. Как тот добыл московский адрес своего бывшего мастера, оставалось догадываться. То ли по просьбе Леши кто-то в училищной канцелярии выведал, то ли брат, инженер-могильщик, через адресный стол справки навел.

Письмо Николай перечитал несколько раз, но домашним ничего не сказал. Да и Леша просил никому не говорить. Писал он про то, что узнал от Волкова о причине пожара в Ряполовке, что, выходит, именно Волков и есть поджигатель. Тайну письма Леша просил хранить из боязни, что его разыщет милиция. И еще писал: «Пожалуйста, Николай Иванович, никому не проболтайтесь, как там вышло с матерью Ткачевых, потому что нет хуже, чем плохая мать, это я по себе знаю, от обиды за мать я и пальнул в Волкова из двух стволов. Чтобы матерей не позорил».

Очень хотел Николай показать письмо Наташе, похвастать доверием, но удержался: зачем ей воспоминаниями о плохом тревожить себя. Назад дороги нет. Леше он ответил на другой день, поблагодарил за память и сообщил, что дело в милиции закрыто за нерозыском пострадавшего и в связи с отсутствием данных о тяжести повреждений. Еще написал, что Валерка Волков, как говорят, из Взгорья скрылся. Возможно, тоже поехал на Север, так что пусть Леша смотрит в оба.

Еще было письмо от старшей Наташиной сестры Татьяны из-под Вязьмы. Она писала в основном про мать: что она ничего, не скучает, помогает на огороде, за птицей смотрит, только маленько странная стала, задумывается о чем-то, отвечает невпопад и все спички прячет, а куда спрятала — забывает. Это уж, видно, старость.

Приезжал на «жигулях» Михаил, доставал импортные чехлы и распредвал, сказал, что из «Леля» увольняется

по собственному, переходит на самостоятельную работу, будет заведовать пунктом приема посуды в райцентре и переедет туда.

— А как же Нина? — спросила Наташа.

— Как все, — ответил он, и больше на семейные темы разговоров не было. Говорили о ценах — что дубленки подешевели, что хрусталь теперь не ценится и вельвет выходит из моды. Может быть, Михаил и нашел бы способ задеть непутевого зятя, но что его добивать, коли он и так богом убитый: с метлой и совком чужую грязь подбирает.

А жизнь в семье после всего происшедшего стала другой. Николай смотрел на нее спокойней и замечал многое, что радовало. Вероничка все больше становилась похожа на Наташу: так же тревожилась за других и могла понимать настроение. Утром он ее провожал до школы, они разговаривали, и он запасался дочкиными интонациями, смехом и любовью до самого ее возвращения.

Вечером он шел к автобусу встречать Наташу, и она рассказывала ему, как трудно живут люди, а у них в семье все еще дай бог, и вообще главное в жизни — здоровье.

— Скоро снег выпадет, — говорила она. — Выйдешь утречком, намахашься заступом и как спать-то будешь, без всяких таблеток. Тебе главное нервы укрепить, а там... В ОТК на завод я сама схожу, мне обещали.

Утро было сухое и прохладное.

Николай подметал серый асфальт не спеша, думал про землю, которая лежит там, под этой плотной серой коркой. Интересно, что с ней произошло? На вид, конечно, земля как земля, а разглядеть в микроскоп — мертвая. Потому что без солнца... Прохожих было мало, и когда Николай услышал «здравствуйте», он понял, что это ему.

— Здравствуйте, простите...

Рослая спортивная девчонка, уже девушка, с короткой стрижкой светлых волос и очень серьезными серыми глазами остановилась рядом.

— Вы эту работу оставлять не собираетесь?

— Нет пока, — удивился Николай. — А в чем дело?

— Я живу в этом районе, — сказала девчонка. — Ищу работу дворника.

— Да... — посочувствовал Николай. — Знаете, я спрошу. А вдруг... Вы подходите время от времени.

Девчонка внимательно, по-деловому оглядела его работу.

— Учитесь, наверное? — предположил он. — И живете в общежитии. Надоело в общегае?

— Учусь на первом курсе геофака, — сказала девчонка. — А живу дома с родителями.

Мало ли что бывает, подумал Николай и больше ничего не спросил, но девчонка вдруг объяснила сама:

— Деньги нужны. Куплю в деревне избу и работать там буду.

Ей было неинтересно, удивился Николай или нет. По ее неулыбчивому лицу было видно, что сообщила она о деле давно решенном.

— Обязательно спрошу, — еще раз пообещал он. — Вы подходите.

Девчонка зашагала прочь. Она чуть сутулилась, на плече висела мягкая спортивная сумка.

«А вдруг!..» — мелькнуло у Николая.

— Подождите! — крикнул он.

Она вернулась.

— Деревня есть одна, — сказал Николай. — Я бы лично посоветовал... Места там очень хорошие, травы душистые. Запишите адрес...

Днем по междугородной позвонила Татьяна. Спросила Наташу, потом решила. Слышно было плохо, она кричала в трубку, что мать сбежала, а Михаила на переговорный вызвала — говорит, нету ее в Ряполовке, ничего, мол, не знаю и знать не хочу. И у них, значит, нету? Все на работу, а она — шась... Где ж она плутает? И так было трудно, голова-то у нее не в порядке, а тут еще это... Главное, продуктов с собой набрала, вроде как опять пешком идти собралась.

Николай слушал свояченицу, изо всех сил прижимал трубку к уху и думал о том, как скажет Наташе. Не впервой сбежала бабка Настасья от детей, но каждый год эти внезапные побеги становились опасней для ее жизни. Осень на дворе, вот-вот пойдет снег, а она поездом и автобусам не доверяла. Предпочитала добираться своим ходом. Где ее теперь ловить?

Вероничка уже вернулась из школы, занималась музыкой.

— Играй, — сказал Николай. — Я к маме.

Наташу пришлось подождать. Он сидел, смотрел на аквариум. Салон открыли давно, но рыбок в аквариум так и не пустили. Никому не нужная вода и серые камни на дне наводили тоску. Из мужского зала вышел парикмахер Ленья, посмотрел на Николая.

— А ты похудел, старик,— сказал Ленья.— Не бо-
леешь?

— Вроде нет...

— А то врач есть один, мне клиент рассказывал, по телефону лечить может. И не что-нибудь там такое — опухоли, аппендицит, кровотечение останавливает.

Ленья с виду был нормальный человек, а если судить по тому, что он приобрел при помощи ножниц, расчески и бритвы, то — очень даже нормальный. Под окном салона стояла его новая машина «Лада», часы у него были самые модные: показывали число, день недели, месяц, год и век, умели играть турецкий марш и светились, если нажмешь кнопку. Штаны у Лени были из Штатов, на шее дорогая цепочка с золотым католическим крестиком. Но Николай понимал, что Лене всего этого мало, и жалел его. Ленья эту жалость как-то улавливал и потому приставал к Николаю со своими фантастическими байками про деда-адмирала, про брата-генерала, про то, как он сам испытывал новую авиационную технику, а в парикмахерской стажирется ради будущей очень важной для государства работы. Он не мог не чувствовать, что Николай не верит ему. Но и остановиться не мог.

В салоне все знали, что Ленья подрабатывает мелкой фарцовкой, спекулирует импортными тряпками, сигаретами, но смотрели на это снисходительно: когда-нибудь влипнет.

А пока Ленья говорил Николаю о телепатии и ясно-видении, о подводных лодках, которым дед-адмирал посылает команды одним мыслительным усилием, и там эти команды расшифровывает специальный компьютер.

Николаю было все ясней, что таких несчастных, как этот Ленья, становится слишком много. И Михаил хоть и родной Наташин брат, но не похож на нее, он из этих же, что гребут, гребут под себя, надеются богатством душу утешить и над людьми подняться, а потом вдруг в пустоте оказываются. Не понять им, что есть только одна жизнь, которую судьба подарила, другой не будет, не купишь ее ни за деньги, ни за чеки, не вымолишь у летающих тарелок или у телепатов, йогов, у многорукого бога Шивы

и всех прочих богов. И странности бабки Настасьи, ее склероз и то, что врачи называют возрастными изменениями психики, куда нормальнее и ближе к жизни, чем хмурое накопительство таких, как Михаил, или мистические фантазии таких, как Ленья. Для них простые и естественные человеческие чувства и желания недоступны. Жизнь проносится мимо, и они успевают выхватить из нее только то, что на поверхности. Так, английский морской флаг на пряжке Лениного ремня не означает, что Ленья связал свою жизнь с флотом ее величества королевы Великобритании, а крестик на шее не означает, что он верит в бога. И еще Николай понял, что он со своими неурядицами интересен и загадочен для Лени, а Ленья ему понятен и скучен.

Виду Николай не показывал, слушал вежливо, а сам украдкой продолжал глядеть на зеленватую, с тонкой, еле заметной паутинкой мути воду аквариума. Нет, кто-нибудь там все-таки живет. Пусть совсем ничтожная жизнь, но образовалась. От этой мысли ему становилось веселее.

А Ленья перешел к новой теме:

— Так вот те, кто эту клиническую смерть перенесли, все в один голос: «Летели и видели перед собой свет в туннеле».

— Как в шахте? — вежливо спросил Николай.

— Точно! — Сравнение это парикмахеру Лене понравилось.

— Куда ж они летели? — опять спросил Николай и побоялся, что выдает себя, обижает собеседника. — Вверх или вниз?

— Вверх, — не очень уверенно сказал Ленья.

— Ну, это в рай, — успокоил его Николай и подумал, что лучше уж верил бы Ленья в бога, чем в эту чушь.

А Ленья шептал, оглядываясь:

— Один из этих, которые постигли, моему клиенту сам сказал: могу, говорит, вылезти из себя. Но стараюсь до половины. Боюсь, обратно не влезу.

Николай придумывал, как бы осторожней сказать Наташе про исчезновение матери, но она сразу обо всем догадалась.

— Татьяна звонила, — только и сказал он.

— Опять! — ахнула она. — Давно?

— Да порядком. Она тревожить не хотела. Михаилу звонила, он ничего не знает. Продуктов с собой набрала целый рюкзак. Не пешком ли идет?

— Заблудилась, — горестно сказала Наташа и плотно прикрыла ладонью рот.

Николай молчал, смотрел, как похожа она на свою мать.

— Вдруг приедет, а изба-то заколочена, — опять испугалась Наташа. — Ведь к Михаилу она не пойдет.

— Может, мне поехать?

— Нет уж, — отрезала Наташа. — Позвоним Мишке... Или в крайнем случае я сама поеду. Но уж не ты, нет.

Он пошел к ней в подсобку, ждал, пока переоденется, и без страха и огорчения представлял свою жену старухой вроде бабки Настасьи. И себя представлял стариком. «Нудный буду старик. Лишь бы дожить».

Перед тем как выйти на улицу, Николай протянул жене сверток:

— Тебе, «Таис Афинская».

— Достал! — Она полистала книгу, опустила в сумку и вздохнула. — С этой новостью никакого покоя не будет. Больше чем уверена — она пешком. А ведь холодно уже по ночам.

Домой они ехали долго, народу было много, и Николай все загораживал Наташу, чтоб ее не толкали. Они шли к дому и еще издали увидели, что все окна их угловой квартиры горят.

— Большая уж, а боится, — сказала Наташа. — Как одна — везде зажигает. — Она поежилась. — Скоро зима. Три месяца еще поубирай, тебе для здоровья важно...

Они поднялись на лифте. На площадке у их двери стояли два парня в одинаковых синих куртках, светлые волосы падали на лоб.

— Здравствуйте! — Тот, что повыше, шагнул вперед.

Свет на лестнице был тусклый, но Николай сразу узнал братьев Ткачевых. Узнал и удивился.

Как всегда, первой нашлась Наташа.

— Заходите... А Вероничка что — не пустила? Не узнала небось, вы ж выросли.

— Мы позвонили, — сказал Юра. — Слышим, кто-то к двери на цыпочках подошел и вроде в глазок глянул. Мы еще позвонили, а она не отозвалась.

— А вы б ей сказали. Она вас помнит.

— А вдруг... — начал Юра, но договорить не успел, потому что она была уже в прихожей.

На кухне Николай спросил:

— Проездом в Москве?

— Нет,— мотнул головой Борис.— Лично к вам, Николай Иванович. От вас многое зависит, а в письме не объяснишь.

Николай поглядел на Наташу, и она оставила их втроем.

— Тайны никакой нет,— сказал Боря.— Нас Павел Кондратьевич к себе взял в колхоз, обещал в будущем году в Ряполовке звено создать, только...

— Он говорит, если бы ваш Степанов взял на себя это дело,— перебил Юра.

Николай не поверил:

— Разобрались, что ли? — И осекся.

— Разобрались,— сухо сказал Борис.— А Иван Макарович считает, что на базе этого звена можно в будущем для всех выпускников практику организовывать. Он привет вам передавал. Так что можете от колхоза работать, можете от ПТУ. Так и поручили передать.

Николаю было не по себе, и он обрадовался, когда вернулась в кухню Наташа и разговор перешел на Толю Макарова, который уже получил повестку, и на Митю Савельева, он шофером устроился. И про Ирину говорили, что она последний год в детдоме, опекунство уже оформляется. Ни про пожар, ни про Елену Аркадьевну никто не сказал ни слова, хотя, Николай знал это, помнили во время всего разговора.

И впервые за эту осень Николай стал бояться, что ребята спросят, где он сейчас трудится. Ни перед парикмахером Леней, ни перед зятем Михаилом, ни перед той спортивной девчонкой на улице он не стеснялся своей дворницкой должности, а перед братьями Ткачевыми ему было стыдно. Боре в армию скоро. Потом, если не будет отсрочки, пойдет Юра, но отсрочку дадут, директор и председатель обещали исхлопотать ради Иринки.

— Пока не постройтесь,— предложила Наташа,— вы наш дом откройте. Мама рада будет. Дом у нас теплый.

— Нам бы только взрослого руководителя надо. Такого, как ваш муж,— сказал Юра, и Николай опять испугался, что они спросят, где он работает.

На этот раз выручила Вероничка. Она перестала смущаться своей трусости и начала просить, чтобы братья спели «Во кузнице».

— Ну спойте,— тянула она.— Спойте, пожалуйста, у вас здорово получается. Спойте, я подыграю.

Они ушли к ней, Николай остался с Наташей. Она суежилась, прятала глаза.

— Ну что? — спросила она. — Славно за бугром коней пасти, да?

— Я им нужен, — сказал Николай.

— А мы тебе?

Но видно было, что ей ничего объяснять не надо.

— Больше жизни... — Николай прижался лицом к Наташиным волосам. — Наташа, ты меня не бросишь?

Конечно, люди могут подумать, глупо она с Николаем своим живет. Что за пара такая? Целый год одна жила. И он один. «Тристана и Изольду», что ли, разыгрывали? А кто читал про Тристана-то и Изольду? Кто и читал, не поверит, что так в жизни бывает... Потом вот приехал муж — опять никому не объяснишь, что за трагедия стряслась, отчего только дворником может. А сейчас Наташа любовалась мужем: сидит счастливый-счастливый. Она сразу поняла: надо ему ехать... Вот разыскали его парнишки, нужен он, это для хорошего человека всего важнее, чтоб нужен был. А они с Вероничкой должны стараться для него, потому что с виду он мужик здоровый, но если пересиливать себя будет, быстро свернется. Такие, как он, только на душевном полете и живут, за это она его и любит, за то, что ни на кого другого не похож.

Казалось, зачем Наташе посторонним про своего Колю рассказывать, чем гордиться? Одну работу бросил, на другой не мог, а потом за сто шестьдесят в глухомань переселился. Смех для нормальных людей! А Наташа почему-то всем рассказывала про своего Колю с гордостью: ваши вот так не могут, а мой может; ваши за рубль держутся, за удобства, а мой безо всего может обойтись.

Но то, что еще думала парикмахер Наташа про своего мужа, она никому не говорила, стеснялась, потому что такие только в книгах бывают. Из него бы, из Кольки, декабрист вышел, такой, как Лунин, например, отважный. Книжки ведь тоже их с Колькой общая болезнь, этим она тоже гордится. Не на тряпье или там посуду, а на книги приучал он ее не жалеть денег. Хорошо, что Коля Вероничкин отец, будет на него похожа, значит, и будет счастливой. И поняла Наташа, что они на пороге совсем новой жизни, неповторимой и вечной.

В комнате Веронички на два голоса запели братья:

Во ку, во кузнице,
Во ку, во кузнице...

И Николай заметил, что голоса их были уже не мальчишескими.

На рассвете Николай проснулся, встал, надел тапочки.

— Сердце? — спросила сонно Наташа.

— Все хорошо, — сказал шепотом он. — Спи.

В кухне он попил воды, подошел к окну. Над высокой телебашней, чуть сбоку, светилась круглая звезда. Николай пошел в комнату, где спали братья.

— Ребята, — позвал он тихонько.

Те проснулись, готовно сели.

— НЛО поглядеть хотите? — спросил он. — Летящую тарелку...

Босиком ребята подошли к окну, и все трое засмотрелись на звезду. Она дрожала и переливалась. Николай прищурился и вдруг ясно увидел дальнее поле, на котором уже убрали хлеб, высокие скирды соломы... И бредет по полю маленькая старуха в темном платке. Добирается по родной земле до родного дома...

Николай посмотрел на часы. Ложиться снова было бессмысленно. Надо было ехать на вокзал за билетами, потому что совсем скоро отходил поезд, на котором они должны были отправиться к новым надеждам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Читателю	3
ТРИ БУМАЖКИ. <i>Вместо предисловия</i>	4
Глава первая. НАТАША	8
Глава вторая. КОНЕЦ НЕДЕЛИ	12
Глава третья. ПОРОГИ	24
Глава четвертая. РЯПОЛОВКА	44
Глава пятая. ТКАЧЕВЫ	56
Глава шестая. МАСТЕР	76
Глава седьмая. ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ	87
Глава восьмая. БУДНИ	101
Глава девятая. ИГРА	119
Глава десятая. КАНУН ПРАЗДНИКА	128
Глава одиннадцатая. КАНИКУЛЫ	140
Глава двенадцатая. УРОКИ	145
Глава тринадцатая. ДОМ	164
Глава четырнадцатая. СЛЕДСТВИЕ	180
Глава последняя. ПОВОРОТ	197

Д о р о г и е ч и т а т е л и !

*Свои отзывы о прочитанной повести просим вас присылать
по адресу: 125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Литературно-художественное издание

Д Л Я С Т А Р Ш Е Г О В О З Р А С Т А

Икрамов Камил Акмалевич

«СЛАВНО ЗА БУГРОМ КОНЕЙ ПАСТИ...»

П о в е с т ь

Ответственный редактор *И. А. Григорьева*. Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*. Технический редактор *И. П. Савенкова*. Корректоры *Э. Н. Сизова, Е. А. Суляян*

ИБ № 9381

Сдано в набор 30.05.89. Подписано к печати 03.10.89. А07947. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. типогр. № 2. Шрифт обыкн. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 12,18. Уч.-изд. л. 11,75. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1822. Цена 75 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

75 к.

Издательство «Детская литература»

